

[Polaris]

ФЛОЙД ГИББОНС

КРАСНЫЙ
НАПОЛЕОН

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CCCLXXV

Salamandra P.V.V.

Флойд
ГИББОНС

КРАСНЫЙ НАПОЛЕОН

Salamandra P.V.V.

Гиббонс Ф.

Красный Наполеон. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2020. — 247 с. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCCLXV. Факсимильное издание).

«Красный Наполеон» — фантастический роман, написанный в жанре альтернативной истории и использующий темы «желтой» и «красной» опасностей. В центре романа — советский военачальник Иван Каракан, который приходит к власти в СССР после убийства И. Сталина в 1932 г. Став диктатором, Каракан ведет советско-азиатские орды на завоевание мира и покоряет одну страну и континент за другим, пока не сталкивается в решающем конфликте с Соединенными Штатами.

Флойд Гиббонс (1887-1939) — знаменитый американский военный репортер, радиоведущий и сценарист; освещал бои на фронтах Первой Мировой войны (где потерял глаз), мексиканскую революцию, голод в Поволжье, итальянское вторжение в Эфиопию и гражданскую войну в Испании.

**КРАСНЫЙ
НАПОЛЕОН**

ФЛОЙДЪ ГИББОНСЪ

КРАСНЫЙ НАПОЛЕОНЪ

РОМАНЪ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ГРАМАТУ ДРАУГСЪ“
РИГА, ПЕТРОЦЕРКОВНАЯ ПЛОЩАДЬ 37

1 9 3 0

Сегодня 17 июля 1941 г. да.

Со дня окончания войны между Соединенными Штатами Америки и Мировым Союзомъ Советскихъ Республик прошло ровно пять лѣтъ.

Я сижу на террасѣ старого отеля на одномъ изъ Бермудскихъ острововъ; легкій вѣтерокъ колышетъ листья пальмы, и она блеститъ подъ лучами солнца, словно маленькая сказкаль ее жиromъ.

Въ нѣсколькоихъ шагахъ отъ меня въ шез-лонгѣ сидѣть человѣкъ, заставившій весь миръ содрогнуться, человѣкъ гордившійся своей цѣнной кожей и гадавшій честолюбивой цѣлью уничтожить расовыя различія — создать изъ всѣхъ человѣческихъ расъ одну всечеловѣческую расу.

Я нахожусь на этомъ райскомъ островѣ въ качествѣ представителя всей мировой прессы, и на меня возложена обязанность быть при этомъ членомъ до его кончины. Ежедневно я посыпаю сообщенія о состояніи его здоровья, о его мысляхъ и соображеніяхъ, которымъ онъ первой выказываетъ по поводу тѣхъ или иныхъ одержанныхъ въ побѣда или понесенныхъ пораженій.

Я сообщаю миру его слова о томъ, что пѣлю это было даровать цѣннымъ расамъ множество бѣлыхъ женщинъ и тѣмъ самымъ отомстить за всѣхъ тѣхъ цѣнныхъ женщинъ, которыхъ стали военной добычей бѣлыхъ завоевателей.

Онъ побѣдитель, но онъ не сломленъ. Его аркій болѣе не существуетъ, флотъ его потопленъ, воздушный флотъ сбитъ, и все же онъ остается символомъ непреклонной воли, осмыслившейся продолжать миру «вой девизъ: „Завоевывай и плодись!“

Даже нынѣ, въ изгнаніи, онъ остался все тѣмъ же гордымъ и непреклоннымъ человѣкомъ, подавшимъ примѣръ послѣдователямъ тѣмъ, что онъ взялъ себѣ въ жены своимъ послѣдователямъ тѣмъ, что онъ взялъ себѣ въ жены свою бѣлую женщину и имѣлъ отъ нея трехъ сыновей смѣшанной крови.

Онъ не отказывается отъ своихъ воззрѣй. Онъ гордится, что столько дѣтей унаследовали его монгольскую кровь, и что рождены они бѣлой женщиной, чья красота, умъ и соціальное положеніе привлекли его вниманіе.

Въ Европѣ, въ Сѣверной и Южной Америкѣ, повсюду, куда ступали его побѣдоносныя полчища, живутъ тысячи евразійцевъ, мулатовъ и метисовъ — все это новое племя, результаѣтъ его походовъ, и этому поколѣнію смѣшанной расы суждено осуществить то, что онъ именуетъ „первыми шагомъ къ освобожденію міра отъ расовыхъ предразсудковъ“.

Съ 1928 года прошло тринацдцать кровопролитныхъ лѣтъ, и эти годы кажутся мнѣ вѣками. Въ 1928 году я возвратился изъ Европы въ Америку убѣженнымъ пацифистомъ. Война пресытила меня — мнѣ суждено было въ теченіе четырнадцати лѣтъ работать въ качествѣ военного корреспондента.

Я былъ свидѣтелемъ мексиканской войны, боевъ на американо-мексиканской границѣ, міровой войны, (которая должна была положить конецъ всѣмъ войнамъ). Наступившее въ 1918 году перемиріе заставило меня повѣрить въ то, что мои кровавыя обязанности окончены, но оказалось, что это было лишь началомъ новыхъ кровопролитій.

Въ періодъ съ 1918 по 1928 годъ маѣ пришлось ежегодно быть свидѣтелемъ новой военной кампії. Польско-русская война, рядъ восстаній въ Германіи, волненій въ Ирландіи, война въ Прибалтике, въ Южной Россіи, въ Сибири, на ближнемъ Востокѣ, въ Китаѣ, въ Марокко, переворотъ въ Польшѣ и военные дѣйствія въ Никарагуа.

Но откуда я могъ знать, что послѣдующее ужасное десятилѣtie заставитъ меня быть свидѣтелемъ еще болѣе страшныхъ кровопролитій?

Развѣ я могъ предвидѣть безжалостное избіеніе бѣлыхъ въ Южной Азіи и австралийскую бойню? Развѣ могъ я

предполагать, что обновившаяся Европа превратится въ арену невиданныхъ доселѣ боевъ?

Развѣ могъ я предполагать, что изолированная отъ всего міра Америка принуждена будетъ бороться противъ всего міра и что ей будетъ угрожать величайшая въ мірѣ армія?

Развѣ могъ я предполагать, что мнѣ выпадетъ на долю сопровождать полководца, за которымъ пойдетъ эта величайшая армія, и что мнѣ придется бороться противъ него? И что, наконецъ, я буду свидѣтелемъ его величайшей славы и величайшаго паденія?

Менѣ всего я могъ предполагать, что мнѣ суждено будетъ раздѣлить его изгнаніе на одномъ изъ острововъ Атлантическаго океана, и что я напишу исторію его жизни, исторію человѣка, чья желѣзная воля, безграничное честолюбіе и военный гений превратили міръ въ грудь разваливъ.

Всю свою жизнь я былъ корреспондентомъ, и то, что я пишу сейчасъ, также является корреспонденціей, соответствующей происходящему. Но личность этого человѣка настолько значительна, что мои корреспонденціи неминуемо должны принять историко-біографический характеръ. Къ тому же я настолько близко стою къ нему, что многое изъ написанного мною принимаетъ автобіографический характеръ. Говорятъ, что никто такъ хорошо не позналъ его, какъ я, и мнѣ кажется, что это дѣйствительно такъ.

Карахранъ, несмотря на свои сорокъ одинъ годъ, еще очень молодъ. Годы не склонили его, и онъ попрежнему высокъ и строенъ. Лишь блѣдность кожи свидѣтельствуетъ о подтачивающей его болѣзни, — онъ медленно умираетъ.

Живя въ заточеніи, онъ рѣдко надѣваетъ мундиръ, въ которомъ совершилъ побѣдоносные походы. Обычно на немъ свѣтло-коричневый легкій костюмъ, — единственное, что въ этомъ костюмѣ напоминаетъ о военномъ укладѣ его носителя, это стоячій наглухо застегнутый воротникъ. Вотъ и сегодня на немъ этотъ костюмъ.

Его смолисто-черные волосы подернуты легкой сѣдиной; онъ попрежнему стрижетъ ихъ коротко; въ такомъ видѣ его изображали несчетное число разъ карикатуристы всего

мира. И попрежнему на желтой его кожѣ выдѣляется бѣлый слѣдъ отъ пули, отчетливо видимый на всѣхъ его снимкахъ.

Его гемные глаза горячъ попрежнему огнемъ молодости, какъ тогда въ 1933 году, когда онъ на пятый день послѣ третией битвы на Марнѣ диктовалъ въ Парижѣ миръ.

Его холеаныя руки съ тонкими пальцами покоятся на рукахъ шезъ-лонга. На колѣняхъ его лежитъ карта Карибскаго моря, — сегодня онъ занялся изученiemъ биты заливъ Уиндворта, которой военные историки приписываютъ его пораженіе.

Взоръ его устремленъ въ синюю даль Атлантическаго океана, — кажется, словно онъ пытается проникнуть въ глубины, въ коихъ утонуло солнце его славы.

Впервые я встрѣтился съ Караканомъ осенью 1932 года. Однако значеніе этого человѣка обязываетъ меня сообщить вѣкоторыя свѣдѣнія о болѣе раннемъ періодѣ его жизни и вскрыть читателю, откуда взялся отъ источника несокрушимой человѣческой воли и энергіи, этотъ человѣкъ, которому суждено было занести свое имя въ перечень величайшихъ завоевателей и полководцевъ нашего міра.

Караканъ родился 16 іюля 1900 года въ селеніи Алма на востокѣ отъ Казани. Его отецъ Федоръ Караканъ былъ казачьимъ есауломъ, женившимся на татаркѣ. Для него его жена всегда оставалась представительницей низшей расы, азиаткой, которую онъ взялъ въ жены, соблазнившись ея красотою и приданымъ. Вмѣстѣ съ молокомъ матери мальчуганъ впиталъ ненависть къ бѣлой расѣ и ихъ мощи. Мать воспитала своего сына монголомъ.

Въ дѣтствѣ онъ позналъ приволье уральскихъ отроговъ. Въ немъ рано пробудилось чувство гордости, — онъ гордился своимъ отцомъ-воиномъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ унаследовалъ выдержанку и упорство матери, качества, сочетавшіяся съ военными способностями, унаслѣдованными отъ отца.

Будущій диктаторъ міра росъ привольной жизнью пастуха. Отецъ рѣдко навѣщалъ его и мать, и мальчикъ на-

учился питать къ нему почтеніе, смѣшанное со страхомъ. Раннія его воспоминанія объ отцѣ были ему непріятны.

Въ этомъ онъ мнѣ признался какъ-то впослѣдствіи, когда я спросилъ его, почему онъ брееть усы и бороду. Онъ отвѣтилъ мнѣ, что въ немъ по сіе время живо воспоминаніе о томъ, какъ отецъ при первомъ своимъ посѣщеніи поднялъ его и поцѣловалъ въ губы.

И на всю жизнь запомнились лохматая борода, обросшая волосами губы и тяжелый запахъ водки, табака и огурцовъ.

Есаулъ Караканъ палъ въ бою подъ Мукденомъ, — ему не было суждено возвратиться съ русско-японской войны домой. Послѣ его смерти осталось множество долговъ, поглотившихъ все состояніе жены. Мальчикъ росъ въ Пріуральѣ подъ надзоромъ старика-татарина, потерявшаго на войнѣ руку. Эта инвалидъ обучилъ мальчика начаткамъ грамоты.

Звали инвалида Сабутай, и отъ него Караканъ впервые услышалъ монгольскія сказавія о Сабутаѣ, великому монгольскому воинѣ, преемнику Чингиз-Хава. Отъ него же мальчуганъ узналъ о томъ, какъ монголы если по всей Европѣ смерть и разрушеніе, и какъ нѣкогда власть ихъ простидалась отъ Желтаго моря до Персидскаго залива. Эти легенды породили въ его душѣ честолюбивыя мечтавія о томъ, чтобы послѣдовать по стопамъ Чингиз-Хава, Сабутая, Александра, Цезаря, Ганибала, Аттилы и Наполеона.

Сабутай научилъ его ъздѣть верхомъ, обращаться съ оружіемъ, и отъ него же мальчикъ научился презирать толстыхъ мужчинъ. Ихъ презирали всѣ обитатели горъ.

Толстые мужчины не были мужчинами. Толстые мужчины были предназначены для убоя, откормленнымъ скотомъ. Они были рабами и походили на евнуховъ.

У Сабутая молодой Караканъ научился воздержавію и спартанской супровости. Какъ гордился онъ, когда, возвращаясь домой послѣ длившейся цѣлый день скачки, привозилъ съ собою непочатую флягу воды, изъ которой онъ не отпилъ ни глотка!

Стояли холодныя ночи, но Сабутай спалъ подъ открытымъ окномъ.

тымъ небомъ, прикрываясь конской попоной, и Караканъ слѣдовалъ его примѣру. И Сабутай открылъ Каракану весь смыслъ и глубины азіатской философіи: жизнь и сила были наградой сильного, смерть и рабство — удѣломъ слабаго. Караканъ научился расцѣнивать по достоинству важнаго человѣка. Если мужчина былъ силенъ, то за нимъ слѣдовало наблюдать, его слѣдовало остерегаться и одновременно пытаться найти его уязвимое мѣсто. Если мужчина былъ слабѣе его, то все было въ порядкѣ вещей — болѣе сильный долженъ былъ подчинить слабаго своей волѣ.

Эта философія дала первые результаты на двѣнадцатомъ году жизни Каракана. Какъ-то онъ пасъ вмѣстѣ съ Сабугаемъ табунъ въ Уфимской губерніи. Незадолго до наступленія сумерекъ они замѣтили какое-то движеніе въ лощинѣ — вспугнутыя лошади бросились въ различныя направлениа.

Караканъ и Сабутай знали, что это означаетъ. То были конокрады. Обмыавшись немногими словами, старикъ и мальчуганъ вскочили въ сѣдло и бросились въ погоню.

На разсвѣтъ мальчугану удалось настичь часть табуна, угнѣчную конокрадомъ. Караканъ соскочилъ на землю, приложилъ ружье къ плечу и разрядилъ его. Пораженная лошадь дрогнула подъ конокрадомъ и упала придавивъ всадника.

Караканъ осторожно приблизился къ упавшему. Лицо конокрада было искалено отъ боли — при паденіи онъ сломалъ ногу. Онъ былъ безоруженъ, ружье его осталось пригороченнымъ къ сѣдлу. Конокрадъ перевелъ взглядъ на мальчугана, мальчуганъ смотрѣлъ на конокрада. Ови не обмынялись ни словомъ. Да это было и ни къ чему.

На разстояніи десяти шаговъ отъ лежавшаго на землѣ татарина Караканъ остановился и разрядилъ ружье. Онъ всадилъ конокраду пулю межъ глазъ. Затѣмъ мальчуганъ отправился въ обратный путь собирать свой табунъ.

Такъ Караканъ впервые въ своей жизни пролилъ кровь. Онъ убилъ человѣка, и это событие не произвело на него никакого впечатлѣнія. Онъ поступилъ такъ, какъ ему

льѣлъ его законъ, и онъ былъ радъ тому, что смогъ осуществить его.

Въследствіи, когда по мановенію его руки сотни тысячъ людей шли на вѣрную смерть, онъ оставался все тѣмъ же безчувственнымъ и спокойнымъ человѣкомъ. Для него побѣда сильного и гибель слабаго были закономъ природы.

До четырнадцати лѣтъ Караканъ проводилъ зиму у своей матери. Семья его обѣдаѣла и испытывала нужду. Матери Каракана было нелегко воспитать троихъ сыновей и двухъ дочерей.

Въ Казани отставной офицеръ и сослуживецъ есаула Каракана обучалъ дѣтей военныхъ грамотъ, — онъ согласился позаботиться и обѣ образованіи сына своего сослуживца.

О пребываніи Каракана въ этой домашней школѣ мы узнаемъ изъ книги „Школьные годы Каракана“, написанной полковникомъ Субиловымъ (такъ звали отставнаго офицера) незадолго до своей смерти.

Наиболѣе сильное впечатлѣніе, — пишетъ онъ въ своей книгѣ, — произвели на меня его огромная жажда знанія, прилежаніе и молчаливость. Онъ презиралъ дѣтскія игры своихъ сверстниковъ. Для него жизнь въ степи со старикомъ Сабутаемъ была гораздо болѣе значительной и замѣчательной игрой, чѣмъ всѣ игры его сверстниковъ.

Особенно поражалъ интересъ Каракана къ точнымъ наукамъ. Онъ обладалъ изумительной памятью. Математика давалась ему безъ труда, — онъ мысленно производилъ сложныя вычисленія и никогда въ нихъ не ошибался. Географія привлекала его въ неменьшей степени, чѣмъ современную дѣтвору кино.

Карты оживали подъ его рукою. Онъ измѣрялъ на нихъ разстоянія, опредѣляя ихъ числомъ переходовъ и перегоновъ. Заслуживаетъ вниманія и его отношеніе къ исторіи, которая не являлась для него только перечнемъ хронологическихъ фактovъ и пышныхъ церемоній и празднествъ. Онъ всегда старался вникнуть въ существовавшую между отдѣльными событиями причинную связь и установить ихъ происхожденіе.

Онъ внимательно изучалъ жизнеописанія великихъ людей, но никогда они не вызывали въ немъ удивленія. Онъ не преклонялся передъ ними и гораздо болѣе преуспѣвалъ въ критикѣ ихъ ошибокъ, чѣмъ въ оцѣнкѣ ихъ подвиговъ.

Прочтя Пугарха, онъ какъ-то сказалъ мнѣ:

— Мы кажутся, каждый совершаешь ошибки, и я знаю, какія ошибки совершилъ каждый изъ нихъ. Чѣмъ больше человѣкъ, тѣмъ меньше его ошибки. Маленькия ошибки большихъ людей идутъ на пользу маленьkimъ людямъ.

У Каракана не было друзей среди школьнныхъ товарищевъ. Онъ всегда сознавалъ, что одѣтъ бѣднѣе, чѣмъ они, и лишенъ карманныхъ денегъ. Каждый мѣсяцъ имѣлъ для него большое значеніе. Никогда онъ также не забывалъ о томъ, что кожа товарищей свѣтлѣе его кожи, и это вызывало ненависть къ нимъ. Но въ то же время онъ былъувѣренъ въ своемъ превосходствѣ.

Какъ-то одинъ изъ сотоварищевъ, сынъ генерала Королева, бывшій на три года старше его, сказалъ ему:

— Жалгая образина съ горъ, отъ тебя скверно пахнетъ и у тебя въ твоей овчинѣ водятся блохи.

Караканъ неожиданно схватилъ лѣвую руку генеральскаго сына и сгиснулъ ее. Не проронивъ ни слова, онъ сжѣль ее и сталъ медленно выкручивать, пока мальчикъ не заскончалъ отъ боли. Караканъ заставилъ его встать на колѣни.

Тщетно Королевъ призывалъ своихъ сверстниковъ на помощь — остальные мальчики, замѣтивъ загорѣвшіеся въ раскосыхъ глазахъ Каракана бѣшеные огоньки, поостереглись принять участіе въ происходящемъ.

— Теперь ты будешь знать, какъ бодаются горные козлы, — сказалъ Караканъ. — Теперь тебѣ запахъ моей овчины пріятнѣе?

— Перестань! Мнѣ больно! Я пошутилъ!... Пожалуйста, перестань, ты сломаешь мнѣ руку... помогите мнѣ, — хныкалъ мальчуганъ.

Караканъ оттолкнулъ его и сказалъ:

— Маменькинъ песикъ можетъ отправляться домой. Болонки пахнутъ лучше горныхъ козловъ, но онѣ слабѣе ихъ.

Въ дѣствѣ ему суждено было пережить еще одно событіе, сильно задѣвшее его гордость.

Какъ-то къ матери Каракана попросился переночевать какой-то бродяга. Дѣтей въ эту ночь не было дома, и подъ утро бродяга отплатилъ одинокой женщинѣ за гостепріимство тѣмъ, что попытался изнасиловать ее.

Женщина не растерялась, швырнула въ него котелокъ съ кипяткомъ, и бродяга, вопя отъ боли, поспѣшилъ уѣхать изъ дома.

На слѣдующій день мальчикъ, возвратившись домой и узнавъ о происшедшемъ, схватилъ ножъ и побѣжалъ по караканамъ разыскивать оскорбителя. Поиски его были тщетны, но злобу противъ насильника онъ затаилъ навсегда — и въ будущемъ за оскорблѣніе, нанесенное его матери, поплатилось множество людей.

Въ 1914 году вспыхнула война. Годы ученія Каракана закончились. Для него началась новая эра, и война явилась для мальчика той школой, въ которой ему суждено было отыскать обучаться.

Россія нуждалась въ людяхъ и въ коняхъ. Ремонтеры отирали для армии лошадей и гоняли ихъ къ желѣзно-дорожнымъ станціямъ. Сабутай и мальчуганъ во время объявленія войны оказались въ степи. Къ югу отъ Уфы на желѣзно-дорожныхъ станціяхъ скопилось большое количество лошадей — чувствовалась нехватка въ вагонахъ, дорога была забита эшелонами.

Въ Уфѣ Сабутай получилъ приказъ вести свой табунъ въ Казань. То было первое соприкосновеніе Каракана съ военными и военной службой. Сабутай былъ слишкомъ старъ для такого перехода, и Каракану пришлось замѣнить его.

На слѣдующее утро неразлучные друзья разстались, и на разсвѣтѣ Караканъ пустился въ путь.

Четырнадцатилѣтнему мальчику въ сопровожденіи трехъ людей и трехсотъ лошадей предстоялъ переходъ въ четыреста верстъ. Помощниками Каракана были три татарина — одинъ старикъ и двое шестнадцатилѣтнихъ парней.

Карабанъ отлично зналъ местность, зналъ, гдѣ находились лучшія пастбища и водопои. Въ день ови проходили сорокъ пять верстъ. На десятый день Карабанъ въ цѣлости доставилъ свой табунъ въ Казань и сдалъ его военнымъ властямъ. Власти приняли табунъ и на слѣдующій день размѣстили его въ товарныхъ теплушкахъ и направили на фронтъ. Командантомъ поѣзда былъ тучный подполковникъ Брянскій, всю свою жизнь прослужившій военнымъ чиновникомъ и ненавидѣвшій лошадей.

— Послушай, мальчуганъ, — сказалъ онъ, обратившись къ Карабану и, повидимому, полагая, что его слова произведутъ на мальчика впечатлѣніе. — Хочешь ты стать воиномъ, какъ я? Хочешь слышать громъ пушекъ? Хочешь попасть на фронтъ? Если ты этого желаешь, то я возьму тебя съ собою, но тебѣ придется много потрудиться.

Брянскій, говоря эти слова, не удостоилъ Карабана взгляду. Но Карабанъ не хотѣлъ уподобиться Брянскому, изызвавшему въ своемъ креслѣ отъ жары.

Карабану хотѣлось попасть на войну и онъ согласился послѣдовать за Брянскимъ, принявъ на себя всѣ заботы о транспортѣ лошадей.

Шелонь миновалъ Нижній, Москву, Смоленскъ, Минскъ и, наконецъ, прибылъ въ Пинскъ. Лошади были сданы въ кавалерійскую дивизію великаго князя Михаила.

Подполковникъ Брянскій за успѣшный переходъ былъ удостоенъ награды и отпраздновалъ это событие достойнымъ его пьянствомъ. Охмелѣвъ, онъ велѣлъ вызвать молодого татарченка, помогшаго ему доставить лошадей на фронтъ, и снабдилъ его слѣдующимъ документомъ:

„Предѣвитель сего Иванъ Карабанъ, — четырнадцати лѣтъ отъ роду, глаза черны, волосы черные, цвѣтъ кожи желтый, смуглый, особыхъ примѣтъ не имѣется, проживающій въ Казани, — причисленъ къ 5-му Донскому казачьему полку и уполномоченъ скупить лошадей для дѣйствующей арміи.

Предѣвителю этого документа оказывать всяческое

содѣйствіе въ выполненіи возложенныхъ на него порученій“.

1915 и 1916 годы Карабанъ провелъ на войнѣ. Ему суждено было принять участіе въ побѣдоносномъ наступленіи русскихъ на Львовъ и побывать на Карпатахъ. Въ мартѣ 1915 года, когда нѣмцы отбили у русскихъ Мемель, онъ чуть не попалъ въ пленъ.

Карабанъ отыскалъ казачій полкъ своего отца. Полкомъ командовалъ одинъ изъ сослуживцевъ псковскаго Карабана, который пригрѣвъ мальчугана.

Въ 1917 году Карабану суждено было стать свидѣтелемъ развала русской арміи. Онъ былъ свидѣтелемъ массового дезертирства, паденія дисциплины и всего тѣго, что послѣдовало за этимъ на фронтѣ.

Критический умъ мальчика пытался установить ошибки, повлекшія за собою эти послѣдствія. Затѣмъ наступила революція. Карабанъ ненавидѣлъ царя — и эта ненависть основывалась въ немъ на томъ презрѣніи, которое онъ питалъ ко всему слабому. Николай Второй, съ его точки грѣнія, былъ слабъ и тѣломъ и духомъ. Поэтому не было ничего удивительного въ томъ, что ему выпалъ такой удѣлъ.

Революція застала Карабана семнадцатилѣтнимъ солдатомъ. Онъ отлично усвоилъ „Причины паденія римской имперіи“ Гиббона и трудъ Карлейля о французской революції. Несколько біографій Наполеона были ему известны на зубокъ, и Карабанъ отлично понялъ, какія передъ нимъ открывались возможности.

Украсившись краснымъ бантомъ, онъ записался въ шестой отрядъ красной гвардіи, сформированный въ большинствѣ своемъ изъ такихъ же подростковъ, какъ и онъ самъ.

Три года, проведенныхыхъ въ арміи, пошли Карабану на пользу. На опытѣ онъ позналъ все значеніе дисциплины и организаціи. Прошло двѣ недѣли, и Карабанъ сталъ командиромъ взвода, а затѣмъ и роты.

Карабанъ былъ воплощеніемъ строгости, но одновременно онъ сумѣлъ вселить въ своихъ подчиненныхъ созна-

ніе, что они не пропадутъ со своимъ командиромъ. Онъ безпрестанно заботился о томъ, чтобы у его людей всего было вдоволь и не заставлялъ ихъ ни въ чёмъ терпѣть лишенія.

Съ разрѣшенія батальоннаго командира онъ посадилъ свою роту на коней и такимъ образомъ превратилъ ее въ одну изъ первыхъ конныхъ частей красной арміи. Отрядъ его обслуживалъ штабъ, несъ развѣдочную службу, прикрывалъ отступленіе. Въ Москвѣ отрядъ принялъ участіе въ бояхъ на Красной площади и былъ свидѣтелемъ послѣдней загѣи расправы съ бѣлогвардейцами.

Въ слѣдующемъ году онъ получилъ въ командование полкъ и отправился на востокъ въ Пензу, для борьбы съ командиромъ чеховъ, полковникомъ Гайда.

Гайда со своими чехами былъ оттѣсненъ къ Самарѣ и расположился вдоль желѣзной дороги на Уфу. Караканъ продолжалъ тѣснить отступавшихъ на востокъ чеховъ.

Командиръ чеховъ, полковникъ Гайда былъ на семь или восемь лѣтъ старше Каракана. Въ началѣ войны онъ былъ фармацевтомъ въ Прагѣ и былъ принудительнымъ образомъ зачисленъ въ ряды австрійской арміи. При первой же возможности онъ такъ же, какъ и многіе другіе чехи и словаки, сдался въ пленъ. Въ Россіи Гайда приступилъ къ организаціи чешскихъ легіоновъ, впослѣдствіи сражавшихся противъ Австро-Венгерской монархіи.

Изъ схватокъ съ чехами Караканъ вышелъ побѣдителемъ и съ лаврами возвратился въ Москву. Получивъ въ командование бригаду, девятнадцатилѣтній Караканъ перебрасывается на Балтійскій фронтъ и сражается противъ Юденича. Потомъ наступаетъ пора борьбы на югѣ Россіи съ Деникинымъ.

Въ 1921 году Пилсудскій наступаетъ на Киевъ. Къ моменту начала польского наступленія Караканъ дѣйствуетъ на Врангелевскомъ фронтѣ. Кавалерія Каракана перебрасывается навстрѣчу наступающимъ полякамъ. Лѣвый флангъ красной арміи прикрывалъ Буденный, на правомъ флангѣ дѣйствовалъ Караканъ. Конница красныхъ удалось нанести

чувствительный ударъ польскимъ войскамъ, и польская армія перешла въ стремительное отступленіе къ Варшавѣ.

Мнѣ суждено было сопутствовать полякамъ въ ихъ отступленіи, ибо я былъ откомандированъ на фронтъ „Чикаго Трибюнъ“ въ качествѣ военного корреспондента. Въ охваченномъ пламенемъ Брестъ-Литовскѣ я чуть не попалъ въ пленъ къ Каракановскимъ кавалеристамъ.

Веганъ и французские танки спасли Польшу и отбросили красныхъ отъ Варшавы. По окончаніи польской кампаніи Караканъ возвратился въ Москву. Онъ принялъ участіе въ большомъ парадѣ на Красной площади, а затѣмъ въ его жизни наступила существенная перемѣна — онъ женился.

О первой бѣлой женщинѣ въ жизни Каракана писалось не мало.

Линъ Ларкинъ была на шесть лѣтъ старше его. Она была дочерью переселившагося въ Бостонъ ирландскаго фабричнаго рабочаго, отъ которого унаследовала мятежный духъ. Впервые дѣвушка проявила его во время забастовки въ Фолль-Риверѣ. Въ этой стачкѣ она играла видную роль и завоевала известное положеніе въ радикальныхъ кругахъ Нью-Йорка.

Когда въ Америкѣ была введена воинская повинность, она присоединилась къ числу противниковъ этого закона и вышла замужъ за одного изъ нихъ съ единственной цѣлью удержать его отъ вступленія въ армию.

Послѣ заключенія мира она развелась со своимъ мужемъ и решительно встала на сторону русскихъ революціонеровъ. Эго она пыталась организовать кампанію протеста противъ присутствія американскихъ солдатъ въ Архангельскѣ и въ Сибири. Затѣмъ она вошла въ число служащихъ delegacii Martensa, представлявшаго собою въ Нью-Йоркѣ новую русскую власть.

Когда 22 января 1921 года Мартенсъ былъ высланъ изъ Америки, она послѣдовала за нимъ въ Москву и вмѣстѣ съ Виллемъ Гайвидомъ и Рутъ Брайанъ Ридъ вошла въ составъ американской делегаціи Третьаго интернаціонала.

Классовое сознаніе Линъ было развито, но расовое со-
«Красный Наполеонъ»

знаніе ея было усыплено. Мнѣ не разъ приходилось бѣдовать съ нею во время нашего пребыванія въ Москвѣ. Она ненавидѣла капиталистический строй и гордо признавалась въ томъ, что не питаетъ никакого предубѣжденія противъ представителей цвѣтныхъ расъ.

Караканъ не былъ для нея представителемъ низшей расы, онъ былъ молодымъ богомъ войны, побѣдоносно сражавшимся за дѣло массъ.

Красивая и образованная бѣлая женщина явилась для Каракана привлекательнымъ даромъ свыше, столь не похожимъ на окружавшихъ его обычно женшинъ. Онъ жаждалъ ее и сознавалъ, что она стала для него необходимостью. И онъ вступилъ съ нею въ бракъ.

Я познакомился съ Караканомъ въ 1922 году, въ голодный годъ. Въ этомъ году онъ находился въ Самарѣ, въ городѣ, бывшемъ свидѣтелемъ его первыхъ успѣховъ противъ чехословаковъ. Воинскія части Каракана весли охрану продовольственныхъ грузовъ. Самарская губернія, бывшая нѣкогда житницей Россіи, изнывала отъ голода, а отряды Каракана охраняли хлѣбные грузы, предназначавшіеся для арміи и столицы.

Караканъ пытался не соприкасаться съ политікой. Онъ былъ до мозга костей военнымъ и цѣликомъ посвятилъ себя арміи. 1923 годъ онъ провелъ на Кавказѣ, 1924 годъ въ Персіи, въ слѣдующемъ году его дивизія была расквартирована въ Туркестанѣ. Потомъ онъ побывалъ на Афганской границѣ — призракъ возможного похода красныхъ на Индию заставилъ содрогнуться не одного англичанина.

Въ 1926 и 27 году Караканъ былъ въ Иркутскѣ и Забайкальѣ. Его люди организовывали монгольскія силы отъ Верхнеудинска до Урги.

Не обошлось безъ Каракана и въ 1928 году, когда пробуждающійся Китай впервые столкнулся съ Японіей въ открытомъ бою у Тзинань-Фу: Японія недовѣрчиво наблюдала за присутствіемъ Каракана на Восточно-Китайской желѣзной дорогѣ. Чжань-Цзо-Линь, манчжурскій диктаторъ, погибъ отъ бомбы, брошенной въ его поѣздъ людьми Каракана.

Въ 1929 году Караканъ былъ тѣмъ человѣкомъ, который

сорвалъ участіе Сов. Россіи въ созданной по предложению Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ мирной конференціи, на коей должны были рѣшиться судьбы Китая. Впослѣдствіи дипломаты всѣхъ странъ пытались переложить на него неудачу этой конференціи, приведшей къ тому, что Китай подпалъ подъ власть националистовъ.

Признаніе новаго Китая Америкой заставило Англію, Францію, Игаліо, Португалію и Японію отказаться отъ предоставленныхъ имъ въ Китай привилегій. Это былъ первый ударъ престижу бѣлыхъ на дальнемъ Востокѣ.

Ужасныя событія 1930 года, кровавыя бойни въ Калькуттѣ, Бомбей и Сайгонѣ, завершившіяся изгнаніемъ французовъ и англичанъ изъ Южной Азіи, были естественнымъ слѣдствіемъ объединенія Китая.

Въ слѣдующемъ году сѣмена, посланныя Караканомъ на всемъ протяженіи Калганскаго пути, дали пышные всходы. Однѣ за другими пали иностранныя концессіи на Красномъ морѣ, въ Аденскомъ заливѣ, въ Аравіи и Мессопотамії. 1931 годъ завершился восстаніемъ въ Сѣверной Африкѣ. Возстаніе началось въ Египтѣ и быстро распространилось на западъ, охватило Триполи, Алжиръ и Марокко, въ которыхъ Англія, Франція, Итаія и Испанія тщетно пытались оказать сопротивление хорошо вооруженнымъ неисчислимымъ полчищамъ, нахлынувшимъ на сѣверъ изъ глуби чернаго материка.

Европѣ наканунѣ своего заката суждено было испытать еще одинъ тяжелый ударъ. Позднимъ лѣтомъ 1932 года въ Европѣ вспыхнула тяжелая эпидемія инфлюензы. Эта эпидемія, вспыхнувшая вскорѣ послѣ провала вашингтонской конференціи по ограниченію вооруженій, скосила огромное количество людей.

Въ юлѣ 1932 года я выѣхалъ на эпидемію въ качествѣ специальнаго корреспондента „Чикаго Трибюнъ“. Послѣ эпидеміи послѣдовалъ рядъ продовольственныхъ затрудненій, особенно остро сказавшихся на Балканахъ.

Снабженный полномочіями ряда европейскихъ правительствъ, я выѣхалъ въ автомобильную поездку на афри-

канский фронтъ, пересѣкъ всю сѣверную Африку — отъ Казабланки до Портъ-Саида и Суэцкаго канала.

Объединеніе силъ европейскихъ державъ насчитывало на африканскомъ фронтѣ три четверти миллиона людей. Въ число это входили четырехсоттысячная армія французовъ, полтораста тысяч англичанъ, сто тысяч испанцевъ и сто тысяч итальянцевъ.

Число воиновъ, входившихъ въ составъ отрядовъ, оставшаго населенія Алжира, Марокко, Туниса и Египта, равнялось примерно миллиону человѣкъ.

Африканскій фронтъ былъ настолько великъ, что союзники могли лишь обороняться въ разыщанныхъ по всему фронту блокгаузахъ, не разъ подвергавшихся нападеніямъ туземцевъ. Не разъ нападенія туземцевъ заканчивались успѣхомъ, и каждая новая стычка съ результатомъ въ пользу туземцевъ наносила неизгладимый ущербъ авторитету бѣлыхъ въ Африкѣ.

Мнѣ повезло, и я первый получилъ въ штабѣ союзного командования документальный доказательства того, что восстаніе туземцевъ было инспирировано Москвой. Москва снабжала вождей восставшихъ оружиемъ, деньгами и агитационнымъ материаломъ, въ которомъ проповѣдывалась священная война противъ господствующей бѣлой расы. На основаніи сдѣланныхъ мною разоблаченій я получилъ спѣшное предписаніе выѣхать въ Москву и ознакомиться съ положеніемъ вещей въ Советской странѣ.

Въ концѣ августа 1932 года я прибылъ въ Москву и поселился въ отель „Савой“, гдѣ открыто бюро „Чикаго Трибюнъ“.

Тамъ я познакомился съ молодымъ американцемъ, съ которымъ впослѣдствіи судьба такъ тѣсно связала меня и которому суждено было сыграть немаловажную роль во всемъ томъ, о чёмъ мнѣ предстоить повѣствовать въ этой книжѣ.

Стѣфенъ, или какъ его называли друзья, Спидъ Бинней былъ высокимъ и стройнымъ юношемъ, со свѣтлыми, какъ ленъ, волосами. Ему было всего лишь двадцать два

года. Замѣтивъ меня въ вестибюлѣ отеля, онъ поспѣшилъ ко мнѣ навстрѣчу и улыбаясь сказалъ:

— Мистеръ Гиббонсъ, меня зовутъ Спидъ Бинней, я сынъ вашего пріятеля со временемъ пребыванія во Франціи Биннея. У меня имѣется для васъ письмо отъ него. Вѣдь вы помните его?

Помнилъ ли я Биннея? Да, разумѣется. Его сынъ былъ, какъ две капли воды, похожъ на своего отца. Старина Бинней былъ однимъ изъ лучшихъ летчиковъ нашей арміи, это онъ сбилъ въ бою восемь непріятельскихъ аэроплановъ, перелетѣлъ въ тылъ непріятельского расположенія и тамъ подвергся обстрѣлу. Намъ суждено было встрѣтиться въ одномъ изъ парижскихъ лазаретовъ. Наши койки стояли бокъ-о-бокъ.

Я распечаталъ письмо, врученное мнѣ его сыномъ. Мой старый боевой товарищъ сообщалъ мнѣ, что сынъ его страстно увлекается авиацией и что по молодости своей онъ столько натворилъ въ Америкѣ бѣдъ, что больше не представлялось возможнымъ держать его дома. Старина Бинней поручалъ мнѣ сдѣлать изъ его сына человѣка. Мнѣ рекомендовалось использовать его для воздушной корреспонденціи. Авиація была излюбленнымъ дѣломъ юноши и заинтересовать его чѣмъ-либо другимъ не представлялось возможнымъ.

Я отложилъ письмо въ сторону и подумалъ о томъ, что мнѣ надлежало предпринять. Спидъ расположился противъ меня и привѣтливо улыбался во весь ротъ. Необходимость призвать на себя ответственность за этого молодого человѣка особаго восторга во мнѣ не вызвала. Менѣе всего мнѣ подобало играть роль гувернантки при этомъ необузданномъ юношѣ.

Но у молодого Биннея было одно свойство — его улыбка была настолько подкупающа, что я не смогъ устоять противъ ея чаръ. Но вѣдь я былъ другомъ „старины Биннея“, и въ качествѣ друга отца Спida долженъ былъ пожурить его. Поэтому, сдѣлавъ серьезное лицо, я спросилъ юношу:

— Спидъ, вы много пьете?

— А у васъ какіе напитки? — спросилъ онъ смеясь.
— Я прибылъ лишь сегодня утромъ и еще не отвѣдалъ мѣстной водки. Но я былъ бы не прочь отвѣдать ее.

Послѣ двухъ рюмокъ водки мы договорились обо всемъ. Наша бесѣда длилась цѣлый часъ и закончилась примѣрно слѣдующимъ обращенiemъ моимъ къ Спиду:

— Теперь вы знаете, что я не принимаю на себя отвѣтственности за васъ и что какъ разъ наоборотъ — на васъ возлагается отвѣтственность за успѣшный исходъ моихъ дѣйствій. Вы знаете, въ чёмъ заключается моя работа, и вы должны мнѣ помочь. Я не стану съ вами говорить о томъ, гдѣ когда и сколько вамъ пить. Вы достаточно взрослы, чтобы слѣдить за собою. Вы мужчина, и я вѣрю, что вы будете вести себя такъ, какъ подобаетъ вести себя мужчинѣ. Понятно?

— Понятно, — отвѣтилъ Бинней, и мы обмѣнялись рукопожатiemъ.

На слѣдующій день онъ вылетѣлъ въ Парижъ и черезъ недѣлю возвратился въ Москву на собственномъ двухмоторномъ аэропланѣ.

Мы были готовы вступить въ годъ, которому суждено было принести миру рядъ событий величайшей важности.

2

— Московская жизнь не особенно пріятна для американца, любящаго выпить и питающаго влеченіе къ красотѣ, — огорченно объявилъ Спидъ, швыряя свой авіаторскій шлемъ на мой письменный столъ.

— Опять что-нибудь натворили? — спросилъ я.

— Ничего особеннаго. Вчера вечеромъ я присмотрѣлъ себѣ на аэропланѣ обворожительную дѣвочку. Я знаками приглашаю ее выпить со мною, и она принимаетъ на себя руководство нашей экспедиціей. Мы приходимъ въ какое-то учрежденіе, и чиновникъ требуетъ, чтобы я предъявилъ документы. Я, думая, что они нужны для полученія казен-наго вина, вручаю имъ ихъ. И что жъ, вы думаете, оказалось?

— Не имѣю ни малѣйшаго понятія.

— Оказывается, что я попалъ въ ихній ЗАГС. Они чуть-было не обкрутили меня, и вы чуть не лишились своего воздушнаго курьера. Нечего дѣлать, придется начать учиться русскому языку.

— Вамъ слѣдовало бы изучить языкъ хотя бы для того, чтобы имѣть возможность читать мѣстныя газеты, — сказалъ я, указывая на ворохъ газетъ, лежащихъ у меня на столѣ. — Я нуждаюсь въ помощи человѣка, который могъ бы мнѣ переводить ихъ содержавіе. Положеніе становится все болѣе и болѣе напряженнымъ.

— Въ этомъ вы правы. Я замѣтилъ, что сегодня дѣти отправились въ школу, захвативъ съ собою маленькия противогазовыя маски. Господи, здѣсь такъ напуганы возможностью войны!..

— Газеты только и пишутъ о возможности войны. Вотъ взгляните на содержаніе вчерашней передовицы „Извѣстій“. Я передаль ее въ Америку по радио.

Бинней прочелъ вслухъ:

„Неудача Вашингтонской конференціи по разоруженію означаетъ вторую міровую войну. Америка, Великобританія, Франція и Японія не смогли прийти къ общему рѣшенію, и въ этомъ повинна политика англійского адмиралтейства, заключившаго въ 1928 году тайный договоръ съ Франціей.

Особое значеніе приобрѣтаетъ англо-американско морское соперничество, за которымъ на самомъ дѣлѣ скрывается объединяющее всѣхъ капиталистовъ желавіе соединить свои военные, морскія и воздушныя силы противъ нашей страны. Въ задачу имперіалистовъ міра входитъ подавленіе восстаний въ Сѣверной Африкѣ, раздѣлъ Китая, вторичное завоеваніе Азіи и Індіи.

Имперіалисты всѣхъ странъ снова доказали всю лживость своихъ миролюбивыхъ увѣреній. Наша соціалистическая страна должна быть готова встать до послѣдняго человѣка на защиту своего дѣла“.

— Не только газеты полны сообщений о военной опасности, — сказал Бинней, — об этом сообщается по радио. Даже во время обещанного перерыва ораторы говорят рабочим о том же. За послѣднія дѣй недѣли только и говорятъ объ этомъ. Женщины вожутъ носки для арміи, вѣкоторые изъ нихъ проходятъ военную подготовку, дѣти въ школахъ собираютъ мѣдаки на постройку аэроплановъ имени ихъ школы. Правительство пользуется страхомъ передъ войною въ качествѣ мощнаго агитационаго средства.

Вечернія газеты принесли сообщеніе, еще болѣе обострившее положеніе. Совнаркомъ назначилъ Каракана главнокомандующимъ всѣми сухопутными, морскими и воздушными силами республики. Его снабдили неограниченными полномочіями по приведенію страны въ обороноспособное состояніе.

Въ газетахъ былъ помѣщенъ портретъ новаго главнокомандующаго. Рядомъ съ портретами красовались восторженныя описанія карьеры и подвиговъ нового военнаго диктатора. Каракана привѣтствовали какъ единственнаго человѣка, могущаго оградить совѣтскую страну отъ гибели.

Караканъ принялъ новое званіе безъ какихъ бы то ни было деклараций. Въ теченіе двухъ недѣль его штабъ-квартира въ Москвѣ хранила молчаніе. Въ ней шла лихорадочная дѣятельность. На командныхъ должностяхъ красной арміи произведены были перемѣщенія. Большинство старыхъ командировъ были замѣнены молодыми, прибывшими въ Москву по вызову Каракана, командирами.

Послѣ того, какъ перемѣнны въ личномъ составѣ были завершены, Караканъ заговорилъ.

Онъ подчеркнулъ, что вся ответственность за незыблѣмость и покой страны возложена на него, и заявилъ, что засталъ боевые силы страны въ ужасномъ состояніи. Въ арміи чувствуется недостатокъ боевого снаряженія. Политическая вліянія, игравшія не послѣднюю роль при назначеніи на командные посты, и связанная съ этимъ протекція въ сильной степени подорвали дисциплину.

Своё сообщеніе, сдѣланное непосредственно представителямъ газетъ, онъ закончилъ слѣдующими словами:

— Страна возложила на меня руководство вооруженными силами и, облеченный ея довѣріемъ, я принялъ на себя заботы по реорганизаціи вооруженныхъ силъ и изыскавіи мѣръ, могущихъ обеспечить ста тридцати миллионамъ населенія нашей страны незыблѣмый покой. Я не потерплю, чтобы вмѣшательство политиковъ помѣшало мнѣ выполнить мой долгъ!

Массы приняли это волеизъявленіе Каракана съ восторгомъ. Что касается круговъ правительства, то откровенное выступленіе Каракана вызвало множество нареканій. Слова Каракана были неприкрытымъ заявлениемъ человѣка, стремившагося къ диктатурѣ.

Совнаркомъ въ экстренномъ засѣданіи занялся обсужденіемъ вопроса, какія надлежитъ принять мѣры для поддержанія своего авторитета и обузданія непокорнаго вождя арміи.

Одинъ изъ народныхъ комиссаровъ Рудзутакъ рѣзко выступилъ противъ Каракана и потребовалъ отстраненія его отъ руководства арміей. Рудзутакъ нашелъ поддержку въ членѣ Совнаркома Смирновѣ, но Маликовъ, руководитель рабоче-крестьянской инспекціи, огоршилъ своихъ товарищей заявлениемъ, что подобная мѣра болѣе неосуществима, такъ какъ слишкомъ поздно предпринимать что-либо противъ Каракана.

— Массы устали отъ политиковъ. Мы испытываемъ серьезныя затрудненія въ снабженіи населенія продовольствіемъ, и цѣны растутъ непомѣрно, — сказалъ онъ. — Караканъ сумѣлъ найти доступъ къ сознанію массъ. Назначеніе Каракана главнокомандующимъ вдохнуло новыя силы въ уставшую страну. Любая попытка ограничить власть Каракана приведетъ лишь къ тому, что населеніе рѣзко встанетъ на его сторону и легализируетъ его диктатуру. Приходится примириться со случившимся.

И на слѣдующій день Совнаркомъ сдѣлалъ соответствующіе выводы.

Два часа спустя послѣ выхода изъ печати номера „Извѣстій“ съ рѣзкой передовицей, клеймившей военнаго диктатора, населеніе столицы собралось у зданія газеты.

Неожиданно падъ шествіемъ вынырнули плакаты: „Долой политиковъ!“ Болтуны предали дѣло революціи!“ „Довольно словъ — побольше дѣла!“

На площадяхъ возникали импровизированные митинги. Въ одномъ изъ оконъ второго этажа — тамъ, где помѣщалась редакція „Извѣстій“, появился какой-то человѣкъ и попытался произнести рѣчъ въ защиту дѣйствій Совнаркома. Въ отвѣтъ понеслись возгласы „Долой!“ и камни. Возбужденная толпа стала ломиться въ зданіе.

Въ то же время на другомъ концѣ площади послышались восторженные возгласы. Къ зданію „Извѣстій“ приближался конный разъездъ, во главѣ котораго скакалъ молодой командиръ. Поровнявшись съ толпой, онъ произнесъ слѣдующую рѣчу:

— Товарищи! Я обращаюсь къ вамъ отъ имени красной арміи. Армія, раскинувшаяся отъ Финского залива до озера Ошкошъ, привѣтствуетъ своего нового вождя. Подъ его руководствомъ мы не отдадимъ нашихъ завоевавій! Отъ имени товарища Каракана призываю васъ разойтись по домамъ и возвратиться къ мирному труду. Товарищъ Караканъ обѣщаетъ, что впредъ „Извѣстія“ будутъ печатать только то, что соотвѣтствуетъ волѣ страны. Да здравствуетъ товарищъ Караканъ!

Площадь огласилась бурными возгласами.

Двумя часами позднѣе на улицахъ Москвы продавался экстренный выпускъ „Извѣстій“. Въ передовицѣ выражалось сожалѣніе по поводу напечатанной по ошибкѣ утренней передовицы и сообщалось о полной смѣнѣ состава редакціи, допустившей эту оплошность.

Огнѣнѣ въ редакціи „Извѣстій“ сидѣли люди Каракана. Въ теченіе послѣдующихъ недѣль, затраченныхъ Караканомъ на захватъ всѣхъ вѣдомствъ своими надежными людьми, я ежедневно отсыпалъ въ Америку подробныя сообщенія о происходившемъ.

По приказу Каракана, гарнизонъ Москвы былъ увеличенъ вдвое, и на улицахъ безпрестанно патрулировали вооруженные отряды.

Передъ заходомъ солнца у мавзолея Ленина на Крас-

ной площади происходила смѣна Каракана. При церемоніи присутствовалъ Караканъ, привѣтствуемый восторженными толпами народа.

Вскорѣ за сенсаціонными перемѣнами въ Советской Россіи послѣдовала новая сенсація въ Америкѣ. Палаты приняли билль Лемпсона, и Филиппинскимъ островамъ была дарована полная независимость.

Этотъ актъ повлекъ большія стратегическія послѣдствія. Азіатская эскадра американского флота вынуждена была очистить стоянку на Маниллѣ и перенести ее въ Гонолулу. Тихо-океанская проблема вступила въ новую стадію. Западная граница океана была отодвинута назадъ на большое разстояніе.

Затѣмъ послѣдовали еще болѣе значительныя события. Возвращеніе японской делегаціи въ Токіо подало сигналъ къ огромнымъ демонстраціямъ, направленнымъ противъ династіи, военной партіи и правительства.

Демонстраціи эти были организованы японской рабоче-крестьянской партіей и японскимъ комсомоломъ.

Газетные корреспонденты въ Токіо были вынуждены неожиданнымъ введеніемъ цензуры къ молчанію, и я получилъ порученіе срочно выяснить положеніе вещей въ Японіи.

Со времени роспуска японскихъ коммунистическихъ организацій, послѣдовавшаго въ 1928 году, японские коммунисты перешли на нелегальное положеніе. Несмотря на всѣ мѣро пріятія полиції, пытавшейся ликвидировать ихъ дѣятельность, имъ удалось создать сильную подпольную организацію, распространившую свое влияніе по всей странѣ.

Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ число членовъ японской коммунистической партіи увеличилось на сотни тысячъ. Влияніе партіи возросло настолько, что въ каждой воинской части японской арміи и на каждомъ военномъ кораблѣ была своя ячейка.

Объединеніе Китая привело къ утратѣ Японіей зоны влиянія въ Манчжурии, въ Цзи-Ли и въ Шандунѣ. Въ свою очередь подобное суженіе дѣятельности Японіи привело къ большому экономическому кризису. Какъ всегда въ

такихъ случаяхъ, всѣ тяготы кризиса прежде всего легли на необеспеченные слои населенія.

Коммунистическая агитация Москвы умѣло использовала эту обстановку.

Тысячи студентовъ объединились съ рабочими и вышли на улицу Токіо. 3 октября 1932 года демонстраціи эти вышли въ вооруженныя столкновенія демонстрантовъ съ императорской гвардіей.

Объ отдельныхъ деталяхъ этихъ столкновеній и исходѣ уличного боя міръ узналъ главнымъ образомъ изъ московской информаціи, — въ Москвѣ населеніе, во призы Карахана, шумно манифестирувало, провозглашавъ освобожденіе трудящихся Японіи отъ монархической тираніи.

Ораторы Коминтерна открыто хвастались тѣмъ, что огромное количество огнестрѣльного оружія, штыковъ, ручныхъ гранатъ и прочаго, неожиданно оказавшееся въ распоряженіи демонстрантовъ, пошло въ Японію изъ арсенала, учрежденного Караханомъ пять лѣтъ тому назадъ въ Забайкальѣ.

Поворотнымъ моментомъ событий въ Токіо явился переходъ второго и третьяго гвардейскихъ полковъ на сторону возставшихъ. Императоръ Хирошито со своей семьей и приближенными вынужденъ былъ искать спасенія въ бѣгствѣ на аэропланѣ. Въ теченіе трехъ дней не было никакихъ извѣстій о мѣстѣ его нахожденія.

Впослѣдствіи выяснилось, что императоръ собирался слизиться въ Іокогамѣ, мѣстѣ стоянки японского флота, но затѣмъ ему пришлось измѣнить свой планъ, потому что радио сообщило, что флотъ также перешелъ на сторону красныхъ.

Недѣлей спустя одинъ изъ пароходовъ „Америка-Долларъ-Лайнъ“ доставилъ низложеннаго императора въ Манилу.

Въ Токіо подъ предсѣдательствомъ Ката Яката образовалось рабоче-крестьянское правительство. Одному изъ полковниковъ японской арміи, въ свое время вынужденному выйти въ отставку изъ-за отказа привести въ исполненіе смертный приговоръ, вынесенный одному изъ своихъ сол-

датъ, уличенному въ коммунистической пропагандѣ, было предложено занять постъ военного министра. Въ составъ арміи влились отряды вооруженныхъ рабочихъ.

За этими событиями послѣдовала шестинедѣльная кровавая расправа съ приверженцами стараго режима, съ министрами, высшими чиновниками, депутатами парламента.

Москва немедленно же признала новое японское правительство, и Караканъ поздравилъ японское верховное командование съ благополучнымъ исходомъ революціи и выразилъ пожеланіе, чтобы японскому оружію и впредь сопутствовала удача.

Несмотря на происшедшій въ Токіо переворотъ, рядъ провинциальныхъ городовъ все еще продолжалъ оставаться во власти японскихъ „реакціонеровъ“.

Октябрь 1932 года явился для Спіда и для меня горячимъ мѣсяцемъ. Наилучшимъ источникомъ информаціи обо всемъ, что происходило на востокѣ, являлся Коминтернъ. Советское посольство, въ силу своихъ тѣсныхъ связей съ японскими революціонерами, имѣло возможность безпрерывно сноситься по телеграфу съ Москвой и сообщать всѣ подробности происходившихъ въ Японіи событий.

Какъ-то, воспользовавшись перегрузкой телеграфа правительственными сообщеніями, я добился разрѣшенія послать Спіда съ моими корреспонденціями въ Ригу. Мощный аэропланъ Спіда совершилъ этотъ тысячекилометровый перелетъ въ пять часовъ, и я былъ первымъ, кто сумѣлъ сообщить миру о взятіи въ плѣнъ и казни японскаго губернатора въ Корѣѣ.

Бинней возвратился въ Москву черезъ два дня и привез мнѣ телеграмму изъ нашей редакціи въ Чикаго. Телеграмма гласила, что мнѣ за мой „мировой рекордъ быстроты газетной информаціи“ преподносится награда въ размѣрѣ тысячи долларовъ. Я по-братски раздѣлилъ этотъ даръ небесъ между мною и Спідомъ, и мы рѣшили вечеромъ отпраздновать нашъ успѣхъ.

Мы отправились въ кафе „Монблантъ“, самое изысканное ночное кафе Москвы. Выпалъ снѣгъ, а въ кафе было тепло и уютно. Изъяснявшійся на французскомъ языкѣ

лакей проворно взялъ у насъ червонецъ и предоставилъ намъ столикъ поблизости отъ эстрады.

Кафе было наполнено интернациональной публикой. Рядомъ съ европейцами сидѣли бритые представители восточныхъ народовъ. Среди нихъ были и молодыя дѣвушки. Русскія дѣвушки въ большинствѣ своемъ одѣвались по парижской модѣ, что не мѣшало, однако, вѣкоторымъ изъ вихъ носить на шеѣ красные галстуки, украшенные значками комсомола.

Въ кафе вошли два маленькихъ японца — на рукавѣ у нихъ было по красной повязкѣ. Посѣтители кафе восторженно привѣтствовали вошедшихъ.

За сосѣднимъ съ нами столикомъ сидѣла странная парочка: молодая дѣвушка съ коротко остриженными волосами и юноша съ темными глазами и желтоватымъ цвѣтомъ кожи. Парочка была одѣта по-европейски, пила чай съ лимономъ и молчала. Дѣвушка внимательно слѣдила за выступавшими танцорами; онъ не спускалъ глазъ съ ея лица.

— Эта дѣвушка — миссъ Совѣтская республика, — сказалъ мнѣ Спидъ, — она только что возвратилась съ конкурса въ Атлантикъ-Сити. Я не прочь потанцевать съ нею. Хотѣлъ бы я знать, на какомъ языке она разговариваетъ. — Спидъ выпилъ рюмку водки и снова уставился на красавицу.

— Она похожа на обитательницу Скандинавіи, — замѣтилъ я.

— Къ сожалѣнію, я не владѣю ни однимъ изъ скандинавскихъ языковъ, — сказалъ Спидъ, — но быть можетъ она понимаетъ интернациональный языкъ.

И его взглядъ встрѣтился со взглядомъ дѣвушки. Спидъ улыбнулся и блеснулы зубами, словно спрашивая: „Не хотите ли потанцевать?“ Но дѣвушка невозмутимо поглядѣла на него и закурила папиросу.

Спидъ сконфуженно сказалъ:

— Вы видѣли, какъ она на меня посмотрѣла? Она можетъ заморозить своимъ взглядомъ.

Часъ спустя, когда мы безъ остатка опорожнили бутылку водки, — повиненъ въ этомъ былъ главнымъ образомъ Спидъ, — онъ нѣсколько избавился отъ своего смущенія и

продолжалъ поглядывать на „полярную красавицу“. Поведеніе Спida особаго восторга въ спутникѣ дѣвушки не вызвало.

Неожиданно разстроенное веселье было прервано боемъ, и вышедши на середину зала метрѣ-д'отель заявилъ:

— Товарищи, въ нашей средѣ находятся два героя міровой революціи, товарищи Иши и Каруги. Эти товарищи приняли участіе въ побѣдоносной борьбѣ у императорскаго дворца въ Токіо, причемъ одинъ изъ нихъ, капитанъ Каруги, получилъ раненіе. Привѣтствуя ихъ въ городѣ, ставшемъ колыбелью революціи, мы выражаемъ имъ свій восторгъ и просимъ принять эти цвѣты.

Подъ восторженный ревъ посѣтителей ресторана Каруги поднялся и, принявъ цвѣты, выразилъ присутствующимъ благодарность за оказанную Японіи поддержку въ борьбѣ противъ монархіи.

— Плечомъ къ плечу пойдемъ мы съ вами въ борьбу за освобожденіе всего міра изъ-подъ капиталистического ига. Россія и Японія — единственная страны въ мірѣ, въ которыхъ цвѣть кожи и расовая различія не служатъ ни для кого препятствіемъ. Всѣ мы, вѣнѣ зависимості отъ того, какаго цвѣта наша кожа, — равны, и въ жилахъ нашихъ течетъ одна и та же кровь. Эти цвѣты я принимаю въ знакъ существующаго между нашими странами союза. И принимая эти цвѣты, я позволю себѣ вручить ихъ здѣсь присутствующей дѣвушкѣ, наиболѣе полно воплотившей въ себѣ идеаль красоты вашей страны.

И съ этими словами онъ положилъ букетъ передъ нашей сосѣдкой.

Публика бурно зааплодировала поступку японца, а дѣвушка покраснѣла и смущенно улыбнулась. Но не такъ реагировалъ на поступокъ японца ея спутникъ. Онъ вскочилъ, лицо его исказилось гнѣвомъ и, схвативъ букетъ, онъ швырнуль его съ размаха въ лицо изумленному японцу.

Вокругъ насъ раздался грохотъ, — всюду полетѣли на полъ опрокинутые столы и стулья, послышался звонъ разбиваемой вдребезги посуды; всѣ, находившіеся въ ресторанѣ, вскочили на ноги и бросились къ виновникамъ разыграв-

шайся сцены. Девушка также вскочила съ мѣста и, что-то крикнувъ своему спутнику на незнакомомъ намъ языкѣ, направилась къ выходу. Въ ресторанѣ завязалась свалка.

Спутникъ девушки повалилъ Каруги на землю и, ловко увернувшись отъ напавшаго на него исполина, подставилъ послѣднему подножку. При паденіи исполинъ задѣлъ девушку и та упала на полъ.

— За мнай! — вскричалъ Спидъ и бросился въ гущу человѣческихъ тѣлъ. Я инстинктивно послѣдоваль за нимъ. Въ то мгновеніе, когда мы поровнялись съ девушкой, въ ресторанѣ неожиданно погасли огни.

— Боссъ, гдѣ вы? — раздался рядомъ со мною голосъ Спидя.

— Здѣсь, — проревѣлъ я въ отвѣтъ.

— Она здѣсь!..

И мы принялись прочищать въ темнотѣ путь къ выходу. По пути намъ попадались опрокинутые стулья, посуда, какіе-то люди. Вокругъ насъ раздавались стоны, вопли, угрозы.

Наконецъ, намъ удалось выбраться къ стѣнѣ, и мы пошли вдоль нея. Спидъ шелъ впереди, и я слѣдовалъ за нимъ. По пути намъ приходилось преодолѣвать рядъ препятствій. Вдругъ я почувствовалъ, что кто-то схватилъ меня за ноги, но ударомъ ноги мнѣ удалось высвободиться.

— Вотъ дверь, — прогремѣлъ Спидъ. — Скорѣй сюда!

Мы протиснулись сквозь узенькую дверь. Вокругъ насъ царилъ мракъ. Мы счастливо выбрались изъ общей свалки и теперь находились на небольшомъ дворѣ, утопая по щиколотки въ таломъ снѣгу.

— Славная исторія, — сказалъ Спидъ. — Быть можетъ, вы будете столь любезны и спросите малютку на французскомъ или какомъ-нибудь другомъ языкѣ, куда можно было бы теперь пойти потанцевать. Я давно собираюсь пригласить ее на танецъ.

Въ отвѣтъ рядомъ съ нами раздался звонкій хохотъ.

— Вамъ нечего прибѣгать къ французскому языку. Мнѣ кажется, я смогу васъ понять, если вы будете говорить медленнѣе. — Девушка безупречно владѣла английскимъ

языкомъ. Голосъ ея звучалъ необыкновенно пріятно и въ немъ все еще слышались нотки смѣха.

— Господи!.. — вырвалось у пораженнаго Спидя.

— Подождите, я сейчасъ зажгу спичку, — сказалъ я.

— Прошу васъ не дѣлайте этого, — взмолилась девушка, и я почувствовалъ, какъ она коснулась моей руки. Мнѣ показалось, что она тѣснѣе прижалась ко мнѣ, словно пытаясь укрыться отъ надвигавшейся на нее опасности.

— Въ такомъ случаѣ выйдемте-ка на улицу, — предложилъ Спидъ. — Будь мы въ Санть-Луи, полиція давно бы вмѣшилась во все это дѣло.

— Я боюсь, что не смогу сопровождать васъ, какъ бы мнѣ этого ни хотѣлось, — воскликнула девушка.

— Быть можетъ, вамъ угодно, чтобы мы васъ отвели обратно? — спросилъ Спидъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, этого мнѣ не хочется.

— Тогда чего же, чортъ побери, вы...

— Право мнѣ очень совѣтно признаться въ этомъ, но прежде всего я хотѣла бы получить какое-нибудь пальто. По совѣсти говоря, я нуждаюсь не только въ пальто, но и въ какомъ-нибудь платьѣ. Свое платье я потеряла во время свалки. Здѣсь въ темнотѣ я не ощущаю его отсутствія, но мнѣ не хотѣлось бы показываться въ такомъ видѣ на людяхъ. Вамъ вѣдь это понятно?

— Честное слово, я думалъ, такія исторіи могутъ быть только во снѣ! — вырвалось у Спидя. — Вотъ вамъ мой пиджакъ, — пусть онъ послужитъ вамъ фартукомъ. Появитесь имъ...

— Не особенно надежная одежда, но все же частично прикрываетъ, — вырвалось у девушки.

Я оставилъ ихъ въ темнотѣ, а самъ поспѣшилъ на улицу и остановилъ такси. Потомъ я подѣхалъ съ ними до отеля, подождалъ, пока Спидъ сходилъ къ себѣ за длиннымъ дорожнымъ плащомъ, и мы поднялись наверхъ.

Пока девушка находилась въ комнатѣ Спидя и приводила себя въ порядокъ, Спидъ занялся самоваромъ. Вскорѣ появилась и девушка — теперь на ней были сѣрые спортивные шаровары Спидя и свѣтло-синяя фуфайка. Засу-

нувъ руки въ карманы, она направилась къ креслу и, усѣвшись въ него, закурила папиросу.

— Леди Годива, какъ васъ зовутъ? — освѣдомился Спидъ.

— Сэръ Вальтеръ, развѣ это вамъ не безразлично? — отвѣтила она улыбаясь. — Не забывайте о томъ, что я теперь мужчина.

Я обратилъ ея вниманіе на то, что въ Москвѣ иностранцы находятся подъ непрерывнымъ наблюденіемъ, и поэтому рекомендовалъ ей разскажать о себѣ ровно столько, сколько она считала необходимымъ сообщить намъ.

Она взяла клочокъ бумаги и каравдашъ и по мѣрѣ того, какъ говорила, заносила сказанное на бумагу:

— Имя? Марго. Фамилія? Дениссонъ. — Адресъ? Софійка 24, третій этажъ, у Ишвинскихъ. Профессія? Машинистка. Занятія? Безработная. Послѣднее мѣсто службы? Британская Платиновая Компанія. Уволена три дня тому назадъ.

Причина увольненія? — Заподозрѣна въ томъ, что выдала коммерческія тайны фирмы совѣтскому комиссариату торговли. Короче говоря: заподозрѣна въ шпионажѣ въ пользу красныхъ. Национальность? Англичанка. Остальное вѣсть, должно быть, не интересуетъ. —

Мы бесѣдовали съ дѣвшкой до поздней ночи. Въ нашей новой знакомой было много своеобразнаго, отъ нея вѣяло спокойствіемъ и сознаніемъ своего достоинства, — она мнѣ понравилась. Она отлично разбиралась въ происходящихъ событияхъ и знала о нихъ больше, чѣмъ обычно знаетъ двадцатирѣчтнія дѣвшка. Въ Москву она пріѣхала заинтересовавшись соціальными экспериментами, производившимися въ совѣтской странѣ.

По своимъ взглядамъ, она симпатизировала культурнымъ и созидательнымъ начинаніямъ московской власти, но ни въ какой степени не раздѣляла дѣятельности Коминтерна, стремившагося къ міровой революції.

На мой вопросъ, имѣлись ли у направленныхъ противъ нея подозрѣній какія-нибудь основанія, она отвѣтила отрицательно, и я повѣрилъ въ правдивость ея отвѣта. Ея по-

знанія въ русскомъ языкѣ могли пригодиться мнѣ, и поэтому я условился съ нею, что она будетъ часть дня проводить у меня и знакомить меня съ содержаніемъ русскихъ газетъ.

Бинней отвезъ ее домой, и я легъ спать.

На слѣдующее утро меня вызвали въ Московское ГПУ. Очутившись въ кабинетѣ товарища Зурова, прославившагося своей жестокостью, и глядя въ его сѣрые глаза, я мысленно сталъ сожалѣть о томъ, что у меня имѣется воздушный курьеръ, секретарша-англичанка и что я такъ неосторожно впутался наканунѣ въ свалку въ ресторанѣ.

— Вы знаете, что у насъ контрь-революція, шпионажъ и тому подобное карается смертью? — спросилъ меня Зуровъ.

Я кивнулъ головой.

— Въ числѣ арестованныхъ у насъ есть одинъ изъ вашихъ земляковъ, — продолжалъ Зуровъ, не сводя съ меня глазъ. — Мы хотимъ установить, что вамъ известно о немъ.

— О комъ идетъ рѣчь?

— Я говорю о нѣкоемъ Уитнѣ Адамсѣ Доджѣ, утверждающемъ, что онъ — житель Бостона.

— Я что-то не помню о такомъ имени, — медленно отвѣтилъ я.

— У насъ есть основанія подозрѣвать въ немъ англійскаго агента. Онъ признался, что служилъ въ Египтѣ въ рядахъ англійской арміи. Мы знаемъ, что онъ пробрался черезъ передовыя позиціи и, явившись къ командующему египетской красной арміей, назвался американскимъ журналистомъ. Въ теченіе шести мѣсяцевъ наши агенты слѣдяли за нимъ и были свидѣтелями его путешествія по Абиссиніи, Турціи и Арmenіи. Мѣсяцъ тому назадъ мы арестовали его въ Астрахани, обвинивъ его въ переходѣ на территорію совѣтской Россіи безъ визы. Съ тѣхъ поръ онъ числится у насъ подъ слѣдствиемъ. Что вы можете сообщить мнѣ о немъ?

— Ничего, — отвѣтилъ я совершенно искренне, почувствовавъ облегченіе. — Но это обстоятельство еще не

можетъ служить уликой противъ него. Не могу же я знать всѣхъ сотрудниковъ американскихъ газетъ. Какъ онъ выглядитъ?

— Вы можете, если угодно, взглянуть на него, — отвѣтилъ Зуровъ и, нажавъ кнопку звонка, велѣлъ ввести арестованного.

Въ кабинетъ вошли двое солдатъ, ведя съ собою какого-то юношу.

Лицо его поросло бородою. На немъ не было пиджака, и воротъ его рубашки защитнаго цвѣта былъ разстегнутъ. Синія брюки, которыя ему приходилось поддерживать руками, были сильно запачканы. Ботинки его были безъ шнурковъ и на нихъ свисали ничѣмъ не придерживаемые носки.

Отсутствіе пояса, подтяжекъ и шнурковъ для ботинокъ показывало, что заключенному придавали особенное значеніе... ГПУ не хотѣли рисковать жизнью заключеннаго.

— Доджъ, — сказалъ Зуровъ, — если вы американецъ, то вы должны знать этого человѣка. Быть можетъ, вы убѣдите его въ томъ, что вы дѣйствительно являетесь его землякомъ, и объясните, почему вы попали въ СССР?

Получасовая бесѣда съ Доджемъ, проведенная въ присутствіи Зурова, окончательно убѣдила меня въ правдивости его словъ. Доджу было двадцать четыре года отъ роду, и большую часть своей жизни онъ провелъ за границей; его бостонскій акцентъ былъ совершенно естественнымъ.

Наша бесѣда закончилась тѣмъ, что я завѣрилъ Доджа, что сдѣлаю все возможное для того, чтобы добиться его освобожденія.

Онъ сердечно пожалъ мнѣ руку и снова удалился въ сопровожденіи конвоировъ.

— Скажите теперь чистосердечно свое мнѣніе, — сказалъ Зуровъ.

— Дѣло ясно, — отвѣтилъ я, — и, кажется, что мнѣ удастся убѣдить васъ въ этомъ въ теченіе десяти минутъ.

— Какимъ образомъ? — спросилъ Зуровъ.

— Предоставьте мнѣ возможность переговорить по те-

лефону съ нашимъ лондонскимъ представителемъ. Вы можете слушать нашъ разговоръ или потребовать стенографический протоколъ нашей бесѣды.

Десятью минутами спустя я имѣлъ удовольствіе бесѣдовать съ Джономъ Стилльсомъ, лондонскимъ представителемъ „Чикаго Трибюнъ“.

— Я хорошо знаю Доджа, — сказалъ мнѣ Стилльсъ, — это старая семья, выселившаяся изъ Англіи. Онъ окончилъ университетъ въ Оксфордѣ, былъ отличнымъ спортсменомъ и принималъ участіе въ гребныхъ гонкахъ. Единственный недостатокъ его заключается въ томъ, что онъ слишкомъ серьезенъ. Разумѣется, онъ не имѣтъ никакого отношенія къ шпионажу. Готовъ поручиться за него.

— И я ручаюсь за него, — сказалъ я, вѣшша трубку.

— Стилльсъ знаетъ всѣхъ сколько-нибудь примѣчательныхъ американцевъ, жившихъ въ Лондонѣ послѣднія два десятка лѣтъ. Можете положиться на его отзывъ.

На слѣдующій день Доджъ былъ выпущенъ на свободу. Онъ переселился въ отель „Савой“ и отпраздновалъ свое освобожденіе, отмѣтивъ его горячей ванной.

Затѣмъ, заговоривъ со мною, онъ нещадно сталъ ругать русскихъ революціонеровъ и коммунистовъ, пока я не принужденъ былъ остановить его.

— Успокойтесь, Доджъ, и не болтайте лишняго. А не то вы снова попадете туда, откуда только что вышли. Я не одобряю ни теоріи, ни практики красныхъ, но я являюсь ихъ гостемъ и нахожусь въ ихъ странѣ. Соответственно съ тѣмъ я и долженъ себя вести. Я пріѣхалъ сюда въ качествѣ корреспондента-наблюдателя, а не въ качествѣ реформатора.

— Я очень сожалѣю, что такъ увлекся, — замѣтилъ Доджъ. — Впредь я буду сдерживать себя.

Мнѣ стало не по себѣ, и я искренне пожелалъ, чтобы онъ сдержанъ свое обѣщаніе. Москва въ тѣ времена, какъ это подтвердили вскорѣ разыгравшіяся события, отнюдь не благопріятствовала излишней откровенности и болтовнѣ.

Въ юнѣ 1914 года сигналомъ къ войнѣ послужилъ выстрѣлъ въ Сараевѣ. Въ 1932 судьбы Европы и Азіи тоже рѣшилъ выстрѣлъ.

2 ноября 1932 года былъ убитъ Іосифъ Сталинъ.

Слабоумный и худосочный еврейскій юноша, родители котораго проживали въ Польшѣ, выстрѣлилъ въ Сталина и убилъ диктатора, прозваннаго „стальнымъ человѣкомъ“, въ рукахъ котораго находилась вся полнота политической власти СССР.

Сталинъ былъ убитъ въ десять часовъ утра на Красной площади, въ тотъ моментъ, когда онъ выѣзжалъ въ свое мѣсто изъ Кремля черезъ старыя Спасскія ворота. Пуля пробила оконное стекло и убила диктатора наповалъ. Со Сталинымъ фхаль только одинъ человѣкъ, и молчаливый диктаторъ умеръ на рукахъ этого человѣка. Этимъ человѣкомъ былъ Иванъ Караканъ.

Уолтеръ Дюрантей, московскій корреспондентъ „Нью-Йоркъ-Таймса“, и я случайно находились въ моментъ покушенія на Сталина въ лавочонкѣ одного изъ букинистовъ, помѣщавшихся на Красной площади. Хотя мы и не слышали выстрѣла, но наше вниманіе привлекли сбѣгавшіеся со всѣхъ сторонъ люди, и мы послѣдовали за ними.

Услышавъ о томъ, что случилось, я тутъ же возвратился въ лавку букиниста и позвонилъ по телефону въ свое бюро, поручивъ передать извѣстіе въ Чикаго какъ по телеграфу, такъ и по радио. Одновременно я поручилъ Марго Дениссонъ передать Спиду, чтобы онъ немедленно же вылетѣлъ въ Ригу съ подробнымъ сообщеніемъ о случившемся. Въ этомъ сообщеніи я первый заговорилъ о томъ, что произошло, и о томъ довѣріи, которое питалъ къ Каракану покойный Сталинъ.

Лишь теперь стало ясно, что не кто иной, какъ Сталинъ, выдвинулъ Каракана на политическую арену и снабдилъ его чрезвычайными полномочіями. Сталинъ сдѣлалъ этотъ политический ходъ для того, чтобы удалить изъ состава Политбюро приверженцевъ Троцкаго, продолжавшихъ

втихомолку работать въ пользу бывшаго начальника военныхъ силъ Совѣтовъ.

Сторонники Троцкаго въ составѣ Центральнаго Комитета слишкомъ поздно раскусили маневръ Столина. Событія чуть не вызвали конфликта на національной почѣ, потому что оба политическихъ противника принадлежали къ различнымъ расамъ, а большинство сторонниковъ Троцкаго, развившихъ сильное сопротивленіе противъ дѣйствій диктатора, были евреями.

Сталинъ убѣдилъ Каракана, что единственнымъ врагомъ, котораго ему слѣдовало опасаться, былъ Троцкій и его приверженцы-евреи въ составѣ Центральнаго Комитета.

Когда по Москвѣ распространилось извѣстіе о смерти Сталина, сразу же поползъ слухъ, что убийство Сталина является дѣломъ рукъ евреевъ, организовавшихъ заговоръ для захвата власти въ Советской республикѣ.

Тщетно пытался я получить какія-нибудь доказательства того, что убийство Сталина было дѣяніемъ опредѣленной политической группы. Впослѣдствіи также не удалось установить какой-либо причастности Троцкаго и его сторонниковъ къ акту, совершившемуся второго ноября.

Тѣмъ не менѣе возбужденіе московскаго населенія было настолько велико, что мало-мальски разсудительное и беспристрастное разслѣдованіе этого убийства было немыслимо. Снова выплыло старое обвиненіе противъ евреевъ, и на сей разъ его использовали въ своихъ интересахъ Караканъ.

Въ день убийства Сталина на улицахъ Москвы были убиты двѣ тысячи триста евреевъ. То былъ погромъ, какого страна не переживала со временемъ тысяча девятьсотъ пятаго года.

На улицахъ происходили потрясающія сцены. Женщины и дѣти гибли подъ копытами сметавшихъ все на своемъ пути конныхъ патрулей. Тщетно пытавшихся спастись евреевъ подымали на штыки. Народъ громилъ еврейскія жилища и лавочонки.

Ежедневно я посыпалъ въ Америку подробныя сообщенія о разыгравшихся въ Москвѣ ужасахъ. Сообщенія эти подняли во всемъ мірѣ волну возмущенія. Къ удивленію про-

живавшихъ въ Москвѣ иностранныхъ корреспондентовъ, московское правительство не приняло никакихъ мѣръ къ тому, чтобы извѣстія эти не проникли за границу, и мы безпрепятственно посыпали наши сообщенія, слѣдствіемъ которыхъ явилось то, что весь міръ цѣлкомъ ушелъ въ эту сторону событий и проглядѣлъ подготовленный Караканомъ въ Москвѣ переворотъ, выразившійся въ томъ, что отнынѣ вся полнота власти перешла къ Каракану, сосредоточившему гражданское управление въ рукахъ одного изъ ближайшихъ соратниковъ Стالина, Маликова, доселѣ возглавлявшаго комиссариатъ рабоче-крестьянской инспекціи.

Караканъ сталъ преемникомъ Сталина и принялъ на себя обязанности несмѣняемаго генерального секретаря центрального комитета партии.

Маликовъ сталъ его замѣстителемъ и возглавилъ Совнаркомъ.

Политбюро сосредоточивало въ себѣ дѣятельность всѣхъ краевыхъ комитетовъ партіи. При помощи своихъ людей, возглавлявшихъ краевыя организаціи, и опираясь на подчиненную ему военную силу, Караканъ цѣлкомъ перестроилъ правительственный аппаратъ Совѣтской республики.

Формально полнотой власти располагало все стопятидесятимилліонное населеніе страны; на самомъ же дѣлѣ вся власть принадлежала одному лицу, бывшему неограниченнымъ властелиномъ надъ страной въ гораздо большей степени, чѣмъ послѣдній царь.

Мои сообщенія по телеграфу и радио подробно описывали силы, на которыхъ опирался Стalinъ, и устанавливали, что и Москва и Ленинградъ были цѣлкомъ подчинены диктатору, и что только на югѣ Россіи — въ Кіевѣ, Одессѣ и Харьковѣ — назрѣвала оппозиція противъ нового властелина.

Но Караканъ отлично зналъ Украину, и тутъ же на югѣ были переброшены вѣрные ему отряды, состоявшіе изъ татаръ, калмыковъ и башкировъ. Въ вызывавшихъ опасенія городахъ было объявлено осадное положеніе.

Въ Кіевѣ дѣло дошло до трехдневныхъ уличныхъ боевъ. Въ Одессѣ беспорядки приняли еще болѣе затяжную форму.

Послѣ усмиренія этихъ городовъ были казнены три тысячи человѣкъ.

Непосредственно за военными частями Каракана слѣдовали маликовскіе агенты ГПУ, облеченные особыми полномочіями и создавшіе въ занятыхъ городахъ чрезвычайные трибуналы, выносившіе смертные приговоры. Терроръ сопровождался публичными казнями.

Не прошло и десяти дней, какъ оппозиція была разгромлена и подавлена въ корнѣ.

Но Караканъ не склоненъ былъ перевести страну на мирное положеніе — съ этимъ слѣдовало повременить. Поэтому агитаторы Маликова и партійная печать стали усиленно распространять свѣдѣнія объ обнаруженныхъ контрреволюціонныхъ заговорахъ, и сотни лицъ, заподозрѣнныхъ въ контрреволюціонной дѣятельности, были арестованы. Одновременно, пользуясь тревожнымъ настроениемъ, Караканъ призывалъ на военную службу два дополнительныхъ года.

Заслуга первого сообщенія объ этой тайно проведенной мобилизації принадлежить Спиду Биннею. Онъ получилъ это извѣстіе отъ француженки, любовницы одного изъ чиновъ штаба красной арміи. Объ этой мобилизаціи не было опубликовано ни слова, и лишь очень ограниченный кругъ военныхъ былъ освѣдомленъ о ней.

Регулярная армія Совѣтскихъ республикъ насчитывала шестьсотъ тысячъ человѣкъ и ежегодно къ отбыванію воинской повинности привлекалось пятьсотъ пятьдесятъ тысячъ человѣкъ. И такое же количество обученныхъ солдатъ ежегодно уходило домой, зная, что имъ предстоитъ по первому призыва снова вернуться въ ряды арміи.

Мобилизація двухъ сроковъ призыва означала, что совѣтская армія увеличивается сразу на одинъ миллионы сто тысячъ штыковъ, причемъ это увеличеніе проводилось за счетъ обученныхъ и подготовленныхъ къ войнѣ солдатъ. Такимъ образомъ красная армія сразу возрастила втрое и насчитывала одинъ миллионъ семьсотъ тысячъ человѣкъ.

Красная армія отнынѣ была самой многочисленной арміей въ мірѣ.

Какими последствиями грозила эта мобилизация, мы стало ясно, когда я заглянул въ случайно попавшійся старый военный справочникъ за 1928 годъ и отыскалъ въ немъ на страницѣ 848 таблицу сравнительныхъ военныхъ силъ, которыми могли располагать отдельные страны.

Тамъ я нашелъ слѣдующія свѣдѣнія:

Съв.-Американские Соединенные Штаты . . .	18,500,000 человекъ
СССР	14,000,000 "
Германия	8,700,000 "
Великобританія	6,134,540 "
Франція	6,000,100 "
Италия	5,321,649 "
Польша	2,744,372 "
Юго-Славія	2,192,000 "
Чехо-Словакія	2,104,700 "
Румынія	1,600,000 "

Эти свѣдѣнія, хоть и имѣли пятилѣтнюю давность и не соответствовали въ полной мѣрѣ современному положенію вещей, все же позволяли судить о соотношеніи армій, существовавшихъ между СССР и прочими европейскими государствами. Въ томъ же справочникѣ я нашелъ слѣдующую таблицу:

Страна	Населеніе	Регулярная армія	Обученн. резервы	Необучен. резервы	Общ. числ. арміи	Проц.
СССР	149,300,000	608,000	800,000	12,501,900	14,000,000	9,5
Франція	40,922,100	632,600	4,639,000	700,000	6,001,000	14,6
Англія	45,226,300	154,500	305,830	5,676,010	6,136,340	13,6
Италия	42,115,606	240,288	3,120,614	2,000,000	5,321,649	12,6
Германия	62,349,782	100,000	—	8,600,000	8,700,000	13,9
Польша	29,249,000	244,372	—	2,500,000	2,744,372	9,4
Югославія	12,017,323	117,000	2,075,000	—	2,92,000	18,2
Румынія	17,393,000	226,400	—	1,333,500	1,600,000	9,2
Чехо-Словакія	13,613,172	120,000	1,509,700	475,000	2,104,700	15,5

Значеніе этой таблицы я изложилъ въ корреспонденціи объемомъ въ двѣ тысячи словъ и тутъ же отослалъ ее по радио.

Такъ какъ телеграфъ попрежнему былъ перегруженъ правительстvenными сообщеніями, у меня вошло въ обыкновеніе посыпать копіи наиболѣе важныхъ сообщеній воздушной почтой въ Ригу. Это сообщеніе я также отправилъ въ Ригу со Спидомъ, въ тотъ же часъ вылетѣвшимъ въ путь.

Я легъ спать съ пріятнымъ сознаніемъ, что мнѣ удалось снова опередить моихъ коллегъ и создать сенсацію.

Но на слѣдующее утро мнѣ суждено было проснуться въ неурочное время — въ шесть часовъ утра меня разбудилъ, неизвѣстно какъ попавшій ко мнѣ въ номеръ, какой-то военный.

— Съ добрымъ утромъ, товарищъ Гиббонсъ, — сказалъ онъ мнѣ, привѣтливо улыбаясь, — я полковникъ Бойертъ изъ штаба товарища Карабана и мнѣ поручено пригласить васъ на завтракъ къ нашему главнокомандующему.

Въ первыя минуты я не могъ прийти въ себя отъ неожиданности приглашенія, болѣе похожаго на приказъ, неурочного часа пробужденія и утренняго холода. Итакъ, мое завѣтное желаніе исполнилось — я не разъ пытался снова встрѣтиться съ Карабаномъ, съ которымъ познакомился еще въ 1921 году, но всѣ мои попытки вторично представиться ему терпѣли неудачу.

— Чудесно! — воскликнулъ я, высакивая изъ постели. — Черезъ нѣсколько минутъ я въ вашемъ распоряженіи.

— Ёздите ли вы верхомъ? — освѣдомился у меня мой неурочный гость.

— Да.

— Отлично. Въ такомъ случаѣ надѣньте рейтязы и сапоги. Можетъ быть, товарищъ Карабанъ возьметъ васъ съ собою на утреннюю прогулку.

Быстро одѣвшись, я послѣдовалъ за Бойеромъ и побѣхъ съ нимъ въ его штабномъ автомобилѣ. Въ холодное зимнее утро мы быстро пронеслись по Тверской, черезъ Триумфальную Арку у Брестского вокзала и затѣмъ повернули на широкое Ленинградское шоссе. Полковникъ Бойертъ вѣжливо предложилъ мнѣ закурить и затѣмъ заговорилъ:

Для человѣка, никогда не бывшаго военнымъ, вы обладаете изумительными военными познаніями. Товарищъ Ка-

раханъ вчера ознакомился съ материаломъ о васъ и очень заинтересовался вами. Не менѣе заинтересованъ онъ былъ вашимъ вчерашнимъ сообщеніемъ о мобилизациі.

— Мое сообщеніе соотвѣтствовало истинѣ? — освѣдомился я.

— Воюсь, что да, — отвѣтилъ улыбаясь Бойеръ.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ суждено поднять въ Европѣ немалую шумиху, — самодовольно отвѣтилъ я.

— О нѣтъ, — отвѣтилъ попрежнему улыбаясь Бойеръ, — ваше сообщеніе не достигнетъ своей цѣли. Воюсь, что миллионы вашихъ читателей на сей разъ будутъ лишеены удовольствія читать ваше сообщеніе. Удовлетворитесь тѣмъ, что ваша корреспонденція заинтересовала генерала. Онъ тутъ же потребовалъ изъ информаціоннаго отдѣла имѣющейся о васъ материаль, и результатомъ знакомства съ этимъ материаломъ явилось сегодняшнее приглашеніе на завтракъ.

Принятіе цензурою мѣръ къ тому, чтобы моя корреспонденція не получила огласки, подтверждало, что мобилизациія была совершившимся фактомъ. Я понялъ, что не только въ этомъ я оказался правъ, но и что мои предположенія о томъ, что мы стоимъ наканунѣ серьезныхъ событий, также правильны.

Одновременно я попытался утѣшиться мыслью, что Спиду Биннею на своеемъ двухмоторномъ аэропланѣ удалось достичь Риги и передать мою корреспонденцію въ Америку. Однако я поостерегся выразить эту надежду вслухъ.

Мы остановились у вѣзда въ Петровскій паркъ. Передъ Петровскимъ дворцомъ я увидѣлъ нѣсколько десятковъ осѣдланныхъ лошадей и вѣстовыхъ. Мы миновали мраморный вестибюль, въ которомъ находилась дюжина людей изъ свиты Карабана, — большинство изъ нихъ, судя по ихъ цвѣту кожи, принадлежали къ восточнымъ народамъ.

Бойеръ отворилъ дверь, и я послѣдовалъ за нимъ.

— Намъ придется подождать здѣсь пару минутъ и... — Онъ оборвалъ фразу на полусловѣ, замѣтивъ, что мы находились не одни въ этой комнатѣ.

У окна стояла какая-то фигура. Когда она повернулась къ намъ, я узналъ жену диктатора. Но какая въ Линь

Ларкинъ произошла перемѣна! Въ послѣдній разъ я видѣлъ ее въ Москвѣ одиннадцать лѣтъ тому назадъ — тогда на лицѣ Линь не было ни одной морщинки, не было и слѣда печали. Нынѣ выраженіе лица этой гордой и своеувольнной ирландки совершенно измѣнилось. То не была прежняя Линь Ларкинъ, добровольно уѣхавшая изъ Америки въ изгнаніе.

Я мысленно подивился происшедшемъ въ ней перемѣнѣ. Была ли эта перемѣна слѣдствіемъ любви и материнства, или же ея непреклонному духу пришлось столкнуться съ еще болѣе сильной волей? Не сломилъ ли ее человѣкъ, фамилію которого она теперь носила?

Узнавъ меня, она грустно улыбнулась и протянула мнѣ руку:

— Встрѣча съ вами напоминаетъ мнѣ давно минувшія времена. Что-то повисло въ воздухѣ. Зачѣмъ вы пріѣхали сюда? Вы ожидаете войны? — и обратившись къ Бойеру, желавшему представить насъ другъ другу, она добавила: — Это совершенно излишне, — мы знакомы со времени голода го года. Да, въ тѣ времена Москва была совсѣмъ иная.

— Вы правы, — согласился я съ нею, — но теперь жизнь въ Москвѣ значительно легче, — намъ не приходится дѣлиться послѣднимъ сухаремъ. Съ той поры много воды утекло, и вы теперь засѣдаете въ „Бѣломъ Домѣ“ Москвы и хороши, какъ прежде.

Лицо ея нѣсколько прояснилось, и она замѣтила:

— Я счастливѣйшая женщина въ мірѣ. Я жена великаго человѣка и на мою долю выпало счастье сопутствовать ему въ годы его возвышенія. У меня трое прелестныхъ дѣтей, и я смѣю надѣяться, что все то, о чёмъ я говорила нѣкогда на митингахъ въ Америкѣ, нынѣ осуществится.

Эти нѣсколько патетическія слова показались мнѣ не совсѣмъ искренними, и я не повѣрилъ въ счастье госпожи Карабанъ.

— Я вижу, что вы собираетесь сегодня съ нимъ на прогулку, — продолжала она. — Давно, давно мнѣ не приходилось выѣзжать съ нимъ. Теперь мнѣ приходится большую часть времени проводить дома у дѣтей. Но сегодня я

хочу приготовить ему сюрприз и поѣхать съ нимъ на утреннюю прогулку. Собственно, мнѣ здѣсь — въ его штабъ-квартирѣ, дѣлать нечего, но я хотѣла ему показать мой новый костюмъ для верховой ѿзды. Онъ сшить по моему эскизу. Какъ онъ вамъ нравится? Считаете ли вы, что онъ соответствуетъ моему положенію жены главнокомандующаго?

Прежде чѣмъ я успѣлъ отвѣтить на ея вопросъ, отворилась дверь и въ комнату вошелъ одинъ изъ адъютантовъ и что-то шепнулъ моему спутнику.

Мы встали. Линъ сказала:

— Я позволю себѣ удовольствіе лично представить васъ моему мужу, — и мы втроемъ направились въ сосѣдній залъ.

Караканъ находился въ немъ въ одиночествѣ и стоялъ у камина. Его коротко остриженные червые волосы придавали лицу выраженіе жесткости. Голова его была чуть наклонена впередъ, а тонкій ротъ сжатъ. Онъ стоялъ спиной къ камину, развернувъ плечи и заложивъ руки за спину.

Линъ Ларкинъ остановилась въ нѣсколькоихъ шагахъ отъ насъ и взглянула на своего мужа. Послѣдній перевелъ на нее свой пылающій взглядъ и не подальше виду, что узнаетъ ее или хочетъ привѣтствовать ее. Наступило длительное и тягостное молчаніе.

— Дорогой мой, — попыталась нарушить это молчаніе Линъ, — какъ тебѣ нравится... я думала... позволь мнѣ представить тебѣ моего старого товарища... можетъ быть, мы тебѣ помѣшили? ты занятъ?

Лицо Каракана оставалось попрежнему неподвижнымъ. Огненные глаза его продолжали впиваться въ лицо стоявшей передъ нимъ блѣдой женщины. Я почувствовалъ ея смущеніе, и мнѣ стало жаль ее. Молчаніе становилось мучительнымъ.

— Немедленно ступай домой, — наконецъ-то раздался его голосъ. Англійскія слова съ шипѣнiemъ слетали со стиснутыхъ губъ Каракана. — Дѣти ждутъ тебя. И сними съ себя этотъ шутовской нарядъ, прежде чѣмъ ты покажешься имъ. Въ моей семье штаны носятъ только мужчины.

Линъ, ни слова не говоря, повернулась и поспѣшила уйти. Она избѣгала встрѣчи съ моимъ взглядомъ, но я замѣтилъ, что губы ея дрожали. Неужели это была та самая своевольная и строптивая Линъ Ларкинъ, которую я зналъ въ Бостонѣ и въ Нью-Йоркѣ? Неужели то была та самая Линъ Ларкинъ, призывающая рабочихъ къ восстанію и провоцировавшая міровую революцію и терроръ?

Бойеръ и я молча созерцали эту тягостную сцену. Караканъ не замѣтилъ насъ. Лишь послѣ того, какъ дверь захлопнулась за его жену, онъ повернулся ко мнѣ, и его глаза пристально осмотрѣли меня съ головы до пяты.

Казалось, онъ изучаетъ меня, и хоть этотъ осмотръ длился всего лишь нѣсколько секундъ, онъ показались мнѣ вѣчностью. Потомъ онъ небрежно кивнулъ мнѣ головой.

— Здравствуйте, — сказалъ онъ, и голосъ его зазвучалъ чуть привѣтливѣе, чѣмъ тогда, когда онъ говорилъ со своей женой. — Мы попьемъ чаю и черезъ десять минутъ пустимся въ путь. Послѣ прогулки вы сможете позавтракать.

Онъ говорилъ по-англійски съ легкимъ американскимъ акцентомъ, унаслѣдованнымъ отъ Линъ, бывшей его учительницы.

Стоя у камина, мы выпили нѣсколько стакановъ чаю. Тщетно пытался я заговорить о своихъ корреспонденціяхъ и объявленной мобилизациѣ — полковникъ Бойеръ безпрестанно говорилъ о погодѣ, лошадяхъ и различныхъ пустынкахъ. Караканъ продолжалъ молчать.

Послѣ чаю онъ направился къ выходу, и мы послѣдовали за нимъ. Очутившись на дворѣ, онъ указалъ мнѣ на лошадь, стоявшую рядомъ съ его лошадью. Мы вскочили въ сѣдло и въ сопровожденіи нѣсколькоихъ офицеровъ поскакали на прогулку. Я скакалъ слѣва отъ Каракана; по другую сторону скакалъ Бойеръ.

— Какъ обстояли дѣла въ Сѣверной Африкѣ въ моментъ вашего послѣдняго тамъ пребыванія? — спросилъ меня Караканъ.

Я вкратцѣ изложилъ ему мои впечатлѣнія о томъ, что мнѣ суждено было увидѣть во французской, испанской и

англійскихъ арміяхъ Африки, и постарался перевести разговоръ на интересовавшую меня тему:

— Ни одна изъ европейскихъ державъ не располагаетъ арміей, которая бы была бы столь же сильна, какъ ваша армія, имѣющаяся въ данное время въ вашемъ распоряженіи, или которая будетъ имѣться въ вашемъ распоряженіи, послѣ проведения мобилизациі.

— Чьи войска въ Сѣверной Африкѣ, по вашему, наиболѣе дисциплинированы? — спросилъ меня Караканъ, не обративъ вниманія на мою уловку и не удостаивая меня взглядомъ.

Я отвѣтилъ ему, что по моему мнѣнію наиболѣе дисциплинированы и боеспособны фашистскіе отряды Муссолини, находящіеся въ лучшемъ состояніи, чѣмъ ихъ французскіе, англійскіе и испанскіе союзни по фронту.

— Правда ли то, что французы и итальянцы примѣняютъ для переброски силъ на фронтъ большие аэропланы? — продолжалъ онъ спрашивать безстрастнымъ тономъ.

Я отвѣтилъ ему, что это дѣйствительно такъ, и что я обѣ этомъ не разъ писалъ въ своихъ корреспонденціяхъ. Онъ помолчалъ мгновеніе, а потомъ перемѣнилъ тему бесѣды.

— Какого вы мнѣнія о румынской арміи?

— Не особенно высокаго, — отвѣтилъ я. Я ожидалъ, что онъ улыбнется, но лицо его осталось попрежнему безстрастнымъ. Онъ ускорилъ лишь бѣгъ своего коня, и Бойеръ и я послѣдовали его примѣру.

— Вамъ приходилось встречаться съ Пилсудскимъ? — спросилъ онъ, и по тону его вопроса я понялъ, что онъ достаточно полно освѣдомленъ обо всемъ, что касалось меня. Мне оставалось лишь со всей откровенностью заговорить о своемъ прошломъ.

— Да, я встрѣтился съ нимъ въ 1921 году во время войны противъ васъ. Вы тогда заставили насъ пробѣжать немалое разстояніе. Отъ Киева до Варшавы. Около Бреста-Литовска я чуть было не попалъ въ плѣнъ.

Наша своеобразная бесѣда длилась цѣлый часъ. Мы продолжали носиться по дорогамъ и полямъ, и я долженъ

быть признать, что подобное интервью было очень утомительнымъ. Караканъ продолжалъ задавать мнѣ рядъ вопросовъ военного характера. Его интересовало состояніе дорогъ, авиаціи, артиллериі европейскихъ державъ, настроеніе населенія, воинскій духъ арміи, характеристики отдѣльныхъ военачальниковъ, короче говоря все, что я могъ ему сообщить.

Возвратившись въ Петровскій дворецъ, онъ пригласилъ меня слѣдовать за нимъ. Проходя черезъ вестибюль, онъ небрежно отвѣтилъ на привѣтствіе своего штаба и, казалось, цѣлкомъ ушелъ въ разрѣшеніе какой-то проблемы. О чёмъ онъ размышлялъ, оставалось для меня тайной.

Бойеръ и я послѣдовали за нимъ въ его рабочій кабинетъ. На сей разъ онъ предложилъ намъ сѣсть. Минуту мы помолчали. Онъ не сводилъ съ меня пристальнаго взгляда. Потомъ онъ заговорилъ:

— Я принялъ рѣшеніе. Вы останетесь у меня, — или вѣрнѣ, вы останетесь въ Москвѣ. Вы слишкомъ хорошо освѣдомлены въ военныхъ дѣлахъ, чтобы я могъ вамъ позволить безпрепятственно передвигаться по странѣ. Отосланная вами вчера корреспонденція могла бы повредить моимъ планамъ, и поэтому она была задержана. Я не желаю возбуждать беспокойство среди моихъ союзниковъ. Ваши предположенія и расчеты соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Я предпочитаю имѣть дѣло съ разумными людьми, хотя бы они и являлись моими врагами. Вамъ не будетъ дано возможности переслать ваше вчерашнее сообщеніе въ вашу страну, и вы будете лишены права свободного передвиженія по СССР. Я полагаю, что въ той же мѣрѣ вы и ваша газета будете заинтересованы въ томъ, что вамъ будетъ предоставлена возможность находиться при мнѣ: поэтому я надѣюсь, что вы останетесь здѣсь по доброй волѣ. Въ информаціонномъ матеріалѣ о васъ я нашелъ письмо къ вамъ генерала Першинга. Онъ писалъ вамъ:

„Вы всегда были мужественны и честны, и я приношу вамъ свою благодарность.“ Першингъ никогда не бросался словами. Поэтому, я надѣюсь, что могу вамъ довѣриться и предоставляю вамъ выборъ — угодно вамъ быть аресто-

ваннымъ, или вы дадите мнѣ свое честное слово? Въ по-
слѣднемъ случаѣ вы будете оставлены подъ надзоромъ Бойера, что отнюдь не означаетъ для васъ какихъ-либо лишеній. Разумѣется, этотъ надзоръ будетъ распространенъ и на ваше бюро, и на вашу секретаршу, и на летчика. Полагаю, что въ моихъ условіяхъ нѣтъ ничего обременительного для васъ — я думаю, что ваше пребываніе здѣсь будетъ не лишено для васъ и для вашей газеты интереса. Если вы дадите мнѣ слово, что не будете пытаться посыпать за границу сообщенія, минуя нашу цензуру, то вамъ будетъ предоставлена возможность всюду бывать и въ первую очередь получать всю информацію. Однако ваши корреспонденціи не должны содержать ничего, что могло бы повредить нашимъ военнымъ интересамъ. Я не стану отъ васъ требовать, чтобы вы подтасовывали какіе-нибудь факты, также я не собираюсь использовать ваше пребываніе въ Москвѣ въ своихъ агитационныхъ цѣляхъ. Я въ этомъ не нуждаюсь.

Онъ замолчалъ, и я спросилъ его, будетъ ли мнѣ разрѣшено сообщить о томъ, въ какомъ положеніи я очутился, въ редакцію своей газеты.

— Если вы мнѣ дадите свое честное слово, то я предоставлю вамъ эту возможность.

— Могу ли я вамъ дать честное слово на время, — впредь до получения отвѣта отъ моей редакціи?

Онъ помолчалъ мгновеніе, а потомъ добавилъ:

— Разумѣется. Но при условіи, что ваше сообщеніе редакціи будетъ просмотрѣно Бойеромъ.

Караканъ поднялся, и мы съ Бойеромъ послѣдовали его примѣру.

— Завтра утромъ послѣ получения отвѣта я снова по-
видаю васъ, — сказалъ Караканъ, и мы направились къ выходу.

Бойеръ проводилъ меня обратно въ Москву. Врядъ ли можно было пожелать себѣ болѣе пріятнаго и необремени-
тельнаго тюремщика, чѣмъ Бойеръ. Онъ былъ очень до-
бродушенъ и особаго значенія возложеннымъ на него обя-
занностямъ не придавалъ.

Возвратившись къ себѣ въ отель, я замѣтилъ, что у

дверей моей комнаты стояли двое часовыхъ. По знаку Бойера, они отошли въ сторону, и мы вошли въ комнату. Въ комнатѣ оказалось еще двое часовыхъ. Уайтъ Доджъ и Марго Дениссонъ сидѣли на диванѣ передъ каминомъ.

— Что случилось? — спросилъ Доджъ, увидѣвъ меня.

— Я собрался навѣстить васъ, и пока я разговаривалъ съ вашей секретаршей, сюда вошли военные и обѣявили намъ, что мы арестованы. Надѣюсь, это не находится ни въ какой связи съ вашимъ застуничествомъ за меня въ ГПУ?

— Это не имѣть къ вамъ никакого отношенія, — по-
спѣшилъ я завѣрить Доджа, — всего лишь маленький кон-
фліктъ съ цензурой. Миссъ Марго, берегите наши редак-
ціонныя тайны, не забывайте, что мистеръ Доджъ нашъ
конкурентъ.

— Наши редакціонныя дѣла въ порядкѣ, — отвѣтила
дѣвушка, — за исключеніемъ одного. Отъ Спida нѣтъ ни-
какихъ извѣстій.

Впервые я слышалъ, чтобы Марго называла Спida по
имени, и мнѣ почудилось, что въ ея голосѣ зазвучало опа-
сеніе за его судьбу. Очень возможно, что зная, какое зна-
ченіе имѣло сообщеніе, которое онъ везъ, онъ рискнулъ на-
какую-нибудь головоломную авантюру, лишь бы добиться
щѣли.

— Если рѣчь идетъ о вашемъ пилотѣ мистерѣ Бинней,
— замѣтилъ Бойеръ, прочтя какое-то донесеніе, врученное
ему однимъ изъ военныхъ, — то я могу сообщить, что онъ
сидитъ подъ арестомъ на аэродромѣ.

Бойеръ направился къ телефону и долго о чёмъ-то бе-
сѣдовалъ на русскомъ языкѣ. Очевидно, разговоръ за-
бавлялъ его, потому что поминутно онъ разражался взры-
вами хохота. Затѣмъ, повѣшивъ трубку, онъ сказалъ:

— Товарищъ Гиббонсъ, вашъ молодой пилотъ основа-
тельно поработалъ кулаками, но все же ему пришлось убѣ-
диться, что одному со всей нашей арміей не справиться.
Наша воздушная развѣдка обнаружила его аэропланъ какъ
разъ въ тотъ моментъ, когда онъ направлялся къ пограни-
чной станціи Себежъ, пытаясь перелетѣть границу, вопреки
установленнымъ на сей предметъ правиламъ. Его заставили

снизиться и арестовали. При этомъ онъ оказалъ ожесточенное сопротивление. Ночнымъ поѣздомъ его доставили въ Москву, и, если вамъ угодно, я распоряжусь, чтобы его доставили суда.

— Надѣюсь, онъ не раненъ? — спросила, обезпокоившись, Марго.

— Ого! — воскликнулъ Бойеръ и многозначительно улыбнулся дѣвушкѣ. — Прелестная дама заинтересована не на шутку судьбой своего заоблачнаго рыцаря. Смѣю заявить прелестную даму, что онъ не пострадалъ, — но нашимъ авиаторамъ онъ нанесъ рядъ ушибовъ, и надо полагать, что они при первомъ удобномъ случаѣ разсчитываются съ нимъ.

— Надѣюсь, вы его не упрачечете въ ГПУ, — замѣтилъ Доджъ.

Полчаса спустя къ намъ явился Спидъ, сопутствующий двумя конвоирами. Увидѣвъ его, мы громко расхохотались. Одинъ глазъ его былъ сильно подбитъ и отливалъ всѣми цветами радуги.

Пока Доджъ завтракалъ, а Спидъ переодѣвался, я составилъ телеграмму, адресованную моей редакціи. Въ телеграммѣ этой излагалось предложеніе Карабахана и запрашивалось, какъ поступить въ этомъ случаѣ.

Бойеръ наложилъ на телеграмму свою визу, и она была отправлена съ однимъ изъ караульныхъ солдатъ на телеграфъ. Затѣмъ мы сѣли за столъ и плотно позавтракали. Пиршество наше возглавлялось попрежнему настроеннымъ на добродушный ладъ Бойеромъ.

Бинней за завтракомъ рассказалъ о своей стычкѣ съ летчиками и о томъ, какъ его арестовали. Бойеръ предложилъ тостъ за наше здоровье, и мы провели весь день въ милой бесѣдѣ, ожидая отвѣта изъ Чикаго.

Поздно ночью я получилъ телеграмму. Ея содержаніе гласило:

„Срочно.

1 ноября 1932 года

Изъ Чикаго.

Гиббонсу Москва.

Дайте слово останетесь у Карабахана точка Ежедневно телеграфируйте о событияхъ точка Огромный интересъ во всемъ мірѣ

Чикаго Трибюнъ“

И такимъ образомъ мнѣ не осталось ничего другого, какъ дать Карабахану свое честное слово и остаться въ Москвѣ.

Я объѣщалъ Карабахану, что всѣ мои корреспонденціи будутъ проходить透过 цenzуру, и получиль въ ствѣтъ завѣренія, что буду имѣть возможность знакомиться со всѣмъ, что могло для меня представить какой-нибудь интересъ.

Бойеръ, официально числившійся моимъ цензоромъ и надсмотришникомъ, на самомъ дѣлѣ оказался моимъ товарищемъ и неразлучнымъ спутникомъ.

Установившіяся съ нимъ отношенія, которымъ суждено было развиться въ дружбу, впослѣдствіи сыграли немаловажную роль. Больѣ чѣмъ когда-либо я былъ убѣждены въ томъ, что мнѣ суждено стать свидѣтелемъ значительныхъ событий, но то, чему я сталъ свидѣтелемъ, превзошло всѣ мои ожиданія.

Ежедневно я отсыпалъ нѣсколько телеграммъ, но въ нихъ не было ничего кромѣ официальныхъ материаловъ, полученныхъ отъ приближенныхъ диктатора. Карабахант удовлетворилъ мою просьбу и далъ мнѣ свое первое интервью, но при этомъ онъ столь тщательно скрылъ свои мысли и планы, что интервью это не достигло своей цѣли и не произвело особаго впечатлѣнія. Я украсилъ интервью портретомъ этого европеизированного азіата, продолжавшаго быть для всего міра загадкой. Впрочемъ, въ такой же мѣрѣ загадкой онъ являлся и для меня.

Особенный интересъ я питалъ къ быстрому усиленію военной мощи Карабахана. Я писалъ десятки статей и кор-

респонденцій на эту тему, но все онѣ неизмѣнико застrevали. Бойеръ, попрежнему привѣтливо улыбавшійся, запрещалъ мнѣ ихъ отправку, замѣчая:

— Повремените! Еще рано!

Я былъ свидѣтелемъ получения въ теченіе восемнадцати мѣсяцевъ тысячъ автомобилей. Огромное количество поддержанныхъ машинъ, забившихъ американскій рынокъ, пришло въ Москву черезъ Черное море, Тихій океанъ, Балтийское море — и было приведено въ порядокъ на фабрикахъ, на которыхъ работали сотни нѣмецкихъ механиковъ.

Неисчислимое количество аэроплановъ прибыло въ Москву изъ Японіи, Чехо-Словакіи, Германіи и Австріи, и снова нѣмецкіе инженеры, работавшіе на всѣхъ авиационныхъ фабрикахъ, собрали эти машины и привели ихъ въ боевую готовность.

Фабрики, построенные въ 1929 году Фордомъ и Дженерель-Электрикъ, были значительно расширены и увеличены.

Большіе запасы фосфата, оставшіеся послѣ міровой войны и неизвѣстно куда исчезнувшіе изъ Германіи послѣ заключенія въ 1918 году мира, поконились въ подземныхъ подвалахъ русскихъ крѣпостей. Въ 1931 и 1932 году были пущены въ ходъ новыя огромныя химическая фабрики, изготавлившія взрывчатыя вещества.

Совѣтская армія попрежнему была вооружена устарѣвшими винтовками, но одновременно шло тайное производство пулеметовъ и автоматическихъ ружей, съ тѣмъ, чтобы въ рѣшающій моментъ армія оказалась перевооруженной.

Мои корреспонденціи о массовой реквизиціи лошадей въ Монголіи и Сибири стали жертвой красного карандаша цензуры. Та же участіе постигла и мою корреспонденцію о продовольственныхъ реквизиціяхъ на нужды арміи.

Недостатокъ предметовъ первой необходимости въ СССР привелъ къ тому, что снова населеніе было посажено на норму и ограничено въ своемъ потребленіи. Это однако не помѣщало радио-станціямъ СССР увѣрять своихъ слушателей въ томъ, что во всѣхъ продовольственныхъ затрудненіяхъ повинны имперіалисты всего міра.

Агитаторы безпрестанно говорили объ опасностяхъ на-

двигавшейся войны и о раскрытыхъ заговорахъ контр-революционеровъ.

1 декабря вспыхнули волненія въ Бессарабіи. Тысячи бессарабскихъ крестьянъ направились въ Бухарестъ, чтобы повѣдать о своихъ бѣдахъ румынскому королю.

События въ Бессарабіи ничѣмъ не отличались отъ волненій, вспыхивавшихъ тамъ въ предшествующіе годы. Столь же незначительно по своимъ послѣдствіямъ должно было быть и передвиженіе румынскихъ военныхъ частей на линіи Днѣстра, но Караканъ использовалъ эти события для переброски частей красной арміи къ западной границѣ.

Въ Одесѣ, Кіевѣ, Гомелѣ, Минскѣ и Смоленскѣ формировались арміи, и всѣ желѣзныя дороги на западъ отъ Москвы были загружены эшелонами. Минѣ стало извѣстнымъ, что крупныя силы были переброшены изъ Поволжья въ Харьковъ и Екатеринославъ.

Разумѣется, мои корреспонденціи объ этихъ военныхъ приготовленіяхъ пошли подъ запрѣтъ, но все же кое-какія свѣдѣнія о мобилизаціи проникли въ европейскую печать.

Караканъ предоставилъ въ мое распоряженіе нѣсколько официальныхъ сообщеній, изъ которыхъ нѣкоторыя были пересланы мною въ Чикаго. Официальная информація московскаго правительства гласила, что нѣть ни одной части красной арміи, которая находилась бы въ двадцатимильной пограничной полосѣ и что мѣропріятія Москвы носятъ лишь оборонительный характеръ.

Сообщенія изъ европейскаго бюро „Чикаго Трибюнъ“ информировали меня объ охватившей Европу боязни. Въ декабрѣ 1932 года Франція, Испанія и Англія прекратили переброску новыхъ силъ въ Сѣверную Африку и все вниманіе сосредоточилось на Москвѣ.

И, наконецъ, въ канунѣ Нового года послѣдовало рѣшающее событие — загадочный взрывъ адской машины въ совѣтскомъ полпредствѣ въ Варшавѣ. Полпредъ Игорь Ядарь и восемь человѣкъ дипломатической миссіи были убиты.

Сообщеніе объ этой катастрофѣ достигло Москвы на разсвѣтѣ.

Тутъ же оно было опубликовано по радио. Лишь теперь стало яснымъ, какъ близка и непосредственна была угроза войны. Всѣ взоры обратились на краснаго диктатора.

Польскій посланникъ въ Москвѣ посыпалъ Каракана и выразилъ свое глубочайшее сожалѣніе по поводу прошедшаго.

Но Караканъ оставался невозмутимъ. Онъ указалъ, что вотъ уже второй полпредъ погибаетъ въ Варшавѣ отъ руки террориста. Въ прошломъ дипломатическіе шаги ни къ чему не привели.

— Польша не сочла нужнымъ защитить нашего посла, — сказалъ Караканъ и, улыбнувшись польскому послу, добавилъ:

— Варшавскихъ убийцъ будетъ судить въ Варшавѣ нашъ военный трибуналъ!

Это было объявлениемъ войны...

4

2 января 1933 года Караканъ перешелъ польскую границу. Завоеваніе Европы его войсками началось.

Первое мое сообщеніе о началѣ военныхъ дѣйствій гласило такъ:

„Срочно

Минскъ 2 января 1933 двѣнадцать часовъ дня

Флойдъ Гиббонсъ

Наступленіе совѣтскихъ войскъ на Польшу началось сегодня подъ личнымъ руководствомъ Каракана точка Наступленіе развертывается на фронтѣ протяженіемъ въ шестьсотъ пятьдесятъ километровъ точка Краснаго войска вторглись на тридцать километровъ на польскую территорію точка Фронтъ растянулся отъ Минска до Каменецъ-Подольска точка Польское сопротивленіе сломлено точка Интервьюировалъ командующаго красной арміей точка Бинней вылетаетъ подробнѣмъ сообщеніемъ въ Ригу точка

Гиббонсъ“

Отлетъ Спіда съ Минскаго аэродрома произвелъ эфектное впечатлѣніе. Спідъ расписалъ плоскости аэроплана американскими цвѣтами, на которыхъ красовались буквы „С“, вписанная въ зеленый кругъ.

Эта же буква красовалась у насъ на рукавахъ и обозначала, что мы являемся официальными военными корреспондентами, непосредственного участія въ военныхъ дѣйствіяхъ не принимающими.

Ночью штабъ-квартира Каракана помѣщалась въ Гомелѣ, но вскорѣ послѣ полуночи онъ вылетѣлъ въ сопровожденіи офицеровъ своего штаба на фронтъ.

Бойеръ, Спідъ и я вылетѣли слѣдомъ за авиационнымъ отрядомъ,escortировавшимъ Каракана на нашемъ аппаратѣ.

— Открытие военныхъ дѣйствій въ это время года противорѣчитъ всѣмъ моимъ свѣдѣніямъ въ военномъ дѣлѣ, — замѣтилъ я Бойеру. — Снѣга и морозы сильно затрудняютъ продвиженіе войскъ. Весь планъ военныхъ дѣйствій представляется мнѣ очень рискованнымъ. Эта война разразилась еще неожиданно, чѣмъ міровая война. Безъ предварительныхъ переговоровъ, безъ ультиматума. Весна или лѣто болѣе пригодны для открытия военныхъ дѣйствій.

— Вы разсуждаете, словно вы были бы польскимъ генераломъ, — замѣтилъ улыбаясь Бойеръ. — Во всякомъ случаѣ мы убѣждены въ томъ, что польскій генеральный штабъ разсуждаетъ такимъ же образомъ. И въ этомъ кроется весь смыслъ Каракановскаго плана: неожиданное наступленіе, гибкость организаціи, быстрота дѣйствій. Можете не сомнѣваться въ томъ, что Караканъ все обдумалъ и не станетъ дѣйствовать по шаблону. Пілсудскій старъ, и во всемъ польскомъ штабѣ нѣтъ ни одного человѣка, который былъ бы моложе шестидесяти лѣтъ. Всѣ эти старцы не могутъ себѣ представить, что можно воевать зимою. Не забудьте, что Каракану всего лишь тридцать два года. Это борьба молодежи противъ старшаго поколѣнія, и не приходится сомнѣваться въ томъ, что молодость побѣдить. Морозъ и снѣга не страшать насъ — наши передовыя части состоять изъ сибирскихъ формированій. Имъ русско-польская граница покажется Ривьерой.

— Поживем — увидимъ, — перебилъ я его, потому что мнѣ хотѣлось часокъ соснуть до утра. Онъ замолчалъ, и я попытался задремать.

Рассвѣтъ наступилъ поздно. Мы продолжали летѣть на сѣверъ, приближаясь къ фронту. Не разъ настѣнѣ обгоняли эскадрильи совѣтскихъ боевыхъ аэроплановъ, направлявшихся на западъ. Намъ пришлось наблюдать издали за нѣсколькими воздушными стычками красныхъ летчиковъ съ польскими авиаторами.

Красные во много разъ превосходили численностью непріятельскую воздушную развѣдку.

Внизу подъ нами на дорогахъ виднѣлись колонны направлявшихся на фронтъ солдатъ. Иногда на поляхъ виднѣлись отряды кавалеріи, утопавши по колѣно въ снѣгу. На западѣ виднѣлись клубы дыма — должно быть, горѣли селенія, подожженныя бомбами, сброшенными съ аэроплановъ.

Наконецъ-то мы снизились поблизости отъ какого-то селенія, расположеннаго у желѣзной дороги. Аэропланъ Каракана прибылъ нѣсколькими минутами ранѣе, и когда мы вылѣзли изъ машины, къ намъ обратился одинъ изъ штабныхъ офицеровъ. Бойеръ перевелъ мнѣ сказанное офицеромъ:

— Мы находимся въ польскомъ мѣстечкѣ Лаква. Мы позавтракаемъ здѣсь — фронтъ отодвинулся на западъ, — все развивается такъ, какъ предполагалъ нашъ командующій. Спидъ, послѣдніе напоить ваши моторы, — скоро снова двинемся въ путь.

Вскорѣ мы полетѣли, взявъ курсъ на сѣверо-западъ. На западѣ виднѣлся густой рядъ столбовъ дыма, вытянувшихся, словно нескончаемая аллея деревьевъ.

Незадолго до полудня мы спустились въ Минскѣ, гдѣ расположилась ставка дѣйствующей арміи. Тамъ я и составилъ сообщеніе, приведенное ранѣе. Послѣ отлета Бинненя Бойеръ предоставилъ въ мое распоряженіе одинъ изъ штабныхъ аэроплановъ.

Русское наступленіе на западѣ развертывалось вдоль желѣзнодорожныхъ линій: Минскъ, Ленино, Бугъ и Каменецъ-Подольскъ.

Вслѣдъ за инженерными частями, приводившими въ порядокъ желѣзнодорожное полотно, шли эшелоны.

Параллельно желѣзнодорожному полотну шли безконечные вереницы тракторовъ, поставленныхъ на полозья. Сверху все это казалось какимъ-то переселенiemъ народовъ.

Послѣ обѣда мы спустились въ занятомъ польскомъ селеніи Острогѣ, изъ которого была установлена непосредственная телефонная связь съ Москвой. Бойеръ разрешилъ мнѣ отослать вторую корреспонденцію, и я вызвалъ по телефону мое московское бюро и продиктовалъ сообщеніе Марго Денисонъ.

При этомъ я упомянулъ о быстромъ продвиженіи красныхъ войскъ впередъ и о доблести польскихъ уланъ, тщетно пытающихся задержать непріятеля и оказывавшихъ отчаянное сопротивленіе.

Въ своемъ сообщеніи я подробно описалъ методы наступленія красныхъ, растянувшихся по всему протяженію фронта; польская артиллерія не могла нанести имъ достаточно ощутительного урона. Упомянулъ я также о томъ, какъ были удивлены красные командующіе арміями, когда обнаружили, что на рядѣ участковъ фронта отсутствовали проволочные загражденія. Наступленіе развернулось настолько неожиданно, что польскія части не успѣли установить проволочныхъ загражденій, хоть въ ихъ распоряженіи и имѣлись мотки колючей проволоки.

Польша готовилась къ возможному столкновенію съ Москвой съ 1919 года, и все же наступленіе Каракана застало ее совершенно врасплохъ.

— Спидъ съ вами? — освѣдомилась у меня Марго, принявъ сообщеніе. Я сказалъ ей, что Спидъ вылетѣлъ въ Ригу, и спросилъ у нея, что съ Уайтомъ Доджемъ.

— Бѣднага въ отвратительномъ настроеніи, — отвѣтила она. — Дѣло его еще не уладилось и его не хотятъ пропустить на фронтъ.

Несмотря на то, что Доджъ былъ моимъ конкурентомъ, мнѣ стало жаль его. Но мое вниманіе было привлечено болѣе важными событиями. Лишь поздно ночью я узналъ о

номъ, что СССР въ этой войнѣ съ Польшей обрѣла союзника.

Маленькая, но боеспособная литовская армія выступила въ походъ, и операциіи ея были настолько согласованы съ операциями Карабана, что можно было предположить, что она состояла подъ его командованіемъ. По мѣрѣ развитія наступленія красныхъ литовская армія продвигалась къ Вильно, городу, отторгнутому у Литвы въ 1920 году.

Литва, порожденная Версальскимъ договоромъ и чувствовавшая себя въ кругу остальныхъ государствъ пасынкомъ, рѣшила самостоятельно отомстить за нанесенную ей польскимъ сосѣдомъ рану.

Пилсудскій обратился съ призывомъ къ остальнымъ государствамъ Малой Антанты: къ Чехо-Словакіи, къ Румыніи и Юго-Славіи.

Въ соотвѣтствіи съ существовавшимъ договоромъ, за которымъ скрывалась Франція, въ Бухарестѣ, Прагѣ и Бѣлградѣ была объявлена мобилизация.

— Я раздобылъ послѣднее сообщеніе непріятельского радио, — объявилъ Бойеръ, входя ко мнѣ съ листкомъ бумаги. — Малая Антанта собралась на совѣщаніе въ Прагѣ и рѣшила выступить на помощь Польшѣ. Теперь игра начинается всерьезъ. Карточный домикъ Европы заколебался.

Я тутъ же заказалъ разговоръ съ Москвой и сообщилъ Марго полученные свѣдѣнія.

Въ отвѣтъ Марго объявила мнѣ, что въ Москвѣ состоялись бурныя демонстраціи въ пользу войны.

— По улицамъ проходятъ огромныя массы народа. Демонстранты поютъ интернаціоналъ и носятъ портреты Карабана. Мобилизация, объявленная въ государствахъ Малой Антанты, будетъ истолкована какъ дальнѣйшій шагъ капиталистического мира, направленный противъ Москвы.

Я повѣсили трубку и обратился къ Бойеру:

— Что дальше?

— Вашъ аэропланъ находится здѣсь. (Мы находились въ польскомъ городкѣ въ Тарнополѣ). Мы сейчасъ вылетаемъ съ главнокомандующимъ на югъ.

На слѣдующій день мы вылетѣли слѣдомъ за аэропла-

номъ Карабана и полетѣли вдоль линіи фронта на югъ до Одессы и затѣмъ снова поднялись обратно. Отвѣтъ, данный Карабаномъ на присоединеніе къ польской арміи румынскихъ, югославскихъ и чешскихъ силъ, послѣдовалъ очень быстро и превосходилъ быстротою даже быстроту наступленія на Польшу.

На протяженіи трехсотверстной полосы отъ Тирасполя до Каменецъ-Подольска азиатская конница Карабана перевѣрилась черезъ Днѣстръ и перешла въ наступленіе.

Маленькие румынские гарнизоны на западномъ берегу рѣки тщетно пытались организовать сопротивленіе. Въставшіе бессарабскіе крестьяне встрѣтили наступавшихъ, какъ избавителей, и еще болѣе затруднили оборону страны.

Наступленіе красныхъ развивалось съ быстротою лѣсного пожара. Красные войска, поддержаныя воздушными силами Карабана, двигались вглубь непріятельской страны, развертывая наступленіе вдоль желѣзныхъ дорогъ и шоссе. На сѣверѣ войска Карабана заняли Черновцы, главный городъ Буковины, на югѣ въ Добруджѣ подняли восстаніе болгары и, выбросивъ красный флагъ, заставили румынъ перенести часть войскъ на этотъ новый фронтъ.

Марго сообщила Биннею по телефону о томъ, что случилось въ послѣдніе часы въ Москвѣ. Малая Антанта обратилась къ Франціи и Англіи съ призывомъ выслать въ Черное море эскадру. Въ отвѣтъ на это Москва обнагодоровала соглашеніе, заключенное ею съ Кемаль-пашею: Дарданеллы были минированы и проходъ иностраннымъ судамъ закрытъ.

Главнымъ союзникомъ Карабана была погода. Дороги были засыпаны снѣгомъ, затруднявшимъ передвиженіе французскихъ грузовыхъ автомобилей, тогда какъ красная кавалерія преодолѣвала это препятствіе безъ труда.

Въ Румыніи климатъ былъ мягче, но тамъ на помощь наступавшимъ пришли бессарабскіе крестьяне и слабая организація румынской арміи.

На десятый день послѣ начала войны войска Карабана заняли столицу Румыніи — Бухарестъ. Бойеръ и я немедленно же выѣхали въ штабномъ автомобилѣ въ занятую

столицу и прибыли туда вслѣдъ за занявшой городъ кавалеріей. Городъ таѢ же, какъ и во времена міровой войны, когда его занялъ Макензенъ, сдался безъ боя.

Въ отелѣ „Афины“ мы должны были встрѣтиться съ Марго, которая должна была прилетѣть вмѣстѣ со Спидомъ изъ Москвы.

Еще до ихъ прибытія я имѣлъ возможность отправить сообщеніе въ двѣ тысячи словъ о разгромѣ румынскій арміи и паденіи Бухареста. мнѣ это удалось сдѣлать при помощи радио-станцію Бухареста, потому что румыны въ паникѣ отступленія не успѣли ее разрушить.

Послѣ обѣда мы вылетѣли въ Варшаву. Марго сидѣла рядомъ со Спидомъ за рулемъ, а я съ Бойеромъ склонился въ кабинѣ аэроплана надъ картами. Неожиданно, къ вящшему своему изумленію, мы увидѣли рядомъ съ вами Биннея. Аэропланъ летѣлъ на высотѣ тысячи пятисотъ метровъ.

— Господи! — воскликнулъ Бойеръ, — кто же управляетъ аэропланомъ?

— Марго, — отвѣтилъ улыбаясь Бинней. — Я успѣлъ по дорогѣ изъ Москвы въ Бухарестъ обучить ее авиационному искусству. Она еще не умѣеть подыматься и опускаться, но на такой высотѣ можетъ безъ особой опаски управлять машиной. Я назначилъ ее своимъ замѣстителемъ.

Я отослалъ Биннея обратно къ рулю. Мы продолжали летѣть въ сѣверномъ направлениі и миновали захваченные нами города Львовъ и Черновицы, — красные войска развивали свое наступление въ направлениі Карпатъ.

Пролетая надъ Галицией, я вспомнилъ о сотняхъ тысячъ австрійцевъ и русскихъ, павшихъ въ міровую войну подъ Перемышлемъ, и обратилъ вниманіе Бойера на то, что Карабаханъ развиваетъ свое наступление въ томъ же направлениі, въ какомъ развивалось оно въ 1914 и 1915 году.

— Но царской арміи не удалось добиться успѣха, — замѣтилъ Бойеръ. — Карабаханъ идетъ по стопамъ полководца, значительно болѣе крупного, чѣмъ генералы Романова. Первымъ полководцемъ, проложившимъ себѣ путь черезъ горы, былъ человѣкъ желтой расы.

— Кто?

— Примѣрно, семьсотъ лѣтъ тому назадъ и также въ январѣ мѣсяцѣ, — если мнѣ не измѣняетъ память, — это было въ 1241 году, — Чингизъ-Ханъ выслалъ сюда одного изъ своихъ полководцевъ, Сабутая, который перешелъ Карпаты и спустился въ венгерскую равнину. Вамъ, должно быть, известно, что Карабаханъ очень внимательно изучалъ походы Чингизъ-Хана. Очень возможно, что вамъ суждено увидѣть въ ближайшія недѣли многое, напоминающее походы великаго полководца прошлаго. — И Бойеръ многозначительно улыбнулся.

На слѣдующее утро мы снизились въ Прагѣ, въ правобережномъ предмѣстьи Варшавы. Въ теченіе ночи поляки очистили Варшаву, и въ половинѣ одиннадцатаго утра съ балкона гостиницы „Бристоль“ мы были свидѣтелями триумфального вѣтза Карабахана во главѣ своей конницы въ городѣ.

Несмотря на то, что въ теченіе послѣднихъ двухъ недѣль Карабаханъ продвинулъ со своими арміями на четыреста километровъ, несмотря на то, что фронтъ красныхъ войскъ растянулся на тысячу сто километровъ и былъ вдвое длиннѣе западнаго фронта въ міровую войну четырнадцатаго года, несмотря на то, что онъ занялъ двѣ непріятельскихъ столицы и разбилъ польскую и румынскую арміи, — Карабаханъ не далъ своимъ войскамъ даже самой краткой передышки.

На югѣ отъ Варшавы на слѣдующій день паль очень важный въ стратегическомъ отношеніи пунктъ — Краковъ, открывавшій доступъ въ венгерскую равнину. Отнынѣ правое крыло зажима красныхъ находилось тамъ. Лѣвое крыло надвигалось со стороны Бухареста, охватывало Трансильваніе Альпы и двигалось на Бѣлградъ.

Центръ наступленія красныхъ развивался во львовскомъ направлениі. Этотъ сложный и требовавшій большихъ силъ планъ былъ выполнимъ только потому, что Карабаханъ располагалъ несмѣтнымъ количествомъ войскъ.

Но гораздо большее значеніе, чѣмъ численность войскъ, имѣли эластичность и подвижность всей организаціи Карабахана и порой нечеловѣческая выносливость его людей.

Серьезное сопротивление наступлению красных было оказано въ Восточной Пруссии, гдѣ противъ полчищъ Карабана выступилъ германскій экѣсъ-кронпринцъ съ сорокатысячнымъ отрядомъ немецкихъ націоналистовъ. Бои въ Восточной Пруссии окончились побѣдой красныхъ подъ Алленштейномъ.

Взрывъ мины, заложенной красными въ Альтгаузскомъ туннелѣ, стоилъ жизни двумъ сотнямъ солдатъ 233 колониального полка французской арміи и предалъ гласности тотъ фактъ, что Франція, вопреки возраженіямъ радикальной части правительства, оказывала втайне поддержку отступающимъ полякамъ.

На переброску французскихъ и итальянскихъ войскъ въ Европу послѣдовалъ новый, болѣе сильный нахимъ воставшихъ въ Сѣверной Африкѣ. Фанатики-туареги изгнали французовъ изъ Бискры и заняли садъ Аллаха. Египтяне продвинулись на линіи между Каиромъ и Александріей. Марокканцы снова заняли Фецъ.

Судьба центральной Европы рѣшилась на Прессбургской равнинѣ. Два дня длился ожесточенный бой, начавшийся утромъ 29 января и закончившійся побѣдой красныхъ надъ силами Малой Антанты. Изъ трехсотъ тысячъ свѣжихъ войскъ, участвовавшихъ въ этомъ сраженіи, двѣ трети составляла сербская армія.

Въ ночь на 31 января я продиктовалъ сообщеніе объ исходѣ боя Марго, находившейся въ Варшавѣ. Бинней вылетѣлъ за нею и за всѣми материалами нашего бюро — мы знали, что слѣдующимъ нашимъ этапомъ отныне будетъ Вѣна.

Маленькая Австрія, безпомощный остатокъ нѣкогда могущественной двуединой монархіи, не оказала краснымъ варарамъ никакого сопротивленія.

Хоть правительство этой ослабленной годами голода и униженія страны и осталось консервативнымъ, управление города перешло къ болѣе лѣвымъ соціалистическимъ кругамъ. Вѣна, нѣкогда самый веселый городъ, стала самымъ краснымъ городомъ Европы.

Гансъ Брейтнеръ, вѣнскій диктаторъ, выѣхалъ на-

встрѣчу Карабану и сопровождалъ его при торжественномъ вѣтѣдѣ въ городѣ. Бойеръ и я слѣдовали за ними въ одномъ изъ штабныхъ автомобилей.

Когда мы выѣхали на Рингъ, мы увидѣли, что вѣнскіе полицейские попрежнему несли свою службу и регулировали уличное движение. Но теперь каждый изъ нихъ стоялъ на посту подъ охраной одного всадника и одного пѣхотинца Карабана.

Мы расположились въ Грандъ-отелѣ, и Бойеръ тутъ же позвонилъ въ Гофбургъ, нѣкогда бывшій резиденціей Франца-Іосифа, а нынѣ ставшій штабъ-квартирою Карабана.

— Скорѣй берите шляпу и собирайтесь въ путь, — крикнулъ онъ мнѣ, вѣшая трубку. — Въ Гофбургѣ происходитъ нѣчто, чего мы не должны прозѣвать.

Мы поспѣшили внизъ и, когда заняли мѣста въ автомобилѣ, Бойеръ объяснилъ мнѣ, что австрійское правительство во главѣ съ монсіньоромъ Игнатіемъ Зейпелемъ и президентомъ Гайнишомъ арестовано и доставлено въ Гофбургъ.

Въ числѣ арестованныхъ находился и докторъ Думба, бывшій австро-венгерскій посолъ въ Вашингтонѣ.

— Карабанъ убить ихъ всѣхъ, — сказалъ Бойеръ.

У меня перехватило дыханіе. Троихъ изъ числа обреченныхъ Карабаномъ на смерть я зналъ лично. Пять лѣтъ тому назадъ я опубликовалъ интервью съ ними. Эти люди повсемѣстно пользовались симпатіями, и только благодаря ихъ неусыпнымъ стараніямъ Австрія снова пріобрѣла нѣкоторую устойчивость.

— Но почему? — вырвалось у меня, когда мы проѣхали подъ сводами воротъ въ Гофбургъ. — Вѣдь эти люди не борцы, они ничѣмъ не провинились передъ Карабаномъ. Австрія не оказала вамъ сопротивленія. Населеніе ведетъ себя очень лояльно, и въ странѣ паритъ покой. Это — безсмысленное убийство.

— Все то, что вы говорите, соответствуетъ истинѣ, за исключеніемъ одного, — отвѣтилъ Бойеръ. — Карабанъ ничего безсмысленного не дѣлаетъ. Эти казни являются частичкой общей политики террора. А терроръ — необходи-

мое явление во время войны. Примѣрно, то же самое нѣмцы продѣлали въ Бельгіи, но они считали необходимымъ всячески отрицать это. Англичане, примѣрно, такъ же дѣйствовали въ Египтѣ и въ Индіи. Французы примѣняли подобная мѣры въ Африкѣ и такъ же считали необходимымъ отрицать ихъ. А развѣ вы, американцы, на Филиппинахъ и на Гаити дѣйствовали иначе? Политика Каракана состоять въ томъ, чтобы лишить жизни нѣсколько десятковъ реакціонныхъ главарей страны, и эта политика гораздо мягче и менѣе жестока, чѣмъ если бы онъ вздумалъ для достижения той же цѣли лишить жизни нѣсколько сотъ ничтожествъ изъ числа рядового населенія.

— Но вѣдь это возстановить противъ васъ весь міръ! — вскричалъ я. — Неужели вамъ мало казней въ Варшавѣ и въ Бухарестѣ? Эти люди пользуютсяуваженіемъ во всемъ мірѣ, и расправа съ ними вызоветъ возмущеніе противъ васъ.

— Совершенно вѣрно, — согласился со мною Бойеръ, — это вызоветъ возмущеніе и пробудить страхъ передъ Караканомъ, заставить считаться съ нимъ. Непосредственнымъ результатомъ этой мѣры явится то, что повсюду консервативные группы ослабѣютъ и усилятъ влияніе радикальныхъ круговъ. А развѣ это не стоитъ десятка жизней?

Воспоминаніе о томъ, что мнѣ суждено было увидѣть въ эту дѣнь, будеть живо во мнѣ всегда.

Казни произошли во внутреннемъ дворикѣ Гофбурга. Бойеръ подвелъ меня къ окну, — мы находились во второмъ этажѣ, и я увидѣлъ въ небольшомъ отдаленіи отъ себя лица осужденныхъ. Справа отъ меня находился балконъ, съ которого Караканъ взиралъ на эту возмутительную расправу.

Онъ высыпалъ на балконѣ во весь свой ростъ, и лицо его было по обыкновенію неподвижно и непроницаемо. За нимъ стояло нѣсколько штабныхъ офицеровъ.

Несчастныхъ вывели на дворъ со связанными на спинѣ руками, и възводь китайскихъ солдатъ подвелъ ихъ къ стѣнѣ. Надъ головами солдатъ, которымъ суждено было прикончить

ихъ, они могли видѣть жестокую желтую маску того, по чьему приказу ихъ обрекли на смерть.

Въ тотъ моментъ, когда я приблизился къ окну, раздался залпъ, и одинъ изъ приговоренныхъ къ смерти упалъ. Убитаго вынесли на носилкахъ, и затѣмъ наступила очередь президента австрійской республики.

Вставъ у стѣны, онъ запрокинулъ голову и, не дрогнувъ, встрѣтилъ смерть.

Слѣдующей жертвой былъ докторъ Зейпель. На немъ была длинная черная сутана, присвоенная его ордену, и четырехугольный беретъ. На губахъ его змѣилась тонкая улыбка. Онъ встрѣтилъ смерть спокойно, съ вѣрой въ Бога.

Потомъ мнѣ суждено было присутствовать при смерти настаснаго доктора Думба. Онъ умеръ столь же достойно, какъ и жиль.

Тщетно обратилъ я къ Каракану молящиі взгляды, — лицо его было попрежнему строго и непроницаемо. Мольба была безполезной. Глаза его пристально смотрѣли на несчастныхъ — онъ былъ воплощеніемъ безжалостной жестокости.

— Это ужасно, — прошепталъ я, обращаясь къ Бойеру. — Я долженъ уйти отсюда, — я не могу вынести этого. Вѣдь эти люди были моими друзьями. Это самое ужасное, что мнѣ когда-либо суждено было пережить.

Мы возвратились въ отель. Я подбодрилъ себя нѣсколькими глотками алкоголя и засѣлъ за работу, пытаясь изложить на бумагѣ видѣвшее. Бойеръ сказалъ мнѣ, что моя корреспонденція о безсудныхъ казняхъ будетъ пропущена. Я вправѣ сообщить газетамъ все, чemu былъ свидѣтелемъ.

— Сообщите все, — сказалъ онъ. — Пусть міръ знаетъ, какая сила пробудилась на востокѣ.

Послѣ обѣда весь міръ съ трепетомъ читалъ мою телеграмму въ четыре тысячи словъ, въ которой описывалась смерть членовъ австрійского правительства. Незачѣмъ говорить, что сообщеніе мое произвело на всѣхъ ужасное впе-

чатлъніе. Весь міръ содрогнулся при вѣсти объ этой же стокости.

Позднѣе я узналъ, что въ Чикаго мое сообщеніе вызвало сильныя опасенія за мою судьбу. Въ редакціи предположали, что меня за мое откровенное сообщеніе ожидаютъ участъ бѣдныхъ австрійцевъ.

Тамъ не представляли себѣ, что въ намѣренія Карабана входило вселить ужасъ въ весь міръ, и что онъ намѣренно далъ мнѣ возможность разсказать о томъ, чмму мнѣ суждено было быть свидѣтелемъ.

Послѣ обѣда въ Вѣну прибыли Спидъ Бинней и Марго Денисонъ. Мы занялись устройствомъ бюро въ отелѣ, и Спидъ рассказалъ мнѣ, что моя свѣтловолосая секретарша въ теченіе всего пути самостоятельно управляла аэропланомъ.

— Если война не прекратится столь же неожиданно, какъ началась, то Марго научится и подъему и спуску, — добавилъ Спидъ.

— Объ этомъ вамъ нечего беспокоиться, — замѣтилъ Бойеръ. — Вамъ суждено еще сегодня быть свидѣтелемъ дальнѣйшаго развертыванія событий. Имѣю честь довести до вашего свѣдѣнія, что передъ нами теперь новый врагъ — первый въ Европѣ, достаточно смѣлый для того, чтобы бросить вызовъ Карабану. Итальянская армія перешла черезъ Бреннеръ и наступаетъ на Иннсбрукъ. Одновременно итальянскія войска наступаютъ вдоль желѣзнодорожныхъ линій Триестъ-Лайбахъ и Фіуме-Аграмъ.

— Трижды „ура“ въ честь старины Муссолини! — закричалъ Бинней.

— Скоро ему придется призадуматься надъ тѣмъ, на что онъ рѣшился. Наши войска спѣшно перебрасываются въ юго-западномъ направлении. Воздушные силы уже вступили въ бой съ непріятелемъ, и вскорѣ мы войдемъ въ со-прикосновеніе съ нимъ и на землѣ. Выступленіе Муссолини какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ планамъ Карабана. Для австрійцевъ это удобный случай отомстить за всѣ униженія и угрозы, раздававшіяся по адресу Австріи со стороны

южного сосѣда. Все населеніе Австріи станетъ подъ званіема Карабана.

Въ ту же ночь итальянцы дали знать о себѣ въ тылу красныхъ. Огромная непріятельская воздушная эскадра появилась надъ Вѣной и подвергла городъ отчаянной воздушной бомбардировкѣ.

Одна изъ бомбъ упала во дворъ, на которомъ утромъ происходили казни, и вырыла воронку въ тридцать метровъ въ диаметрѣ. Отъ сотрясенія въ Гофбургѣ полопались всѣ стекла, и нѣсколько осколковъ стекла упали въ кровать, въ которой спалъ Карабанъ.

Поднявшіеся ввысь аэропланы красныхъ тутъ же вступили въ бой съ непріятелемъ, и надъ городомъ при лунномъ свѣтѣ разыгралось воздушное сраженіе.

Въ этомъ сраженіи итальянцы потеряли семь бомбометовъ и тридцать легкихъ аэроплановъ. На одномъ изъ боевыхъ итальянскихъ аэроплановъ въ качествѣ пилота находился маститый итальянский поэтъ Габріель Д'Аннунціо, впервые совершившій полетъ надъ Вѣной въ 1918 году во время борьбы австрійцевъ и итальянцевъ у Изонцо.

На слѣдующій день мы вспомнили о томъ, что во времена первого полета Д'Аннунціо сбрасывалъ въ Вѣну итальянскія прокламаціи. Теперь рѣчь шла не о театральномъ жестѣ, а о болѣе существенномъ. Муссолини послалъ поэта въ полетъ, снабдивъ его большими количествомъ бомбъ и взрывчатаго вещества. Д'Аннунціо выполнилъ возложенную на него задачу и поплатился жизнью за свое мужество.

Карабанъ продолжалъ изъ Вѣны руководить подготовкой боевъ на итальянскомъ фронте и часто вылеталъ на аэропланѣ на фронтъ.

На сѣверѣ продолжавшія развивать наступленіе войска достигли Познани. Наступавшія изъ Лодзи и Кракова войска перешли нѣмецкую границу и заняли Бреславль.

3-яго февраля полчища Карабана натолкнулись у Коллина въ Эльбеталѣ, въ пятидесяти километрахъ отъ Праги, на остатки чехо- словацкой арміи, находившейся подъ командованіемъ генерала Гайда.

Краснымъ уничтоженіе остатковъ героически сопротивлявшейся арміи обошлось въ шестьдесятъ тысячъ людей.

Черезъ два дня красные заняли Прагу, и 8-го февраля войска Каракана заняли Пильзенъ, въ которомъ находились огромныя орудійныя фабрики, изготавлившія во время войны 1914 года исполинскія сорокадвухсантиметровыя орудія.

— Занятіе Пильзена, — пояснилъ я Спиду, — самое крупное достиженіе Каракана въ этой войнѣ. Пильзенъ — это арсеналь центральной Европы.

— И одновременно городъ, въ которомъ водится лучшее пиво въ мірѣ, — подхватилъ Спидъ. — Подъ пивоварней находится подземное озеро пива, а крыша на домѣ бургомистра выложена окороками. Вотъ гдѣ намъ слѣдовало бы разбить свое бюро.

6-го февраля, послѣ долгихъ мытарствъ, Уайтъ Доджъ прибыль въ Вѣну и сообщилъ намъ о наступленіи совѣтскихъ войскъ, миновавшихъ Трансильванію, на Бѣлградъ.

— Я ожидалъ, что сербы будутъ защищать свою столицу, — продолжалъ Доджъ, — но послѣ того, какъ красный Наполеонъ уничтожилъ три четверти ихъ арміи подъ Прессбургомъ, имъ ничего другого не осталось, какъ безъ боя очистить городъ. Королева Марія вмѣстѣ съ маленькимъ Михаиломъ бѣжала въ Бѣлградъ къ супругѣ Александра, и обѣ королевскихъ семьи вылетѣли изъ Бѣлграда на аэропланѣ. Я полагаю, что въ настоящее время они находятся у короля Зогу въ Албаніи. О мѣстонахожденіи Кароля ничего не известно, и я полагаю, что и онъ направился туда же. Югославія цѣлкомъ во власти красныхъ — бои тамъ закончены. Распри между сербами, кроатами и словенами привели къ тому, что краснымъ удалось безъ особыхъ усилий занять всю страну. Всѣ эти народы мечтаютъ объ автономіи, и совѣтское командование обѣщало имъ ее. Примѣрно таково же положеніе въ Греціи съ македонцами. Болгарія пытается сохранить нейтралитетъ, но это явно безнадежная попытка. Король Борисъ покинулъ страну.

— А что съ Венгріей?

— Она въ рукахъ красныхъ, — отвѣтилъ Доджъ. —

И венгровъ винить въ этомъ не приходится. Версальскій договоръ разоружилъ ихъ, и теперь, когда они очутились въ окруженіи побѣдоносныхъ красныхъ войскъ, они не смогли оказать сопротивленія. Въ Будапештѣ снова у власти красные, какъ во времена Бела-Куна. Адмиралъ Хорти бѣжалъ. По пути на Прессбургъ Караканъ не встрѣтилъ сопротивленія. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что мадьяры въ прошломъ азіаты, и теперь многие сочли нужнымъувѣрять, что состоять въ кровномъ родствѣ съ полчищами Каракана.

Каждый новый день приносилъ множество сообщеній — пороховой погребъ Европы взлетѣлъ на воздухъ. Мои сообщенія въ Америку порой достигали двухъ тысячъ словъ. Все происходившее въ центральной Европѣ нагнало на западныя страны и Америку ужасъ.

Въ то время, какъ на итальянскомъ фронѣ шла подготовка къ рѣшающему сраженію, центръ военныхъ дѣйствій передвинулся на сѣверъ.

Я поручилъ Марго руководство нашимъ бюро въ Вѣнѣ и вылетѣлъ съ Биннемъ въ Берлинъ. Со времени вторженія въ Силезію Германія дважды, хоть и не особенно рѣшительно, протестовала противъ нарушенія ея нейтралитета.

Лондонская и парижская пресса откровенно сообщала, что между германскимъ правительствомъ и Караканомъ существуетъ тайный договоръ, предусматривающій пропускъ красныхъ армій черезъ Германію.

Берлинская пресса категорически запротестовала противъ этого обвиненія и переложила всю отвѣтственность за происходящее на Францію и Англію, лишившихъ по Версальскому договору Германію какой бы то ни было возможності сопротивляться.

Въ полночь мы снизились на Темпельгофскомъ аэропромѣ, и я поѣхалъ по пустыннымъ улицамъ въ отель „Адлонъ“, въ которомъ помѣщалось бюро „Чикаго Трибюнъ“.

Зигридъ Шульцъ, нашъ корреспондентъ, владѣвшій множествомъ иностранныхъ языковъ, находился въ этуѣ поздній часъ у себя въ бюро.

— Я радъ вашему прѣздѣ, — сказалъ онъ. — Право,

пора, чтобы Чикаго смыла меня. Въ теченіе послѣдней недѣли мнѣ приходилось работать по двадцать часовъ въ сутки. Мы наканунѣ путча — всѣ данныхы указываютъ на это.

— Я довѣряю вамъ, Зигридъ. Кто могъ бы быть лучше васъ освѣдомленъ обо всемъ этомъ? Вѣдь вы предсказали всѣ возстанія, разыгравшіяся въ Германіи послѣ сверженія кайзера.

— Но это возстаніе превзойдетъ всѣ прежнія, — замѣтилъ Зигридъ. — Наши красные сильнѣе сейчасъ, чѣмъ когда-либо, тогда какъ правыя организаціи сильно ослаблены. Послѣ разгрома Штальгельма въ восточной Пруссіи коммунисты — единственная организованная сила, и поговариваютъ, что они сумѣли проникнуть даже въ рейхсверъ и ряды полиціи. Затѣмъ у насъ царить очень большая непріязнь къ бывшимъ союзникамъ. Страна претерпѣла многое и совершенно безоружна. За все это отвѣтственность возлагается на Версальскій договоръ. И все, что можетъ освободить Германію отъ версальскаго преступленія, — такъ называются здѣсь этотъ миръ, — будетъ встрѣчено съ распостертыми объятіями.

— Но развѣ Германія уже забыла объ ужасахъ французской оккупациіи и расквартированныхъ на Рейнѣ неграхъ? — спросилъ я. — Развѣ Германія не знаетъ, что войска Каракана сформированы главнымъ образомъ изъ азиатовъ, впервые празднующихъ побѣду надъ бѣлой расой? Неужели ваши мужчины не понимаютъ, что означаютъ для этихъ полчищъ бѣлыхъ женщины?

— О да, — отвѣтилъ онъ. — Германіи суждено было испытать много тяжелаго, и поэтому она предпочитаетъ видѣть войска Каракана въ качествѣ союзниковъ по оружію, чѣмъ въ качествѣ врага-побѣдителя.

Въ соотвѣтствіи съ предсказаніями Шульца на слѣдующій день въ Берлинѣ произошелъ государственный переворотъ. Тысячи демонстрантовъ, въ большинствѣ своемъ члены германской коммунистической партіи, вышли на Унтер-денъ-Линденъ и миновали Бранденбургскія ворота.

Правительственные войска, занимавшія улицы, не оказывали имъ сопротивленія.

Безъ пролитія капли крови столица Германіи перешла на сторону Каракана и попала въ руки коммунистовъ.

Въ Гамбургѣ, Бременѣ и Штеттинѣ состоялись демонстраціи въ честь Каракана — портретъ желтаго завоевателя несли впереди процессіи вышедшихъ на улицы съ красными флагами.

Къ вечеру правительство Германіи вышло въ отставку, и было объявлено о диктатурѣ пролетаріата, возглавляемаго агентомъ третьаго интернаціонала Эрихомъ Шульценбергеромъ.

Это измѣненіе политического строя Германіи, происшедшее 10 февраля 1933 года, явилось немаловажнымъ событиемъ для всей остальной Европы.

Въ восточной Пруссіи, Саксоніи и Баваріи образовались большие отряды рейхсвера, примкнувшіе къ наступленію Каракана и направившіеся вмѣстѣ съ его войсками на западъ.

Бинней и я вылетѣли обратно въ Вѣну. Несмотря на то, что мы прибыли на разсвѣтѣ, мы застали въ Грандъ-отелѣ ожидавшую нашего прибытія Марго. Лицо ея было серьезно:

— Въ Вѣну прибыла жена Каракана, — объявила она намъ. — Я хотѣла сообщить вамъ объ этомъ до прихода Бойера. Караканъ запретилъ ей выѣзжать изъ Москвы. Я предполагаю, что ему уже известно объ ея отѣздѣ, но врядъ ли онъ освѣдомленъ о томъ, что она прибыла въ Вѣну.

— Гдѣ она? — спросилъ я.

— Она въ моей спальнѣ, — отвѣтила Марго. — Она прибыла въ ночь послѣ вашего отѣзда въ Берлинѣ и освѣдомилась о васъ. Я представилась ей въ качествѣ вашей секретарши и сказала, что вы вылетѣли въ Германію. Она объяснила мнѣ всю тяжесть своего положенія и сказала, что хочетъ подождать вашего возвращенія въ Вѣну. Удалить ее отсюда я не рѣшилась. Надѣюсь, я ничего сквернаго не натворила.

Пріездъ Линъ создавалъ рядъ затрудненій, которых могли повлечь за собою непредвидѣнныя послѣдствія. Для меня Линъ была бѣлой женщиной, американкой, ринувшейся въ самый центръ ужасовъ войны и попавшей между жерновами военной машины. Ея мужъ возглавлялъ эту бойню и одновременно являлся отцомъ ея дѣтей.

Я вспомнилъ о томъ унижениіи, которому Караканъ подвергъ ее въ послѣднюю нашу встречу въ Москвѣ. Чего можно было ожидать отъ него сейчасъ, когда онъ узнаетъ, что она послѣдовала за нимъ на фронтъ и, нарушивъ его запрѣтъ, вздумался явиться къ нему въ ставку?

И какъ онъ будетъ реагировать на мой поступокъ, когда узнаетъ, что несчастная женщина нашла убѣжище у меня?

Я было хотѣлъ принять опредѣленное рѣшеніе и сдѣлать видъ, что мнѣ ничего неизвѣстно объ ея прибытіи и уклониться отъ встречи съ нею, но въ это мгновеніе дверь въсосѣднюю комнату отворилась, и на порогѣ предстала Линъ Караканъ.

— Пожалуйста, пройдите съ ней въсосѣднюю комнату, — взмолилась Марго. — Бойеръ можетъ ежеминутно прийти сюда.

Я схватилъ протянутую ко мнѣ руку Линъ и послѣдовалъ за нею въсосѣднюю комнату.

— Я знаю, что мнѣ не слѣдовало этого дѣлать, — сказала она. — Знаю, что это можетъ имѣть ужасныя послѣдствія, если онъ застанетъ меня у васъ. Вѣдь онъ въ своемъ гнѣвѣ дьявольски жестокъ.

— Такъ почему же вы пріѣхали сюда?

— Для того, чтобы находиться поблизости отъ него, хотя бы я и рисковала тѣмъ самыемъ навлечь на себя его гнѣвѣ. Я знаю, что мое присутствіе здѣсь излишне, но я не могла поступить иначе. Я болѣе не та дѣвушка, которую вы нѣкогда зналѣ. Я стала инымъ человѣкомъ — я его жена и мать его дѣтей. Онъ превратилъ меня въ свою рабыню. И я люблю его.

И снова я поразился силѣ этого человѣка, сумѣвшаго

поработить эту нѣкогда непокорную и своеольную американку и превратить ее въ азіатскую покорную женщину.

— Чѣмъ я могу быть полезнымъ вамъ, Линъ? Ваше присутствіе здѣсь нѣсколько усложняетъ положеніе вещей. Агенты Каракана несомнѣнно выслѣдятъ васъ. Что я могу сдѣлать для васъ?

— Ничего. Разрѣшите мнѣ остаться въ комнатѣ Марго. Я буду столоваться тамъ и не стану выходить изъ нея. Никто меня не увидитъ. Всѣ новости проходить чрезъ ваше бюро, и здѣсь я смогу все знать о томъ, что происходитъ вокругъ него.

Одновременно я и понималъ и не понималъ ея желаніе. И въ то же время я былъ безсиленъ предпринять что-либо. Я разрѣшилъ ей остаться въ комнатѣ Марго, и Линъ поблагодарила меня со слезами на глазахъ. Возвратиться въ бюро я успѣлъ за минуту до появленія Бойера.

— Какъ хорошо, что вы возвратились! — оживленно сказалъ онъ. — Насъ ожидаютъ большія событія. Караканъ поведетъ насъ къ трону цезарей. Мы отправляемся путешествовать — насъ ожидаютъ омыты луннымъ свѣтомъ каналы Венеціи, звонъ гитаръ, итальянскія озера и путь на Римъ.

— Когда?

— На разсвѣтѣ мы выступаемъ на фронтъ. Событія въ Германіи создали временное затишье на сѣверномъ фронтѣ. Теперь мы начнемъ наносить удары на югѣ. Завтра утромъ взовьется занавѣсъ, и начнется слѣдующій актъ.

Такъ оно и было. 16 февраля Караканъ началъ наступленіе на итальянскомъ фронтѣ, и я сталъ свидѣтелемъ этого, какъ второи Аттила огнемъ и мечомъ разрушалъ колыбель западной цивилизациі.

5

18 февраля 1932 года бомбой, сброшенной съ аэроплана, былъ убитъ Бенито Муссолини, находившійся въ ставкѣ итальянской арміи въ Удино.

Это произошло на третий день послѣ начала наступленія красныхъ на итальянскомъ фронтѣ. Наступленіемъ руководилъ лично Карадань.

Италию охватили отчаяніе и ужасъ. Америка и Западная Европа, очутились лицомъ къ лицу съ новой опасностью.

Радикальныя и антифашистскія организаціи, со смертью Муссолини, развили энергичную дѣятельность. Фашистскія войска стойко сражались, пытаясь оказать сопротивленіе краснымъ, наступавшимъ на югъ отъ Инсбрука, Лентца и Клагенфурта и въ западномъ отъ Аттрама направлений.

Австрийскія и словенскія дивизіи, наступавшія подъ руководствомъ генерала Штагба Караданя, были исполнены решимости и въ Италии, и первымъ городомъ, подвергшися захвату непріятеля, былъ Фіуме. Затѣмъ штурмъ Трееста, и непріятель, вышедший въ долину Изонцо, заставилъ сдаться важный въ стратегическомъ отношеніи городъ Герцъ.

Вмѣсть со Спидомъ Биннеемъ я былъ свидѣтелемъ отчаянаго воздушного сраженія, длившагося десять часовъ...

За два дня до смерти, Муссолини, лично принявши участие въ воздушномъ боѣ, суждено было пережить гибель большей части своего воздушного флота и быть свидѣтелемъ полного перевеса непріятельскихъ воздушныхъ силъ.

Карадань также лично принялъ участіе въ этомъ историческомъ воздушномъ сраженіи.

Въ Миланѣ фашистская жандармерія казнила пятнадцать итальянскихъ коммунистовъ, несмотря на столь строгія мѣропріятія, правительству же удалось оградить страну отъ террористическихъ актовъ, направленныхъ въ ущербъ ея обороноѣ.

Политическія сслѣдженія въ тылу нанесли существенный ударъ итальянской арміи и вынудили ее къ отступленію.

Уличныя волненія во Флоренціи повлекли за собою невозможность защищать городъ и сдачу генерала Мартіно съ его отрядомъ.

Отнынѣ путь на Римъ былъ свободенъ. Ровно черезъ недѣлю, 6 марта, Вѣчный Городъ палъ не оказавъ сопротивленія.

Находясь на каменной балюстрадѣ, Бойеръ, Бинней и я

наблюдали за краткимъ, но ожесточеннымъ сраженіемъ на площади Св. Петра. Въ этомъ болѣе подъ колоннадой Челлини пали самые надежные защитники Ватикана — швейцарцы и французы.

Строгая дисциплина, существовавшая въ арміи красныхъ, спасла художественныя сокровища Ватикана отъ разгрома. Но судьба иамѣстника св. Петра висѣла на волоскѣ.

Рѣшеніе Караданя покончить жизнь Пія XI было истолковано католиками какъ чудо, ниспосланное свыше въ отвѣтъ на многочисленныя молбы верующихъ.

— Это рѣшеніе Караданя отнюдь не является результатомъ его мягкостердечія, — сухо замѣтилъ Бойеръ. — Если бы Карадань приказалъ убить папу, то за этимъ послѣдовало бы избрание кардиналами нового папы, гдѣ-нибудь въ предѣловъ нашей досягаемости. Но ка Караданъ держитъ папу у себя въ плѣну, онъ располагаетъ возможностью контролировать его дѣйствія.

— А чего ради держать папу въ плѣну? — спросилъ я.

— А почему бы и неѣть, — отвѣтилъ Бойеръ, — не впервые папы попадаютъ въ плѣнъ. Итальянцы держали папу въ плѣну въ теченіе пятидесяти лѣтъ. Не впервые глава католической церкви живетъ на положеніи узника. До 1929 года папа добровольно былъ ватиканскимъ узникомъ.

Наканунѣ паденія Рима королевская семья во главѣ съ королемъ Викторомъ Эмануиломъ выѣхала въ Неаполь и сступила на бортъ прейсера „Пріентъ“.

Впослѣдствіи она нашла убежище въ Лиссабонѣ. Карадань занялъ Квириналь, и Бойеръ просторѣ любезность до того, что отвелъ тамъ помѣщеніе и для меня съ Биннеемъ.

Въ теченіе цѣлой недѣли я просиживалъ почти напролѣтъ надъ подробными сообщеніями о происходившихъ событияхъ. Городъ непрерывно оглашался лицующими возгласами побѣдителей, праздновавшихъ свое торжество. Въ сообщеніяхъ я подробно описывалъ массовыя казни старинныхъ итальянскихъ родовъ и милитаристы американскихъ туристовъ и студентовъ, тщетно пытающихся выбраться изъ родину черезъ переполненные шорты Бриндизи, Неаполь и Геную.

Думая объ опасностяхъ, которымъ подвергались застряв-

шіе въ Италии американские туристы, Бинней и я не могли перенестись мыслями къ Марго Дениссонъ, оставшейся въ Вѣнѣ и участь которой отягчалась безразвѣданнымъ прибытиемъ въ Вѣну жены Каракана.

По обстоятельству, что въ Вѣнѣ гомимо Марго находился и Уайтъ Доджъ, также не способствовало хорошему настроению Спіца, не разъ просившаго у меня разрѣшенія доставить Марго въ Римъ. Но настѣ успокоить по обыкновенію своему улыбающейся Бойеръ.

— Караканъ съ первого дня прибытия его жены въ Вѣну зналъ о томъ, что она спряталась у вашей секретарши.

Спіцъ и я обмѣнились удивленными взглядами.

— Успѣхъ полководца зависитъ отъ того, какъ хорошо поставлена у него разведочная служба, — продолжалъ Бойеръ. — Вы напрасно беспокойтесь за ихъ судьбу. Завтра вы увидите ихъ. Въ три часа мы вылетаемъ со штабомъ Каракана на сѣверъ.

Мы вылетѣли по направлѣнію къ Ливорно. Пролетая надъ островомъ Эльбой, я подумалъ о завоевателѣ, которому служдено было испытать заточеніе на этомъ островѣ.

— Вотъ уже десять недѣль, какъ войска Каракана переступили польскую и румынскую границы. За эти десять недѣль вамъ суждено было быть свидѣтелями большихъ кровопролитій, чѣмъ ихъ было за десятилѣтие Наполеоновскихъ войнъ. Взгляды на карту, — продолжалъ Бойеръ — теперь, когда наши войска заняли Германію и Италію, напрѣтъ фронты образуетъ единую линію отъ Пеніи на Средиземномъ морѣ до Вильгельмсгафена на Сѣверномъ морѣ. Все, что находится на востокѣ отъ этой линіи, въ рукахъ красныхъ.

— Наши враги находятся на западѣ отъ этой линіи. Вы были свидѣтелями нашихъ успѣховъ въ Центральной Европѣ и въ части Западной Европы. Кое-гдѣ намъ пытались оказать сопротивленіе, но вслѣду на помощь намъ приходили политическая распри въ странѣ. Теперь намъ суждено помѣряться силами съ союзниками, вышедшими побѣдителями изъ мировой войны. Наши войска угрожаютъ Франціи на итальянской границѣ, и вы увидите сраженіе, равнаго которому не было въ мірѣ со временемъ его существованія.

На разсвѣтѣ мы пролетѣли надъ Генуей, оставивъ за собою Средиземное море и широкое Миланское шоссе. Мы летѣли въ глубь материка.

Слѣва отъ насъ вились вѣнчаныя вершины. Въ тотъ моментъ, когда мы перелетали черезъ Альпы, — это было ночью, — Бойеръ разбудилъ меня и сказалъ:

— Не такъ давно черезъ эту ледяную преграду перешелъ другой Наполеонъ. Онъ совершилъ переходъ черезъ Альпы въ южномъ направлѣніи. Мы же минуемъ Альпы, даже не обращая вниманія на нихъ. Нашъ Наполеонъ, по всей видимости, совершилъ это мгновеніе крѣпкимъ сномъ въ кабинѣ аэроплана. Альпы ничто по сравненію съ его волей.

Мы миновали Швейцарію и спустились въ Фридрихсгафенъ на Боденскомъ озерѣ. Нашъ воздушный флотъ расположился въ ангарахъ, въ которыхъ помѣщались цеппелины. Отсюда же въ 1928 году вылетѣлъ въ первый трансатлантический полетъ воздушный гигантъ. Мы полетѣли въ Вюртембергъ, миновали Штутгартъ и на разсвѣтѣ счились во Франкфуртъ на-Майнѣ.

Во время полета Бойеръ сообщалъ мнѣ послѣднія новости съ фронтовъ, о томъ, какія силы спранированы на нихъ.

— Русско-сибирская армія, подкрѣпленная китайскими, японскими, турецкими и индусскими корпусами, вмѣстѣ съ реорганизованными арміями Польши, Венгрии, Болгарии и Австрии, составляетъ на западномъ фронтѣ армію въ миллионъ триста тысячъ штыковъ. Въ эту цифру входитъ и стотысячная армія Германіи и сто двадцать пять тысячъ человѣкъ, входящихъ въ составъ германской полиціи. Все это количество солдатъ стоитъ на линіи Рейна.

— А какъ высоко вы расцѣниваете непріятельскія силы?

— спросилъ я.

— Бельгійская армія насчитываетъ, примѣрно, сто пятьдесятъ тысячъ человѣкъ. Английскихъ войскъ во Франціи имѣется триста тысячъ человѣкъ. Две трети этого количества прибыли изъ Англіи, осталыя треть изъ Африки. Французская армія на нашемъ фронтѣ составляетъ девяносто тысячи человѣкъ. Въ общемъ силы обѣихъ враждующихъ сто-

ронъ, примѣрно, равны. Не думаю, чтобы Америка поддержала своихъ бывшихъ союзниковъ по западному фронту. На сей разъ ваша страна, Гиббонсъ, не пойдетъ съ Англией и Францией, — вы за насъ.

— Съ какихъ это поръ? — освѣдомился я у него.

— Съ того времени, какъ американский конгрессъ принялъ резолюцію Бертона. Быть можетъ, Америкъ и суждено въ предстоящей борьбѣ сыграть массивную роль, но эта роль въ данное время для насъ важнѣе всего.

Бойтеръ понялъ, что для меня это сообщеніе явилось вполнѣ неожиданностью, и сказалъ:

— Вы были настолько заняты разыгравшимися въ Европѣ событиями, что прозѣвали все происходящее у васъ дома. Съ начала войны Америка охвачена отвращениемъ къ военнымъ дѣйствіямъ. Этому немало способствовали ваши корреспонденціи. Нас проеніе вашей родины, примѣрно, соответствуетъ тому настроению, которое было въ началь мировой войны. Билль Бертона, прошедший нынѣ въ конгрессъ, предусматриваетъ запрещеніе снабженія враждующихъ сторонъ оружіемъ. Франція и Англія и въ этой войнѣ допустили ошибку, понадѣявши ся то, что американская военная промышленность снабдить ихъ всѣмъ необходимымъ. Къ счастью Каракана, на сей разъ американская промышленность не окажетъ поддержки Франціи и Англіи. Америка не дастъ имъ ни одного снаряда, ни одной пушки. Наша военная промышленность работаетъ вполнѣмъ темпомъ. Въ наши руки попали всѣ тайные склады оружія и боевыхъ припасовъ въ Германіи. Въ настоящее время отъ береговъ Тихаго океана до Рейна каждый станокъ работаетъ на насъ. Поэтому я и говорю, что законъ Бертона превратилъ Америку въ нашего союзника.

Послѣдняя фраза легла въ основу моего подробнаго сообщенія, посланнаго въ Америку. Мы находились во Франкфуртѣ, гдѣ встрѣтили въ отель „Кайзергофъ“ Линъ и Марго.

Рядъ военныхъ теоретиковъ въ послѣдствіи занялся анализомъ подготвительнаго пятиднѣнаго боевъ, всѣ время которыхъ Караканъ добился того, что противникъ принужденъ былъ занять положеніе, въ которомъ ему былъ нанесенъ рѣшительный ударъ.

Въ Парижѣ, Лондонѣ, Вашингтонѣ и другихъ главныхъ городахъ міра сидѣли офицеры генеральныхъ штабовъ и тщетно пытались, склонясь надъ картами, постичь планъ наступленія Каракана.

Самыми сильными впечатлѣніями, оставшимися у меня отъ пятиднѣнаго полета надъ различными пунктами фронта, были слѣдующія:

Однорукій пѣхотинецъ изъ Уэльса, сойдя съ ума, тщетно пытается пробиться сквозь лолчища китайцевъ, наводнившихъ Брюссель.

Труппа съ добородаго крестьянина, повисшаго въ окрестностяхъ Намюра на ярко-зеленомъ заборѣ.

До потери сознанія пьяная дѣвушка, притороченная къ стѣлѣ бородатаго казака.

Слѣпой французскій пугало, бродившій съ тросточкой по полю.

Первой жертвой воздушной атаки Караканъ намѣтилъ бельгійскіе и англійскіе ограды. Онъ собралъ всѣ свои авиационныя силы, объединилъ ихъ въ мощнную эскадру въ сѣверной части фронта и бросилъ ее на слабѣйшій пунктъ непріятельского расположенія.

Этотъ маневръ засталъ французскія авиаціонныя силы, разбросанныя по всему фронту и охранявшія свои войска, врасплохъ.

Войска Каракана продолжали продвигаться черезъ Люксембургъ, не обращая вниманія на огромную убыль въ людяхъ. На мѣсто уничтоженныхъ французской артиллерией и газовыми атаками полковъ вырастали новыя полчища авіаторовъ, продолжавшихъ наступать на Мецъ и Седанъ.

Затѣмъ бои, не прекращавшіеся и ночью, перекинулись на Мезу, въ Аргонны и къ Вердену.

На югъ отъ Вердена пали Нансъ и Туль, и краснымъ удалось продвинуться въ направлениіи на Баръ ле Дюкъ. За Верденомъ войска красныхъ сомкнулись у Сент-Менегульдъ.

Ежедневно въ руки красныхъ переходили города и селенія, памятные со времени мировой войны: Монтеффоконъ, Сентъ-Міель, Грантъ-Пре.

Маршалъ Петенъ во главѣ прѣита французской арміи

«Красный Наполеонъ»

тался остановить наступление неприятеля на линии Реймсъ, Шалонъ на Марнѣ, Сентъ-Дизье, Шомонъ, Лонгры и Дижонъ.

Неожиданно въ разгаръ боевъ на этомъ участкѣ фронта Караканъ перенесъ операциіи на франко-игальянскую границу, и дивизіи, нанесенные для переброски на сѣверъ для оказанія помощи генералу Петену, принуждены были по приказу генерала Ламона оставаться на южномъ участкѣ фронта.

Примѣрно, такое положеніе дѣлъ оказалось къ утру 21 марта, когда началось сраженіе, вошедшее въ исторію подъ наименованіемъ третьей битвы на Марнѣ. Битва началась какъ разъ въ пятьнадцатую годовщину памятнаго германскаго наступленія.

И снова союзному командованію пришлось столкнуться съ тѣмъ же затрудненіемъ, съ какимъ оно столкнулось пятьнадцать лѣтъ тому назадъ. Взаимное недовѣріе и зависть царили въ рядахъ союзныхъ штабовъ, не желавшихъ прийти къ тому, чтобы всю полноту командаованія сосредоточить въ рукахъ одного штаба.

Англійский фельдмаршалъ сэръ Эдвардъ Уилкинсъ можетъ частично приписатъ свое ужасное пораженіе при Сентъ-Кентенѣ тому, что не сумѣлъ говорить съ маршаломъ Петеномъ, командовавшимъ французскими войсками, занимавшимъ сосѣдній съ нимъ участокъ фронта.

Генералъ Саншеръ, бельгійский командаующій, не пришелъ къ соглашенію ни съ Петеномъ, ни съ Уилкинсомъ — уроки прошлой міровой войны были основательно забыты.

А на этотъ разъ у союзниковъ не было своего Першина, который могъ бы настоять на томъ, чтобы стороны пришли къ соглашенію.

Планъ союзниковъ сводился къ терпѣливому и слѣпому выжиданію, то-есть къ тому же, къ чemu сводился планъ союзниковъ въ послѣдніе три года міровой войны. Планъ Каракана сводился къ быстротѣ, написку, огромной подвижности и эластичности. Его наступленіе уподоблялось неудержимому потоку, въ который безпрестанно вливались все новыя и новыя силы изъ тыла.

Въ первые изъ пяти дней у Каракана было выбито семьдесятъ тысячъ человѣкъ. Французы, потерявшие въ первый

день сраженія всего лишь двадцать тысячъ человѣкъ, потеряли въ послѣдній день боя свыше ста тысячъ людей.

Паль Реймсъ — и снова, во второй разъ, соборъ превратился въ груду развалинъ.

Желтые орды, продвигавшіяся по тѣмъ же путямъ, по которымъ въ 1918 году продвигались германскія арміи, наводнили Францію.

Во второй разъ взлетѣлъ на воздухъ мостъ Шато-Тьерри. Французская армія была сломлена, — красные занимали долину Марнѣ.

9 апрѣля войска Каракана заняли Парижъ.

Побѣды Каракана, одержанныя во Франціи, вызвали въ мірѣ еще большее изумленіе, чымъ одержанныя имъ побѣды въ центральной Европѣ и въ Италии.

Третья битва при Марнѣ дала ему имя, подъ которымъ его знаютъ и по сие время — его стали именовать „краснымъ Наполеономъ“, хоть и слѣдуетъ признать, что область, завоеванная имъ, превышала земли, поддавшія подъ власть французскаго императора.

Французское правительство сдѣло тщетную попытку бѣжать въ Бордо и было свергнуто. Во главѣ города сталъ Наварръ, король апашей, впервые вышлыший на поверхность общественной жизни и объявивший, что принимаетъ власть отъ имени Третьаго интернационала.

Караканъ занялъ городъ З апрѣля и расположился во дворѣ на Елисейскихъ поляхъ.

Я быть свидѣтелемъ того, какъ, уверенный въ своей безопасности, Наварръ вздумалъ представиться Каракану и какъ пятью минутами спустя онъ былъ разстрѣленъ. Эта расправа положила конецъ беззастѣнчивому хождѣнію французскихъ радикальныхъ политиковъ, но не смогла положить конецъ дикимъ сценамъ, продолжавшимъ разыгрываться на улицахъ Парижа.

Ужаснѣе всего было положеніе въ портовыхъ городахъ западной Европы.

По мірѣ того, какъ войска Каракана продвигались впереди, всѣ сколько-нибудь обезпеченные жители бросались въ бѣгство и пытались найти спасеніе въ портовыхъ городахъ.

Сотни тысяч беженцев скопились въ Парижъ, и послѣ того, какъ битва на Марнѣ была проиграна, бросились на Западъ — на этотъ разъ число беженцевъ возросло еще сильнѣе — за счетъ французскихъ буржуа.

Всѣ дороги къ морю и къ испанской границѣ были замуры-жены бѣженцами, передвигавшимися при помощи самыхъ разнообразныхъ средствъ сообщенія. Тысячи людей пытались прорваться въ Америку, и за мѣсяцъ на палубѣ платили огромные суммы.

Европейскія бумажныя деньги утратили на этомъ послѣднемъ этапѣ бѣгства какую бы то ни было цену. Тысячи американскихъ туристовъ застряли въ этой человѣческой лавинѣ. Американскіе пароходы получили приказъ принимать на бортъ только американцевъ, но сплошь и рядомъ отъ соблюденія этого правила администрація пароходовъ уклонялась.

Первый декретъ, изданный Карабаханомъ въ Парижѣ, гласилъ о возвращеніи итальянскихъ и французскихъ войскъ изъ Сѣверной Африки, что привлекло на его сторону симпатіи всѣхъ цвѣтныхъ расъ.

Одновременно этотъ декретъ вынуждали англичанъ и испанцевъ также отозвать изъ Африки свои войска, такъ какъ держать ихъ тамъ теперь не имѣло смысла.

Возвращеніе испанскихъ войскъ на родину повлекло за собою революцію. Король Альфонсъ раздѣлилъ судьбу остальныхъ низложенныхъ европейскихъ монарховъ и бѣжалъ.

Революція перекинулась и въ Португалію. Черезъ недѣлю примѣру испанского короля послѣдовали одинъ за другимъ и всѣ юкандинскіе монархи, поспѣшивши укрыться въ Америкѣ. Пребываніе въ Англіи не представлялось надежнымъ, потому что остронное королевство близилось къ величайшему кризису, который когда-либо суждено было ему переживать.

Въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ Карабахану удалось овладѣть всѣми европейскими конгломератомъ. Слѣдомъ за арміей Карабахана продвигался Маликовъ, политический организаторъ карабахановскихъ побѣдъ. Въ завоеванныхъ странахъ устанавливалась диктатура пролетариата, — страны присоединились къ соvѣтскому союзу, причемъ имъ обѣщалась автономія. Долги государствъ были аннулированы. Банки всѣхъ го-

сударствъ объявили мораторій. Все это было проведено въ порядкѣ приказа диктатора.

Въ то время, какъ Карабаханъ не прекращалъ продвиженія своихъ войскъ, перебрасывая германскія войска въ Италию, а итальянскія — въ Испанію, онъ обратилъ все свое вниманіе на восстановленіе европейской промышленности и ея мощь. Особое значеніе придавалъ онъ промышленности, работавшей для нуждъ войны.

Чтобы изжить продовольственный кризисъ, были предприняты массовые обыски и реквизиція. Гражданское населеніе начало испытывать всѣ прелести лишній. Тысячи англійскихъ, французскихъ, бельгійскихъ и итальянскихъ солдатъ, отнюдь не согласныхъ съ режимомъ Карабахана, очутившись безъ средствъ къ существованію и безъ самаго необходимаго, оказались вынужденными поступить въ армію Карабахана. Появляясь на улицѣ безъ красной повязки на рукавѣ было рискованно — это означало немедленную отправку на принудительные работы или арестъ.

Неожиданно всему миру пришлося узнать, что слѣдующимъ народомъ, которому суждено было почувствовать на себѣ прикосновеніе руки Карабахана, былъ народъ, родственникъ ему по крови.

Парижское изданіе „Чикаго Трибюнъ“ сообщило о томъ, что правительство Филиппинскихъ острововъ не рискнуло отменить извѣстный законъ о введеніи бухгалтерскихъ книгъ, предусматривавший для японскихъ и китайскихъ купцовъ веденіе бухгалтеріи на испанскомъ языке.

Постоянно напрянутые отношенія между Японіей и Филиппинами еще болѣе ухудшились послѣ того, какъ правительство Филиппинъ оказалось гостепріимствомъ японской императорской семьѣ. Японія истолковала это какъ занятую филиппинскимъ правительствомъ въ вопросѣ объ употребленіи японскаго и испанскаго языка, какъ враждебную, и Карабаханъ далъ приказъ о выступлении японскаго воздушного и морского флота въ Манилу.

Американскіе пацифисты развили въ сенатѣ сильную дѣятельность и тѣмъ самымъ, добившись нейтралитета Америки, создали для Карабахана благопріятную обстановку.

Лиши Австралія виступила съ протестомъ по поводу занятія Филиппинъ Японіей, но красное правительство не обратило вниманія на протестъ.

Бойеръ ежедневно информировалъ меня о ходѣ событий. Отъ него я узналъ о перевозкѣ японскихъ войскъ на транспортахъ и десантѣ. Министрь Филиппинъ состояла изъ двадцати двухъ тысячъ туземцевъ, бывшихъ подъ командованіемъ американскихъ инструкторовъ. Въ теченіе двухъ дней она оказывала наступавшимъ японцамъ мужественное сопротивленіе и принуждена была прекратить сопротивленіе подъ нажимомъ боѣ сильного противника.

Манилла пала.

Надъ Филиппинами взвился красный флагъ, и въ гавань вошелъ японский флотъ, сопровождавшій французский дредноутъ „Парижъ“, на которомъ находился представитель Каракана.

Караканъ провозгласилъ на Филиппинскихъ островахъ диктатуру пролетаріата и назначилъ главой правительства Хуана Эспинозу, въ теченіе ряда лѣтъ представителемъ правившаго въ Комінтернѣ отъ имени Филиппинскихъ острововъ.

Предсказаніе Бойера, что эпизоду на Филиппинахъ не придадутъ особаго значенія, оказалось правильнымъ. О немъ совершенно забыли, потому что надвигались болѣе крупныя события. Въ Англіи отнынѣ все внимание было устремлено на Джоэ Кукъ, лидера рабочихъ, и на ростъ вліянія рабочей партіи въ парламентѣ.

Рабочая партія Англіи, использовавъ разногласія либераловъ и консерваторовъ, добилась отзыва англійскихъ войскъ изъ Египта и удаленія флота изъ Средиземного моря.

1 мая кабинетъ Черчилля попытался добиться объявленія всеобщей мобилизации, но коммунисты, поддержанные и рабочей партіей, покинули засѣданіе палаты общинъ.

Черезъ полчаса экстренные выпуски газетъ объявили о всеобщей двѣнадцатичасовой забастовкѣ. Подъ угрозой всеобщей забастовки правительство Черчилля предпочло выйти въ отставку.

Черезъ три дня Джоэ Кукъ составилъ новый кабинетъ, и королю же оставалось ничего другого, какъ утвердить составленное имъ правительство.

Первымъ дѣйствиемъ нового премьер-министра явилось назначеніе нового первого лорда адмиралтейства. На этотъ постъ былъ назначеннъ матросъ Билль Брандонъ, коммюністъ по убѣденіямъ, получившій въ Ютландскомъ бою крестъ Викторіи.

Брандонъ тутъ же приказалъ всему англійскому флоту прибыть въ порты Англіи и предоставить флоту Каракана возможность свободнаго прохода черезъ Ламашть.

Это распоряженіе вызвало возмущеніе и привело къ первому столкновенію между коммунистами и сторонниками стараго порядка.

Почти весь офицерскій составъ флота отказался признать власть Брандона и, вмѣстѣ съ небольшими группами оставшихся вѣрными старому порядку матросами, окказалъ сопротивленіе. Но это было тщетнымъ. Брандонъ предвидѣлъ его и своевременно подготовилъ на всѣхъ судахъ красныхъ къ этой возможности. Въ отвѣтъ на выступленіе офицеровъ началась отчаянная бойня.

Не прошло и десятковъ часовъ, какъ всѣ крупные суда британскаго флота перешли въ руки красныхъ.

А по прошествіи сорока восьми часовъ, приказъ Брандона былъ выполненъ, и весь англійскій флотъ, нѣкогда бывшій красивой и гордостью страны, всталъ на якорь въ портахъ.

На борту пароходовъ осталась лишь охрана, — что касается до всего личнаго состава флота, то синь получили отпускъ. Министръ-президентъ Кукъ объявилъ этотъ актъ Брандона величайшимъ актомъ, гарантировавшимъ странѣ и миру миръ и спокойствіе.

На самомъ же дѣлѣ дѣйствія эти гарантировали какъ разъ обратное, что ему и было известно.

Разоруженіе величайшаго въ мірѣ флота, отказъ отъ обороны Англіи, отказъ Великобританіи отъ морского могущества былъ радостно встрѣченъ англійскимъ пролетаріатомъ, тогда какъ вся осталасячасть населения Англіи такъ же, какъ и населеніе Америки, узнало обѣ этомъ съ ужасомъ.

На слѣдующій день я сидѣлъ въ моихъ журналистовъ въ палатѣ общинъ и былъ свидѣтелемъ того, какъ Кукъ произнесъ неслыханныя слова:

— Товарищи, парламентъ Англіи распущенъ.

Тяжелое молчание повисло въ залѣ засѣданій. А затѣмъ это молчаніе разрѣшилось ликованіемъ лѣвой части парламента.

Консерваторы, — некоторые изъ нихъ продолжали еще писать цинизмы, — направились къ дверямъ. Но двери оказались запертными — то былъ государственный переворотъ.

Специально приготовленные для этого случая полицейские охраняли все выходы и пропускали лишь лѣвыхъ членовъ парламента. Остальные депутаты были арестованы. До моего слуха съ улицы донеслись выстрѣлы, и мнѣ удалось черезъ боковую дверцу выбраться съ отведенныхъ для журналистовъ мѣсть и выбѣгать на площадь.

Со всѣхъ сторонъ къ зданію парламента стекались массы народа. Надъ толпами рѣзали красные флаги и портреты Ленина, Каракана и Джоэ Кука.

Передъ Уайтхолломъ тошли раздѣлились — часть направи-
лъсь къ Трафальгарь-скверъ, осадильные къ Кнайпъ-бриджу. Я
послѣдовалъ за первыми и попытался прообразиться въ лондонское
бюро „Чикаго Трибюнъ“, помѣщавшееся на Флитъ-Стритъ 72.

На похолѣ маузолея стоялъ какой-то портовый рабочій. Брюки его были засущены дс кольнъ, красный носовой платокъ охваливалъ его шено — онъ приглашали собравшихся идти на Трафальгаръ-скверъ. Голосъ его былъ хриплымъ голосомъ за вселгатаевъ уличныхъ митинговъ.

— К дворцу! Букингемскому дворцу! Четыре года я проливал во Франции кровь за короля? Чего ради? Для того, чтобы потомъ въ печеніе пятнадцати лѣтъ голодать и мучаться! Милліонъ нашихъ братьевъ пропали ради ихъ имперіалистическихъ замысловъ, десятки тысячъ продолжаютъ гнить и по се время въ Египтѣ, въ Китаѣ, въ Индіи. Во дворецъ!!

Лицо оратора стало отъ напряженія совсѣмъ фюлетеюмъ, злобно поблескивше за стеклами очковъ глаза придавало ему сходство съ жестокимъ гномомъ.

Толпа подхватила его вслѣпь, и загѣмъ по рядамъ пробѣжалъ слухъ о бѣгствѣ короля.

Масксы поспѣшили къ Пелль-Меллю, минуя ворота Адмиралтейства. Было темно. Отъ Пикадилли и цирка приближались

желонны демонстрантовъ, заливавшія Геймаркетъ, Реджентъ-Стритъ и Сентъ-Джемсъ-Стригъ.

Шотландська гвардія у дворці отримала огонь кожъ разъ въ то мгновеніе, когда чернь достигла памятника Викторії.

Мой старый приятель, майоръ Обрей Куперъ; бывъ подхваченъ толпой у бронзоваго портала дворца и буквально разорванъ на куски.

Выстроились гвардейцев лишь усилили гневъ толпы. Она отпрянула назадъ, и на улицахъ стали расти баррикады изъ опрокинутыхъ автобусовъ, скамеекъ — передъ ними росли горы вывороченного гольми руками бульварника.

Подобная же сцена разыгралась в этот день во всем Лондоне. Повсюду, где полиция или войска вздумали оказать сопротивление, неизвестно откуда появлялось оружие. Неизвестно откуда появившиеся организаторы коммунисты руководили ходом уличных боев.

Послѣ обѣда къ восставшимъ подоспѣло подкрѣплѣніе — изъ Парижа прибыль отрядъ Карабанновской арміи, тутъ же переброшенный на острогъ, какъ только тамъ стало извѣстно о происходившихъ событияхъ. Этому отряду, участвовавшему не въ одномъ европейскомъ сраженіи, уличныхъ схватокъ въ Лондонѣ показались лишь чѣмъ-то шуточнымъ, и они вмѣшивались въ ходъ событий лишь тамъ, где сила восставшихъ оказывалась недостаточной.

Был въ Лондонѣ длились три дня. Шотландцы, защищавшіе Букингемскій дворецъ, были перебиты до посльдняго человѣка, а дворецъ разграбленъ, — его сокровища стали достояніемъ разсипѣтъши женщинъ и подозрительного лода.

Впослѣдствіи мнѣ стало извѣстно, что вся Англія и Шотландія перескіли пріим'єрно то же самое, что выпало на долю Лондона. Консервативные представители власти, мэръ и члены муниципалитета были убиты, та же участь постигла большинство избирателей промышленовъ.

Въ течениe двухъ недѣль не было никакихъ свѣдѣній о судьбѣ королевской семьи. Потомъ стало известно, что ново-зеландскій крейсеръ „Мангану“ доставилъ ихъ въ Галифаксъ.

Спиду Баннико удалось, при помощи взятки въ двадцати въ! свое распоряженіе аэро-

планъ, принадлежавшій раньше „Чикаго Трибюнъ“, и вылетѣть съ моимъ сообщеніемъ въ Парижъ.

На обратномъ пути онъ доставилъ ко мнѣ въ Лондонъ Бойера и Марго.

Бойеръ помогъ мнѣ добиться интервью у Кука, нынѣ представляющаго въ Англіи рабоче-крестьянское правительство и сообщившаго мнѣ, что англійскій флотъ снова снабженъ личнымъ составомъ и отныне находится въ распоряженіи ставки Каракана.

Кукъ сообщилъ мнѣ, что вотъ уже десять лѣтъ, какъ на каждомъ англійскомъ суднѣ имѣлась тайная коммунистическая организация.

20 июня Караканъ обнародовалъ законъ объ образованіи Панъ-европейского Союза Социалистическихъ Республикъ и предложилъ пролетариату несуществовавшей болѣе Великобританіи присоединиться къ этому союзу.

Англія, Шотландія и Уэльсъ должны были образовать автономную республику.

Впервые въ исторіи сѣверная и южная Ирландія оказались едины въ своемъ сужденіи — обѣ части отказались отъ сдѣланного имъ предложенія.

Канада, Новая Зеландія и Австралія самыми энергичными образомъ протестовали противъ проекта Каракана.

Англійские радикалы сказали мнѣ, что они очень удивлены темъ, что наиболѣе рѣзкая возраженія проектъ Третьаго интернационала встрѣтилъ со стороны рабочаго правительства Австралии.

Несколько я получила телеграмму отъ своего австралійскаго пріятеля Тима Клаша, которому довелось прочесть въ „Бюллетеинѣ Сиднея“ мои корреспонденціи.

— Англія быть можетъ и сопла съ ума, но Австралія разума же утратила. Мы все — американцы, канадцы и австралійцы — выражались во Франціи. Если понадобится, мы снова пойдемъ въ бой. У насъ въ Австраліи — рабочее правительство, но мы никогда не принесемъ въ жертву своей чести и достоинства.

Австралійская радио-станція разослала обращеніе къ немногимъ уцѣлѣвшимъ въ сѣверномъ полушаріи консервативнымъ

правительствамъ. Эти обращенія были адресованы въ Ванкуверъ, Онтаріо, Вашингтонъ, Дублинъ и Белфастъ.

На улицахъ Брисбена и Сиднея происходили демонстраціи, и правительство объявило, что отказывается принять предложеніе Каракана.

Это рѣшеніе опредѣлило дальнѣйшую судьбу Австраліи.

Караканъ вылетѣлъ въ Лондонъ и предписалъ адмиралтейству направить въ Австралію въ помощь японскому флоту эскадру изъ двадцати линейныхъ судовъ.

Въ первыхъ числахъ июня, подъ охраной судовыхъ орудій, пріятель высадился въ Сидней. Десантъ предшествовалъ бой въ воздухѣ, въ которомъ японскія воздушные силы одержали побѣду надъ австралійцами.

„Потерпѣвъ австралійскіе войска, пытавшихся воспрепятствовать нашей десантной операции, были ужасны“ — такъ гласило сообщеніе японскаго военнаго корреспондента Ферги, опубликованное на слѣдующий день въ Лондонѣ.

„Вѣльте отряды, вооруженные лишь полевой артиллерией, пытались сопротивляться и были уничтожены отнемъ нашихъ судовыхъ орудій. Борьба была очень краткой.

Наши войска безъ особаго труда смогли вступить въ Сидней, но австралійцы вздумали оказать на улицахъ города окресточенное сопротивление, повлекшее бои за обладаніе каждымъ домомъ.

Благодаря этому, городъ подвергнуть былъ полному уничтожению.

Сидней залитъ кровью, и по сие время невозможно очистить его отъ труповъ, представляющихъ опасность для нашихъ войскъ.“

Черезъ иѣсколько дней мѣръ съ ужасомъ узналъ о томъ, что произошло въ южномъ полушаріи. За бойней въ Сидней послѣдовали бойни въ Аделаидѣ, Брисбенѣ и Мельбурнѣ. Населеніе Гобартъ-тоуна въ Тасмании было вырѣзано до послѣдняго человѣка.

Городъ Веллингтонъ въ Новой Зеландіи былъ сожженъ до тла. Та же судьба постигла Оклендъ.

Австралійская милиція поѣмъ руководствомъ принимавшихъ

участие въ міровой войнѣ новозеландскихъ офицеровъ пошла въ бой, предпочитая смерть рабству подъ властью желтыхъ.

По прошествии нѣсколькихъ дній я улучилъ благопріятный моментъ и спросилъ Каракана, произошло ли это безжалостное уничтоженіе семи миллионовъ людей по его приказу?

И совершилъ спокойно, лишь слегка удивляясь тому, что я іспутилъ нужнымъ освѣдомиться объ этомъ совершенно очевидномъ фактѣ, онъ отвѣтилъ:

— Разумѣется. Это было нужно для будущаго человѣчества.

Спидъ и я сидѣли въ нашемъ бюро. Стояла теплая польская ночь. Я диктовалъ Марго очередную корреспонденцію объ этой фразѣ краснаго Наполеона.

— Господи, спаси мою страну и моихъ братьевъ! — сказала она, закончивъ писать корреспонденцію.

— И насть, и нашу страну, — добавилъ Спидъ, — вѣдь затѣмъ наши чередъ.

Онъ оказался правъ — наше чередъ настушилъ гораздо быстрѣе, чѣмъ мы могли предполагать.

6

„Караканъ предлагаетъ Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ присоединиться къ Красному Союзу.“

Съ такимъ заголовкомъ выплыли американскія газеты, сообщавшія объ официальномъ обращеніи Панъ-евразійскаго Союза Соціалистическихъ Республикъ къ народамъ Сѣверной и Южной Америки.

И съ тѣмъ же заголовкомъ выплыли 25 августа 1933 г. и лондонскіе вечерніе выпуски газетъ. Я получилъ газеты въ тотъ моментъ, когда вмѣстѣ со Спидомъ и Марго сидѣлъ за радио-аппаратомъ, установленнымъ на волну Нью-Йоркской станціи. Съ той стороны океана до меня доносился голосъ моего

пріятеля Давида Лоуренса, политического обозрѣвателя въ Вашингтонѣ.

Онъ говорилъ:

— Возбужденіе, охватившее столицу, еще значительное, чѣмъ то, которое царilo въ городѣ въ рѣшающіе арѣльские дни 1917 года, когда Америка вступила въ войну.

Передъ зданіемъ Вашингтонскаго почтамта скопились толпы народа.

Несмотря на то, что созванная президентомъ панъ-американская конференція кончилась уже въ полночь, нардѣ продолжалъ толпиться передъ Бѣльмъ Домомъ до утра.

Докторъ Роу, предсѣдатель панъ-американскаго союза посвятилъ меня въ подробности хода конференціи.

Всѣ двадцать одна американскія республики были представлены на засѣданіи своими посланниками или делегатами, — отсутствовалъ лишь представитель Никарагуа, выѣхавшій на родину въ виду того, что тамъ вспыхнула революція.

Статс-секретарь Конжеръ Робертсъ открылъ засѣданіе, выразивъ соціальнѣ, что впервые со временемъ образования Союза въ 1889 году союзу предстоитъ разрѣшеніе политической проблемы. Предложеніе, сдѣланное Караканомъ, требуетъ отъ американскихъ республикъ, если не совмѣстныхъ дѣйствій, то хотя бы совмѣстного обсужденія.

Что касается позиціи Соединенныхъ Штатовъ въ этомъ вопросѣ, то Соединенные Штаты предпочли предложеніе Каракана отклонить.

Затѣмъ послѣдовалъ трехчасовой обмѣнъ мнѣній, закончившійся тѣмъ, что собравшіеся делегаты высказались за необходимость запросить инструкціи отъ своихъ правительствъ.

Несмотря на сильный дождь, у зданія, въ коемъ происходило засѣданіе конференціи, толпилось множество народа. О томъ, какое впечатлѣніе произвело предложеніе Каракана на Америку, лучше всего судить по газетамъ, выпущеннымъ на слѣдующій день. Въ нихъ Караканъ изображался въ видѣ злобнаго и жестокаго существа, протягивающаго опровергнутыя руки къ дядѣ Саму. Караканъ возвѣдалъ на грудь дымящихся развалинъ и человѣческихъ череповъ, олицетворявшихъ собою захваченные имъ материки.

Передовыя статьи газетъ были написаны, примѣрно, въ таѢомъ же духѣ и предсигнегали американцы о надвигающейся опасности.

Несмотря на то, что предложение Каракана противорѣчило политическимъ, хозяйственнымъ и соціальнымъ идеаламъ Америки и не вызывало разногласій, иѣкоторыя изъ лондонскихъ газетъ поспѣшили опровергнуть, что въ рядѣ странъ предложение Каракана встрѣчало сочувствіе.

Телеграммы изъ Нью-Йорка сообщали о стоявшихъ на улицахъ, — приверженцы Вильяма Фостера, Бена Гитолу и другихъ коммунистовъ требовали на митингахъ, чтобы Америка присоединилась къ красному союзу.

Во время прошедшой на улицѣ свалки и послѣдовавшей за тѣмъ паники, двѣ работницы были задавлены на смерть.

Въ Лондонѣ подготовились къ отказу Соединенныхъ Штатовъ принять предложение Каракана, но тамъ предполагали, что осталыя американскія государства не проявятъ единодушія. Послѣдовавший со стороны всѣхъ американскихъ республикъ отвѣтъ былъ признакомъ силы и единства.

Въ день получения отвѣта мнѣ пришлось видѣть Каракана. Совмѣстное пребываніе на фронѣ породило между нами иѣкоторое довѣріе, — со своей стороны я относился къ диктатору очень почтительно, въ соотвѣтствіи съ его положеніемъ. Проницательные глаза Каракана застыли на моемъ лицѣ.

Глядя на него, я съ трудомъ могъ повѣрить, что этотъ высокій худонравый человѣкъ, которому исполнилось тридцать три года, менѣе чѣмъ въ одинъ годъ сумѣлъ завоевать Европу, Африку, Азію и Австралию. Изъ двухъ милліардовъ людей, составлявшихъ населеніе земного шара, три четверти находились подъ его властью. Завоеванія Цезаря, Ганнибала, Александра, Наполеона были превзойдены этимъ желтолицымъ человѣкомъ.

— Настанетъ день, когда вы, американцы, будете вынуждены признать мое требованіе, — сказали онъ, не спуская съ меня глазъ. — Быть можетъ, это не осуществится сейчасъ, но придется день, когда это осуществится. На свѣтѣ должна существовать только одна раса, и эта раса — человѣчество.

Я спросилъ, не поразилъ ли его отказъ Америки принять его предложеніе.

— Нѣтъ. Я ожидалъ этого, и отказъ этотъ совпадаетъ съ моими планами.

Совсѣмъ иную точку зреінія выскажала красная печать всего міра. Газеты Лондона, Парижа, Берлина, Москвы и Вѣны удѣлили очень много вниманія отказу Америки, и я въ ту же ночь передаляръ содержаніе появившихся статей въ Америку. Вотъ что писали газеты Каракана:

„Мы протянули руку помощи и предложили братскій союзъ трудящимся Америки, но наше предложеніе было отвергнуто финансовымъ малнатами и рабовладѣльцами, властивющими по ту сторону смеана...“ („Юманите“, Парижъ).

„Полтора миллиарда рабочихъ Европы, Азіи и Африки даутъ американскому капитализму достойный отвѣтъ...“ („Форвертс“, Берлинъ).

„Тѣло Ленина починается въ московскомъ мавзолѣѣ, но духъ его живѣтъ. И не Америкѣ одержать его побѣдное шествіе...“ („Извѣстія“, Москва).

„Америка не сможетъ пропасть желанію трудящихся всего міра срѣди препады, уродующія міръ. Дѣло идеть о счастьѣ всего человѣчества...“ („Аванти“, Миланъ).

Лондонскій „Дейли Геральдъ“, несмотря на коммунистическую окраску, выпустилъ со статьей явно джингоистскаго характера:

„Міръ усталъ отъ влагодычества янки. Надо положить этому владычеству конецъ.“

„Красный флагъ — сильнѣе всѣхъ флаговъ въ мірѣ.“

„Наши воздушныя силы превосходятъ силы американской авиации.“

„Красная армія одержала множество побѣдъ надъ своими противниками и сможетъ сломить и своего послѣдняго врага.“

„Караканъ геніальнѣйший полководецъ въ мірѣ...“

„Нынѣ солдатъ никогда не заіатаивается въ странахъ Краснаго Союза.“

— Какую они развили агитацию, — замѣтила Марго, переводя мнѣ иѣкоторыя изъ этихъ статей. — Всѣ эти газеты находятся цѣлкомъ въ распоряженіи Каракана и печатаются

лишь то, что онъ имъ велить печатать. Я не думало, чтобы эти статьи выражали мнѣніе народовъ, отъ имени которыхъ онъ говорятъ.

— Быть можетъ, вы и правы, чо вскорѣ имъ удастся создать соотвѣтствующее настроеніе, — замѣтилъ Спидъ. — Эта газетная бомбардировка — начало ожесточенной кампаниіи противъ американцевъ.

Спидъ былъ правъ. Печать и радио объявили подлинный крестовый походъ противъ Америки.

Нѣсколькими днѣями спустя я встрѣтилъ Уайта Доджа въ американскомъ клубѣ на Пликадилли. Онъ былъ въ ужасѣ:

— Они работаютъ во-всю и дѣлаютъ все возможное, чтобы разжечь въ народахъ ненависть къ Америкѣ, — сказалъ онъ.

— Русскимъ рабочимъ они елееминутно повторяютъ о томъ, что миллионы американцевъ оказывали поддержку Деникину, Врангелю и Колчаку въ борбѣ ихъ съ Ленинскимъ и Троцкимъ. Газеты троллы сообщеніями о дѣйствіяхъ американского экспедиціонного корпуса въ Архангельскѣ и американскихъ отрядахъ въ Сибири. Въ Берлинѣ воспѣть о „лицемѣріи японіи“ и о лживыхъ четырнадцати пунктахъ Вильсона. Французскіе коммунисты твердятъ о долгахъ Франції Америкѣ. Миланъ, Римъ и Неаполь вспомнили о дѣлѣ Сакко и Ванцетти и о тяжелыхъ порядкахъ на Эллис-Айлендѣ. Въ Африкѣ негровъ увѣряютъ въ томъ, что американцы — грубыеварвары и что для насть лингчеваніе негровъ является излюбленнымъ видомъ спорта. Въ Японіи и въ густо-населенномъ Китаѣ безпрестанно напоминаютъ о томъ, что прѣтнѣя расы для американцевъ являются расами низшаго порядка, и что поэтому американцы рядомъ запретительныхъ мѣръ пытаются лишить ихъ возможности иммиграціи въ Америку. Всюду стремятся къ одному — къ тому, чтобы пробудить въ народахъ ненависть къ дядѣ Саму.

Черезъ нѣсколько днѣй изъ окна читальни одной изъ американскихъ газетъ, помышдавшейся на Трафальгаръ-Скверъ, была брошена бомба въ автомобиль Каракана.

При взрывѣ бомбы были убиты одиннадцать штатскихъ и

четвѣро военныхъ, — автомобиль былъ разбитъ, а самъ красный диктаторъ, раненый осколками бомбы, потерялъ сознаніе.

Террористомъ, покушавшимся на жизнь Каракана, оказался Джуліо Винченцо, личный камердинеръ Муссолини, присутствовавшій при гибели итальянскаго диктатора въ Удинѣ.

Винченцо былъ арестованъ и съ гордостью привился въ томъ, что въ его замыслѣ входило освободить міръ отъ краснаго коммунизма и желало нашестья, и что тѣмъ самымъ онъ хотѣлъ отомстить за смерть „величайшаго человѣка современности“.

Онъ заявилъ, что дѣйствовалъ по своему личному побужденію и ни съ какими организациями въ связи не состоять. Но все же онъ признался въ томъ, что послѣ паденія Рима бѣжалъ въ Америку и жилъ въ Нью-Йоркѣ въ итальянскомъ кварталѣ. Въ Англію онъ приѣхалъ всего лишь мѣсяцъ тому назадъ.

Этого обстоятельства оказалось достаточнымъ для того, чтобы вся печать Каракана возложила ответственность за это покушеніе на Америку.

Америкѣ было брошено обвиненіе въ томъ, что она даетъ возможность укрываться подозрительнымъ элементамъ, таящимъ контр-революціонные замыслы и организующимъ заговоры.

Иностранное вѣдомство Соединенныхъ Штатовъ тутъ же опровергло всѣ эти обвиненія и выразило свое сожалѣніе по поводу случившагося.

Американскій посольствѣ въ Лондонѣ лично принесъ Каракану поздравленія по поводу благополучнаго исхода покушенія.

Рана, нанесенная Каракану, была очень незначительна, и для того, чтобы внести успокоеніе въ населеніе Лондона, онъ вышелъ на балконъ дворца и показался собравшимся передъ зданіемъ толпамъ. На лбу Каракана красовалась блѣдая повязка. Мнѣ навсегда запомнилось это мгновеніе — восторженные взгляды толпы и стройная фигура Каракана, высящаяся на балконѣ въ туго облегавшемъ его станъ френчѣ защитнаго цвета.

Лицо его было по обыкновенію сурово: онъ принималъ восторженныя овации толпы такъ же, какъ и Муссолини, — какъ нѣчто ему подобавшемъ.

Всюкорѣ отношенія между Краснымъ Союзомъ и Соединенными Штатами, исторченныя покушеніемъ, стали еще болѣе напряженными.

Въ ночь на 19 ноября 1932 года пароходъ въ шесть тысяч тоннъ „Сандино“, плававшій подъ флагомъ республики Никарагуа, направлялся къ Панамскому каналу. Согласно установленному порядку, онъ остановился около острова Фламенго и принялъ на бортъ лоцмана и сѣдовавшихъ за лоцманомъ таможенниковъ.

Лоцманъ перенесъ руль парохода, а таможенники и чины портового управления прошли въ капитанскую каюту провѣрить судовыя бумаги. Обычно эти формальности выполнялись въ то время, когда пароходъ бралъ курсъ къ сигнальной станціи, высыпавшей у входа въ каналъ.

Что разыгралось на борту парохода, осталось неразрѣши-
мой загадкой.

Изъ пятнадцати человѣкъ экипажа „Сандино“ и четырнадцати человѣкъ, доставленныхъ на бортъ вмѣстѣ съ лоцманомъ, въ живыхъ не осталось ни одного человѣка.

„Сандино“ приближался къ сигнальной станціи съ огромной быстротой.

Приближавшійся пароходъ не даль установленахъ морскимъ регламентомъ сигналы, и сигнальная станція потребовала свѣтовымъ сигналомъ, чтобы находившіеся на борту парохода американские чиновники проанализировали отвѣтъ. Но отвѣта не послѣдовало, — „Сандино“ продолжалъ приближаться къ сигнальной станціи съ возраставшей скоростью. Сигнальная станція потребовала отъ „Сандино“, чтобы онъ остановился, но и это требование осталось безрезультатнымъ. Слѣдующій сигналъ станціи гласилъ:

„Немедленно стать на якорь или будешь открыть огонь!“

И въ то же мгновеніе была поднята тревога, и пушики фортоекъ были наведены на таинственный пароходъ. Не обращая вниманія на сигналы, „Сандино“ продолжалъ идти полнымъ ходомъ.

Раздался грохотъ, и въ судно полетѣла трехдюймовая граната. Ракеты, снабженныя парашютами, повисли въ воздухѣ и освѣтили судно. При свѣтѣ ракетъ удалось разглядѣть, что

на палубѣ „Сандино“ шелъ рукопашный бой, прерываемый трескотней револьверныхъ выстреловъ.

Два десятка орудій, наведенныхъ на „Сандино“, дали залпъ. Снаряды, попавшіе въ цѣль, вызвали отчаянный взрывъ.

„Сандино“ превратился въ огромный столбъ огня. Раздался ужасный грохотъ — отъ сопряженія воздуха погасли все навигаціонные огни на протяженіи восьми километровъ въ окрестностяхъ.

Береговыя укрѣпленія были осыпаны градомъ, осколковъ. Командующій канальной зоной тутъ же принялъ соотвѣтствующія мѣры. Отряды солдатъ и морской пехоты заняли важные пункты у шлюзовъ, артиллеристы привели замаскированныя береговыя орудія въ боевую готовность, аэропланы выпустили на воздушную разведку, а истребители и подводные лодки полны, ходомъ понеслись въ береговыя воды.

На слѣдующій день информаціонная служба Соединенныхъ Штатовъ установила, что „Сандино“, плававшій подъ флагомъ Никарагуа, былъ зафрахтованъ ливерпульской фирмой и вышелъ четыре дня тому назадъ изъ порта Салина-Круцъ съ грузомъ конопли.

Когда эти обстоятельства стали извѣстны, исчезли всѣ сомнѣнія относительно намѣреній „Сандино“. Пароходъ, выйдя изъ Салина-Круцъ, выбросилъ свой безвредный грузъ за борты, и принялъ вмѣсто него четыре тысячи тридцатицентовыхъ. Въ заданіи „Сандино“ входило взорваться въ каналѣ и тѣмъ самымъ блокировать его.

Эта попытка вызвала въ Америкѣ сильное возмущеніе. Вашингтонъ предполагалъ, что лондонское правительство принесетъ соотвѣтствующія такому случаю извиненія, но американцы суждено было пережить еще одну неожиданность.

Правительство Каракаша взяло подъ сомнѣніе нахожденіе на „Сандино“ взрывчатыхъ веществъ и потребовало тщательного разслѣданія гибели парохода, на борту котораго находились двадцать два гражданина Краснаго Союза.

Поведеніе администраціи канала квалифицировалось въ ногтѣ Каракаша какъ „безответственное“.

Пока министерства иностранныхъ дѣлъ Лондона и Вашингтона обмѣнивались телеграммами, американский флотъ въ

течение долгого времени стационарировавший въ Тихомъ Океанѣ, направился черезъ каналъ въ Карибское море.

Весь этотъ маневръ былъ проведенъ вгайдѣ, и мѣръ узнать о немъ лишь тогда, когда всѣ эскадры американского флота собрались въ Атлантическомъ океанѣ у входа въ Панамскій каналъ.

Вѣ отвѣтъ на послѣдовавшіе со стороны торговыхъ кампаний и штатовъ, расположенныхъ на побережьяхъ Тихаго океана, протесты, правительство заявило, что сосредоточеніе всѣхъ морскихъ силъ въ Атлантическомъ океанѣ вызвано тѣмъ, что красный флотъ, состоящий изъ судовъ, ранѣе входившихъ въ составъ английскаго, французскаго и итальянскаго флотовъ, а также подконтрольнаго половиной японскаго флота, переведеннаго въ европейскія воды черезъ Суэцкій каналъ, настолько превосходитъ англійскую эскадру Америки, что пришлось пріѣхнуть къ этому мѣропріятію.

Нѣкоторыя изъ газетъ Америки тутъ же подняли кампанию, разъяснившую недовольствъ всю необходиимость этого мѣропріятія, а потомъ послѣдовало событие, окончательно убѣдившее американскихъ пацифистовъ въ необходиимости умолкнуть.

Мексиканскому посланнику въ Лондонѣ было сообщено, что если Салина-Круцъ немедленно не уплатить ливерпульской фирмѣ, зафрахтовавшей потопленный пароходъ, десять миллионовъ долларовъ въ возмѣщеніе понесенного имъ ущерба, то Панъ-евразійскій союзъ высадитъ въ гаваніи десантъ и перейметъ на себя управление портомъ. Отъ лица ливерпульской фирммы въ качествѣ ея правопреемника выступалъ Красный Союзъ.

Правительство Соединенныхъ Штатовъ, узнавъ объ этомъ актѣ правительства Карабахана, поспѣшило сообщить, что подобныя дѣйствія будуть истолкованы не только какъ актъ, направленный противъ Мексики, но и противъ Соединенныхъ Штатовъ.

Американская нота заканчивалась указаниемъ на то, что высадка войскъ въ Салина-Круцъ явится нарушеніемъ „Доктрины Монро“.

Вашингтонъ предлагалъ красному правительству взять обратно свой ultimatumъ и соглашался на то, чтобы вопросъ о

возмѣщеніи убытковъ стать предметомъ сужденія третейскаго суда. Со своей стороны Соединенные Штаты готовы были гарантировать уплату мексиканскимъ правительствомъ требуемой суммы, въ случаѣ если такое рѣшеніе будетъ вынесено третейскимъ судомъ.

Неофиціальный отвѣтъ Карабаханагласилъ слѣдующимъ образомъ:

„Что такое доктрина Монро?

Несмотря на самый тщательный просмотръ содержимаго дипломатическихъ архивовъ всѣхъ государствъ, въ настоящее время входящихъ въ составъ Союза Соціалистическихъ Республикъ, не удалось найти ни одного документа, изъ котораго явствовало бы, что эти государства признали на себя обязательство отказаться отъ защиты правъ своихъ гражданъ передъ другимъ государствомъ.

Также правительству Панъ-евразійскаго Союза неизвѣстно о томъ, чтобы когда-либо какая-нибудь изъ республикъ Центральной или Южной Америки признала такъ называемую американскую доктрину Монро.

Союзъ Соціалистическихъ республикъ также отказывается признать ее.“

Это было равносильно объявлению войны!...

Секретаріи посольства и агтапе спѣшили опровергнуть ящики письменныхъ столовъ, уничтожили излитшюю переписку и спѣшили готовиться къ отѣзду, — вотъ какую картину я засталъ, явившись въ американское посольство на Гросвеноръ-Скверъ. Мне удалось мелькомъ поговорить съ морскимъ агтапе Дусономъ, объяснившимъ мнѣ, что высадка войскъ Карабахана въ Салина-Круцъ преслѣдуетъ ту же цѣль, которой не могъ достичнуть „Сандино“, и что краснымъ необходимо во что бы то ни стало разрушить каналъ. Они объяснили мнѣ, что экспедиція въ Салина-Круцъ предпринимается для того, чтобы отвлечь вниманіе частіи американскаго флота и заставить наше командованіе ослабить наши морскія силы путемъ частичной переброски его въ Тихій Океанъ.

Если дѣйствительно Карабаханъ питалъ подобные замыслы, то ему суждено было примириться съ крушеніемъ ихъ: американскій флотъ остался въ Карибскомъ морѣ, где ему предсто-

яло бороться съ объединеннымъ флотомъ, входившимъ въ со-
ставъ флотовъ европейскихъ державъ.

Сидя въ своемъ бюро, я заизничивалъ очередную коррес-
понденцію, посвященную неминуемости военного столкновенія.

Вдругъ въ мою комнату ворвались Спидъ Бинней и Уайтъ
Доджъ.

Я не зналъ, у кого изъ нихъ раньше вырвался этотъ во-
просъ, — возможно, что они произнесли эти слова одновре-
менно:

— Гдѣ Марго?

Марго Денисонъ исчезла — съ утра ее никто не видѣлъ.

7

Наканунѣ начала военныхъ дѣйствій мы, трое американ-
цевъ, сидѣли вечеромъ въ Лондонѣ и не могли ни о чёмъ ду-
мать, кроме какъ объ этой молодой англичанкѣ.

Спидъ Бинней и Уайтъ Доджъ были влюблены въ Марго,
но подъ вліяніемъ угрожающей ей опасности забыли обо всѣхъ
своихъ распѣрахъ и о соперничествѣ.

Красный революційный Лондонъ, столица совѣтскаго
Панъ-евразийскаго Союза, былъ одновременно и штабъ-квар-
тирою диктатора. Лондонъ болѣе не походилъ на Лондонъ во-
роля Георга V.

Положеніе Марго въ этомъ городѣ было чревато рядомъ
опасностей. Старая расовая гордость не позволяла намъ при-
мириться съ тѣмъ, что рушались преграды, отдѣлявшія бѣлыхъ
женщинъ отъ мужчинъ желтой расы.

Городъ былъ наводненъ военными всѣхъ расъ, причудливо
перемѣшавшимися съ солдатами различныхъ европейскихъ ар-
мій, и весь этотъ вооруженный сбродъ наодинакъ улицы, ресто-
раны и трактиры мірового города.

Эти солдаты продѣлали рядъ походовъ, участвовали въ
ужасной австралийской бойнѣ, успѣли познать сладость хозяй-
ничанья въ другихъ европейскихъ столицахъ и выкидали мо-
менты, когда имъ позволено будетъ расправиться и съ этимъ
городомъ.

Марго затерялась въ этой ужасной мѣшанинѣ людей. Врядъ
ли могъ бы я въ большей степени беспокоиться о ней, если
бы она была мою родной сестрой.

Моя пріязнь къ ней со времени той ночи въ Москвѣ,
когда мы ее высвободили изъ ночной свалки въ ресторанѣ,
только возврѣла.

Вотъ уже рядъ мѣсяцевъ, какъ она не покидала меня, при-
ходя мнѣ на помощь въ минуты самой напряженной работы.
Ничто — ни тяжелая работа, ни утомительные переѣзды —
не могло помѣшать ей исполнять свой долгъ.

Въ Парижѣ и въ Лондонѣ Марго, бывшая свидѣтельницей
напряженной работы, происходившей вокругъ Карабахана, пре-
вратилась изъ моей личной секретарши въ цѣнного сотрудника.
Она была прекрасно освѣдомлена обо всемъ происходившемъ
вокругъ гасѣ, обладала богатымъ запасомъ свѣдѣній по вопросамъ
европейской политики и хозяйства. Неписчаемый за-
пасъ ея силъ и огромныя познанія были изумительны.

— Это какой-то адъ, — сказалъ Уайтъ, стиснувъ зубы.

— У меня чешутся руки при видѣ этихъ желтыхъ образинъ.
Бинней былъ такъ сильно взволнованъ, что не былъ въ
состоії выказать изъ себя хотя бы слово.

Мы гавели рядъ спрашокъ, но намъ удалось лишь выяс-
нить, что Марго позвонили по телефону, и она уѣхала въ закры-
той машинѣ.

Лучъ надежды зародили въ насъ слова Бойера.

— Съ него ничего не случилось, — сказалъ онъ, — вамъ
следуетъ выждать.

Въ ночь на 2 января 1934 года мы получили свѣдѣнія о
воздушной бомбардировкѣ, которой подвергся городъ Салина
Крущъ, и о высадкѣ десанта на мексиканскомъ побережїѣ.

Населеніе Лондона было оповѣщено объ этомъ экстрен-
ными выпускками газетъ, выпущенныхъ на десятки различныхъ
языковъ. Торжество торжества, вывалившихъ на улицы, достигло
апогея.

Судя по сообщеніямъ газетъ, можно было ежеминутно ожи-
дать первого вооруженнаго столкновенія отрядовъ Карабахана съ
американцами.

Соединенные Штаты довели до свѣдѣнія краснаго Напо-

леона, что попытка проникнуть на территорию Мексики будет иметь успеха, как и нарушение доктрины Монро, и привлечет за собой военный конфликт с Соединенными Штатами.

Въ ответъ на это опубликованное официальное сообщеніе краиной штабъ-квартиры гласило слѣдующее:

„Высадка сибирскихъ, монгольскихъ и японскихъ силъ въ Салина Круцъ проведена безъ большихъ потерь.

Высадка десанта была произведена подъ защитой японскаго краснаго флота, и ей предшествовала обстрѣль города. Наші войска продвигаются вдоль желѣзной дороги на сѣверъ въ направлении на Техуантепекъ.

Мексиканскія войска отступаютъ къ заливу Калпече. Наші, воздушный флотъ продолжаетъ преслѣдовать непріятеля.“

Впослѣдствіи намъ пришлось узнатъ, что въ тотъ моментъ, когда мы въ Лондонѣ читали первыя сообщенія съ фронта, произошло первое столкновеніе красныхъ воздушныхъ силъ съ аэропланами Соединенныхъ Штатовъ.

По моей просьбѣ, Караканъ предоставилъ мнѣ возможность повидаться съ нимъ.

Въ покояхъ Букингемскаго дворца царило большое возбужденіе. Изъ приемной меня провели въ рабочій кабинетъ диктатора, и я очутился наединѣ съ краснѣющимъ Наполеономъ.

Караканъ сидѣлъ за большими столомъ. Наклонивъ голову впередъ, онъ изучалъ разстеленную передъ нимъ большую географическую карту. На картѣ виднѣлись разноцвѣтные флаги.

Прошло нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ Караканъ, оторвавшись отъ созерцанія карты, поднялъ голову и взглянулъ на меня. Онъ не удостоилъ меня словомъ привѣта.

— Въ чѣмъ дѣло? — прозвучалъ вопросъ, и голосъ его былъ сухъ и жестокъ.

— Я пришелъ къ вамъ, чтобы сказать, что беру данное вамъ честное слово наэадъ, — сказалъ я, — вы находитесь въ состояніи войны съ моей родиной. Пройдетъ нѣсколько часовъ, и война станетъ фактомъ. Я гражданинъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ и въ качествѣ такового находился при васъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ. Я должностнымъ образомъ научился цѣнить оказанное мнѣ вниманіе и довѣріе. Вамъ

извѣстно, какого я мнѣнія о патріотизмѣ и долгѣ передъ страною. Я никогда не скрывалъ этого отъ васъ. Поэтому я прошу разрешенія возвратиться къ себѣ на родину съ обоими моими сотрудниками.

Послѣдовало долгое молчаніе. Стальные глаза Каракана покосились на моемъ лицѣ. Несмотря на всѣ старанія разгадать, что таилось въ его душѣ, я почувствовалъ себя бессильнымъ передъ этой задачей.

Наконецъ, Караканъ заговорилъ:

— Миръ [стоитъ] на порогѣ новой эры. Земной шаръ слишкомъ малъ для того, чтобы на немъ могли существовать двѣ различныя и взаимно исключающія другъ друга политическія системы. Миръ долженъ быть приведенъ къ единству, и они должны подпасть подъ единую власть. Я не сожалѣю о томъ, что произошло въ Салина Круцѣ. Если бы это не произошло, то же самое случилось бы въ другомъ мѣстѣ. Я горюю тѣмъ, что со времени заключенія парижскаго мира я оказался въ состояніи реорганизовать свою армію такимъ образомъ, что могу теперь пойти навстрѣчу къ новымъ побѣдамъ. Наполеонъ завоевалъ всю Европу, но оказался бессильнымъ передъ полюсной водой, отдѣляющей Англию отъ материка. Я завоевалъ весь миръ, за исключениемъ западнаго полушарія. Ламаншъ остановилъ Наполеона, и это стало началомъ его конца. Въ этомъ кричалась его ошибка, а я учился на его ошибкахъ...

Никогда мнѣ не приходилось слышать отъ Каракана такого обилия словъ. Но онъ продолжалъ:

— Народы Новаго Свѣта надѣются на то, что Атлантическій и Тихій Океанъ послужатъ для насыщенія преградой. Въ этомъ ваше заблужденіе. Океанъ больше не является для меня преградой. Вамъ извѣстно, какими силами я расположаго: за мною стоять 900 миллионовъ Азіи, 400 миллионовъ Европы, 180 миллионовъ Африки. Въ лагерѣ противника 130 миллионовъ Сѣверной Америки и, быть можетъ, 40 миллионовъ обитателей Южной Америки. Сопоставьте эти количества: полутора миллиарда людей противъ двухъ сотъ миллионовъ! Въ нашей власти промышленность трехъ континентовъ, неисчерпаемые запасы сырья. Вся европейская промышленность объединена и работаетъ согласованно, превышая наши потребности.

Имѣющійся въ нашемъ распоряженіи торговый флотъ достаточно великъ для того, чтобы перевезти черезъ океанъ любыя количества солдатъ и боевого снаряженія. Не пройдетъ и сутокъ, какъ нашъ флотъ будетъ владычествовать на всѣхъ моряхъ. Ни одинъ пароходъ не сможетъ выйти въ плаванье подъ чужимъ флагомъ — ита морякъ будетъ только нашъ флотъ!

Послѣднее обстоятельство я упустилъ изъ виду. Въ са-
момъ дѣлѣ, какимъ образомъ удалось бы мнѣ переправиться въ Америку?

— Моя арміи властвуютъ на всемъ земномъ шарѣ, — спо-
койно профилактически Каракашъ. — Я вхожу въ войну съ уѣтѣн-
ностью, что у меня имѣются неисчерпаемые человѣческие ре-
зервы, и что я могу пополнить любую убыль въ своихъ рядахъ,
какъ бы велика она ни была. Какъ вы полагаете, чего ради
вздумала я вамъ разрѣшить въ теченіе цѣлого года быть сви-
дѣтелемъ моихъ приготовленій къ войнѣ? Вы обладаете
острымъ зрѣніемъ, и вы живо пишете о томъ, что видите. Я
надѣялся, что ваши земляки, прочтя ваши корреспонденціи,
убѣдятся въ томъ, что попытка сопротивляться мнѣ обречена
на неудачу. Теперь мнѣ придется прибѣгнуть къ силѣ — силѣ
научившаго ихъ многому.

— Теперь переходжу къ вашей просьбѣ. Вамъ, разумѣется, извѣстно, что я могъ бы безъ особыго труда удержать васъ
при себѣ. Я бы могъ это сдѣлать безъ всякихъ угрозъ и соп-
ротивления. Совсѣмъ во время войны — излишний балластъ, но я
все же предпочтту васъ отправить на родину. Ошибки моихъ
предшественниковъ идутъ мнѣ на пользу. Самой болѣй прой-
шой, долгущенной обѣими сторонами во время мировой вой-
ны, было введеніе военнай цензурѣ и желаніе скрывать всѣ свѣ-
денія военнаго свойства. Цензура не имѣть себѣ оправданія,
она была учреждена ищутами изъ штабовъ, пытавшимися при-
ея помочь скрыть отъ населенія свои ошибки и преогрѣшнія.

— Въ Европѣ по моему приказанию были произведены
рядъ казней — вы были ихъ свидѣтелями въ Варшавѣ и въ
Бухарестѣ. Вы видѣли, какъ представители буржуазіи попла-
тились жизнью въ Вѣнѣ и въ Бѣлградѣ; вы видѣли, какъ въ
Италии палили тысячи фальшивовъ; вы были свидѣтелями
массовыхъ разстрѣловъ въ Англіи, Франціи и Испаніи. И я

позволилъ вамъ писать обо всемъ этомъ, не стѣсняя вашего ли-
тературнаго дара. Почему я позволилъ писать вамъ обо всемъ
этомъ съ такими подробностями? Да потому, что это — вой-
на. Я веду войну. Мнѣ нечего скрывать, я ни о чёмъ не со-
жалю. Мнѣ нечего стыдиться. Нынѣ міръ — свидѣтель объ-
единенія трехъ материковъ и установленія вѣчнаго мира среди
полутора миллиардовъ людей. Отныне хозяйственныя и полити-
ческіе интересы трехъ четвертей человѣчества объединены
подъ однимъ знаменемъ. И все это достигнуто въ теченіе од-
ного года. И этотъ результатъ стоитъ пролитой крови!

Каракашъ зашагалъ по кабинету и остановился передъ
большой географической картой.

Онъ провелъ пальцемъ по Соединеннымъ Штатамъ и про-
должалъ:

— Ваша страна и ваше правительство ничему не научи-
лись за послѣдній годъ. Неслыханное благосостояніе, выпав-
шее на долю вашей страны послѣ 1918 года, остало въсть.
Съ каждымъ годомъ популярность Америки въ Европѣ падала,
и въ этомъ повинна была ваша политика въ вопросѣ воен-
ныхъ долговъ.

— Деятельность вашихъ политиковъ вызывала во всемъ
мире возмущеніе. Вашъ президентъ Вильсонъ въ Версалѣ ки-
чился тѣмъ, что ничего не хотѣлъ отъ міра, и безпрестанно
жаловался на то, что оставлены предъявляютъ какія-то требо-
ванія. Эта политика соотвѣтствовала интересамъ Америки, ко-
торая могла ничего не требовать, потому что у нея всего было
избытка, но этотъ рецептъ былъ очень неудачнымъ, примѣ-
нительно къ перенаселеннымъ, обнищавшимъ въ войнѣ, ли-
шеннымъ необходимаго, европейскаго государствамъ. Европа
ничего не имѣла и нуждалась во всемъ. Я говорю съ вами
совершенно откровенно, потому что я хочу, чтобы вы разска-
зали объ этомъ вашимъ землякамъ. Пора имъ узнать, что
о нихъ думаютъ въ Европѣ. Вы хотите возвратиться въ Аме-
рику, и я не препятствую вамъ осуществить ваше намѣреніе.
Вы сдержали данное вами въ Москвѣ слово. Иногда мнѣ при-
ходилось задерживать корреспонденціи, предназначенные вами
для отсылки въ Америку. Нѣкоторые изъ вашихъ выводовъ
были слишкомъ поспѣшны и могли бы повредить моимъ за-

мысламъ. Но сейчасъ, когда вы уѣзжаете, я хотѣлъ бы, чтобы вы уѣхали съ сознаниемъ, что я ничѣмъ не препятствовалъ вашей корреспондентской дѣятельности. Все, что вамъ стало известно мѣтъ, все, что вы увидѣли, вы можете спокойно сообщить вашей прессѣ и правительству. Разскажите имъ обо всѣхъ устарѣвшихъ военныхъ тайнахъ, въ которыхъ вамъ удалось проникнуть. Я разрѣшаю вамъ дѣлать любыя разоблаченія.

Я радостно поблагодарилъ Каракана, — онъ взялъ со стола листокъ бумаги и прочелъ его.

— Вашъ пилотъ Бинней пойдетъ съ вами, но что касается вашей секретарши, то ей придется остаться. Она не является американкой, — она граждanka нашего союза. Вы будете доставлены въ сохранности до линіи расположения американскихъ войскъ, и если счастье будетъ благоприятствовать вамъ, то мы съ вами увидимся снова. Я буду радъ снова встрѣтиться съ вами. Ступайте, обѣ оставшимъ позаботится Бойеръ.

Итакъ, ему было известно, куда дѣвалась Марго. Съ этой мыслью я отправился къ себѣ въ бюро и засталъ тамъ нервничающаго Спидъ и по обыкновенію улыбающагося Бойера.

— Гдѣ Марго? — спросилъ я. — Вѣдь вамъ это известно.

— Теперь я вѣровѣдовлетворить раше любопытство, — сказалъ Бойеръ.

— Скорѣй! — вырвалось у Спидъ. — Гдѣ она?

— Она жива, невредима и счастлива, какъ только можетъ быть счастлива дѣвушка, лишившаяся общества двухъ влюбленныхъ въ нее соперниковъ. Вѣдь Уайтъ также долженъ былъ прийти сюда. Куда онъ дѣвался?

— Къ черту Уайта, — заревѣль Спидъ. — Гдѣ Марго?

— Она останется здѣсь, — отвѣтилъ Бойеръ. — И это решено и вытекаетъ изъ семейной обстановки Каракана. Къ сожалѣнію, его супруга все еще полна западно-европейского представленія, что жена всегда должна сопровождать своего мужа. Марго подружилась съ нею, когда она прибыла противъ воли Каракана въ Вѣну. И Караканъ очень доволенъ тѣмъ, что его жена нашла себѣ подругу и теперь не отягчаетъ его своимъ присутствиемъ. Онъ настолько увѣренъ въ томъ, что присутствіе Марго благотворно дѣйствуетъ на Линъ, что рѣ-

шилъ ихъ не разлучать. Безпокоиться за судьбу Марго вамъ не приходится, — я готовъ поручиться за ея безопасность!

— Ей придется остаться въ Англіи до окончанія войны? — освѣдомился Спидъ.

— Если только Караканъ не разрѣшитъ ей послѣдовать за Линъ въ Америку.

Въ тотъ же вечеръ, когда я укладывалъ свои вещи, я обнаружилъ у себя въ нессесерѣ слѣдующую записку:

„Красные собираются заключить всѣхъ американцевъ въ концентраціонный лагерь. Вамъ и Спиду не приходится опасаться этой участіи, но я принужденъ попытаться улизнуть отъ нихъ. Я не знаю, какимъ способомъ мнѣ удастся пробраться въ Америку, но если я останусь въ живыхъ, то проберусь туда и приму участіе въ оборонѣ страны.

Мнѣ кажется, я знаю, гдѣ находится Марго, и попытаюсь повидать ее. Прощайте, желаю Вамъ счастья

Уайтъ.“

Поздно ночью я и Спидъ, напутствуемые Бойеромъ, вылетѣли на аэропланѣ въ Іокогаму.

Бойертъ пояснилъ намъ, что насы попытаются доставить въ Америку черезъ Тихій океанъ. Большую часть пути мы прошли, не отрываясь отъ радио-аппарата и внимая сообщеніямъ изъ Лондона.

Намъ удалось услышать голосъ краснаго Наполеона, лично огласившаго на корректномъ англійскомъ языкѣ обявленіе войны и воззваніе къ „пролетаріямъ Америки“. Потомъ мы услышали множество рѣчей, произнесенныхъ на различныхъ языкахъ. Вѣдьмъ американскимъ гражданамъ, не утратившимъ связи со своей бывшей европейской родиной, обѣщалась автономія.

Такъ, въ обращеніи къ нѣмецкимъ обитателямъ Висконсина обѣщалось созданіе въ Америкѣ автономной нѣмецкой соціалистической республики. Скандинавамъ, поселившимся въ Миннесотѣ и въ Дакотѣ, сулилась независимая скандинавская республика.

Примѣрно такія же обѣщанія адресовались итальянцамъ и ирландцамъ, проживавшимъ въ Нью-Йоркѣ выходцамъ изъ Польши, испанцамъ, поселившимся въ юго-западныхъ штатахъ.

Негръ Моисей Карлингъ, выходецъ изъ Америки, открывшій въ Москвѣ кафѣ, обратился передъ микрофономъ къ негритянскому населенію Соединенныхъ Штатовъ и обѣщалъ имъ, въ случаѣ, если они подымутъ восстаніе противъ бѣлыхъ по-работителей, образованіе самостоятельной негритянской республики на территоріи штатовъ Луизіана и Миссисипи.

— Въ Америкѣ имѣется больше радиопрѣемниковъ, чѣмъ во всѣмъ остальномъ мірѣ, — пояснилъ намъ Бойеръ, — у насъ всѣ радио-аппараты подлежатъ регистраціи, и мы имѣемъ возможность контролировать ихъ. Вашингтонъ лишнѣ возможностей контролировать всѣхъ радио-любителей, и поэтому я не представляю себѣ, какъ вы помѣшаете приему нашего агитационнаго материала.

Но впослѣдствіи мнѣ пришлось узнать, что американское правительство при желаніи могло принять свои мѣры и путемъ посылки радио-волнъ воспрепятствовать приему сообщеній изъ Лондона. Но правительство преnебрѣгло этой возможностью и не помѣшало свободной дѣятельности радио-станцій.

Лояльные американцы самаго различного происхожденія въ отвѣтъ на призываы Карабахана послали по радио нетодующіе протесты, но все же агитациіи Карабахана удалось достичь кое-какихъ результатовъ.

Прибывъ въ Йокогаму, мы увидѣли, что гавань заполнена пароходами. То былъ флотъ, готовившійся къ перевозкѣ войскъ на мексиканское побережье. Во всѣхъ японскихъ гаваняхъ происходило примѣрно то же самое.

Меня и Спida помѣстили на пароходъ „Гаррисъ“, ранѣе принадлежавшемъ „Америка-Доллартъ-Лайнъ“. Это былъ одинъ изъ пароходовъ, въ большомъ количествѣ секвестрированныхъ Карабаханомъ послѣ объявленія войны. Отсутствие нейтральныхъ гаваней, въ которыхъ могъ укрыться американский флотъ, и неожиданность объявленія войны повели къ тому, что большая часть флота попала въ руки красныхъ.

На пароходѣ, помимо насъ, находились три тысячи японскихъ солдатъ и большое количество какъ японскихъ, такъ и

русскихъ штабныхъ офицеровъ, направлявшихся въ Мексику для образованія штаба генерала Камку, назначенаго командающимъ мексиканскимъ фронтомъ.

Офицеры оживленно бесѣдовали съ нами на французскомъ, англійскомъ и нѣмеckомъ языкахъ. Въ большинствѣ они были молоды, легкомыслены и самонадѣяны. Охотнѣе всего болтали они о винѣ и о дѣвушкахъ, о лунномъ свѣтѣ и тренѣканіи гитары подъ пальмами.

Спидъ и я угрюю молчали, но Бойеръ пытался подшучивать и надъ ними, и надъ нами.

Очутившись на палубѣ съ глазу на глаз, Бойеръ сказалъ мнѣ:

— Наші войска медленно продвигаются на сѣверъ отъ Салина Круца. Камку — неистовствующій дьяволъ. Онъ отличился при занятіи Филиппинъ, во время руководства десантной операцией, и онъ превосходный военачальникъ. Онъ офицеръ старой императорской арміи, титулованый перебѣжчикъ; самурай, перешедший на сторону красныхъ. Нѣчто вродѣ старика Чичерина въ Москвѣ.

— Скажите, развѣ нашъ флотъ не препятствовалъ высадкѣ нашихъ войскъ въ Салина Круцѣ? — спросилъ я.

— Къ сожалѣнію, нѣтъ. Помимо этого эта десантная операциѣ была проведена съ цѣлью отвлечь часть вашего флота въ Тихій Океанъ. Операциѣ Камку совершалась подъ прикрытиемъ половины японского флота, который вступилъ бы въ бой съ вашей эскадрой, если бы она вздумала помѣшать операциѣмъ нашихъ войскъ. Но то обстоятельство, что ваше правительство, несмотря на вопли, поднятые политиканами съ Тихоокеанскаго побережья, все же не выслало части флота въ Тихій Океанъ, лишь говорить о существованіи среди васъ здравомыслящихъ людей.

— Каковы планы Карабахана? Сколько людей имѣется въ его распоряженіи? Что собирается онъ предпринять?

— Въ настоящее время на мексиканскомъ фронѣ находится армія въ сто тысячъ человѣкъ. Ежедневно ея численность возрастаєтъ на десять тысячъ человѣкъ. Но далеко не все это количество прибыло изъ Японіи. Часть изъ нихъ прибыла изъ Австраліи, Новой Зеландіи, Филиппинъ и прежнихъ

французскихъ и англійскихъ владѣній въ Океаніи. За послѣдній мѣсяцъ армія эта удвоилась — не думайте, что экспедиція предпринята безъ подготовки. Къ ней готовились очень давно. Камку подвигается вдоль желѣзной дороги отъ Салина-Круца черезъ Техуантепекъ къ порту Мексико. Его цѣль — пробиться къ Мексиканскому заливу. И мнѣ кажется, онъ добьется своего. Вспомните о томъ, что весь перешеекъ имѣть всего лишь двѣсти двадцать километровъ въ ширину.

Мы спустились въ курительную и остановились передъ картой мексиканского фронта.

— Наши войска заняли узловой пунктъ Санть-Иеронимо, — продолжалъ пояснять Бойеръ. — Природныя условія въ этой странѣ таковы, что всѣ бои могутъ развиваться лишь вдоль желѣзной дороги. Я не знаю, какъ сильны стоящіе противъ насъ американскія и мексиканскія войска, но мнѣ кажется, что имѣ приходится очень тяжело, потому что у нихъ въ тылу имѣется всего лишь одна желѣзная дорога. Опорными пунктами ихъ обороны являются портъ Мексико и Вера-Круцъ.

Однимъ изъ немногихъ штатскихъ пассажировъ на борту „Гаррисъ“ былъ нѣкто Штейнъ, уполномоченный московскаго комиссариата иностраннѣхъ дѣлъ. Онъ направлялся въ Мексику по дипломатической пѣшли, и Бойеръ познакомилъ меня съ нимъ.

— Вамъ должно быть известно, что Москва представлена въ Мексикѣ госпожей Коллонтай, старой революціонеркой и сподвижницей Ленина и Троцкаго. Ваша полиція давно интересуется ея дѣятельностью въ Мексикѣ. Въ настоящее время она находится въ Салина Круцѣ, и это отъ нея мы получаемъ свѣдѣнія о томъ, что произошло тамъ послѣ получения нашего ультиматума.

— А что тамъ произошло? — освѣдомился я.

— Обычный въ Мексикѣ кризисъ. Американскій посланникъ Кетчемъ имѣлъ продолжительную бесѣду съ президентомъ Майтореномъ. Затѣмъ послѣдовали переговоры съ Вашингтономъ по прямому проводу. Моронеестъ, вождь оппозиціи, бросилъ президенту упрекъ въ томъ, что онъ обращается за помощью къ Соединеннымъ Штатамъ, тогда какъ Мексика могла бы справиться съ затрудненіями и безъ посторонней помощи.

Въ городѣ произошли демонстраціи, во время которыхъ были выброшены лозунги: „Лучше соловъ съ Караканомъ, чѣмъ рабство у Соединенныхъ Штатовъ!“ — Въ то время, какъ происходили демонстраціи, президентъ продолжалъ торговаться съ Соединенными Штатами.

— Какъ долго длились эти переговоры? Вѣдь каждыя часъ дорогъ.

— Эти переговоры были лишь фикცіей. Прежде чѣмъ они завершились, Вашингтонъ уже приступилъ къ дѣйствіямъ. Соединенные Штаты перебросили свои войска къ мексиканской границѣ. Въ Тампа, Мобилъ и Новомъ Орлеанѣ, не дожидаясь исхода переговоровъ, войска были погружены на транспорты и направлены въ Мексику, пока въ Вера-Круцѣ народъ продолжалъ бродить по улицамъ и волить о своей независимости.

— Когда американцы приступили къ дѣйствіямъ? — спросилъ Спидъ.

— Примѣрно, спустя часъ послѣ начала переговоровъ надъ территоріей Мексики показалась эскадра американскихъ аэроплановъ. Американскіе авіаторы отсалютовали мексиканскому флагу, и мексиканскія орудія отвѣтили тѣмъ же. За аэропланами послѣдовали сухопутныя войска, и въ настоящее время на желѣзной дорогѣ на Салина-Круцѣ сосредоточены не только мексиканскіе отряды, но и войска Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Какова ихъ численность, мнѣ неизвестно.

На сѣверѣ дѣятельность Коллонтай сопровождалась большими успѣхомъ, чѣмъ на югѣ. Въ Сонорѣ взбунтовались остатки индѣйскихъ племенъ, попытавшихся оказать сопротивление наступавшимъ изъ Аризоны американскимъ отрядамъ.

У Пермозилло сопротивленіе индѣйцевъ оказалось столь ожесточеннымъ, что американцамъ пришлось тамъ задержаться цѣлыхъ два дня. Американская артиллериya причинила городу много вреда, и бомбардировка стоила жизни ряду мирныхъ жителей.

На югъ отъ Ирапуато повстанцамъ удалось взорвать одинъ изъ американскихъ эшелоновъ. При этомъ погибло множество солдатъ.

Впослѣдствіи мнѣ стало известно, что мексиканскій гене-

ральный штабъ оказался настолько предусмотрительнымъ, что сосредоточилъ главныя силы арміи въ портахъ Манзанильо, Мацатлаш и Тополобамбо на западномъ побережье страны, и что побережье Калифорніи было защищено блиндированными поѣздами.

Бинней безпрестанно жаловался на то, что нашъ пароходъ продвигается впередъ слишкомъ медленно, да и я сгораю отъ нетерпѣнія, желая поскорѣе попасть на фронты.

Бойерь воздавалъ должное нашимъ патріотическимъ чувствамъ, что однако же мѣшало ему съ радостью сообщать о каждомъ новомъ неблагопріятномъ для нась событии.

На десятый день плаванія онъ сообщилъ намъ:

— На Гавайи происходятъ отчаянныя бои. Японское населеніе острова возстало и захватило одинъ изъ фортовъ. Въ настоящее время въ ихъ руки перешла и водонапорная станція, снабжающая городъ питьевою водой. На улицахъ Гонолулу происходятъ жестокіе бои, и я вынужденъ, къ сожалѣнію свое му, сообщить вамъ, что некоторые изъ американскихъ плантаторовъ были убиты вмѣстѣ со своими женами и дѣтьми. Мы перехватили радиограммы американцевъ и получили также кое-какія свѣдѣнія отъ повстанцевъ. Повидимому, повсюду повторяется то же самое, что ранѣе произошло въ Австралии.

— Ерунда! — заявилъ Спидъ. — Вы, повидимому, забываете, что теперь вамъ приходится имѣть дѣло съ американцами.

— Нѣтъ, нѣтъ, я обѣ этомъ не забылъ. Да вѣдь я и не могъ бы забыть этого — вѣдь кромѣ американцевъ больше никого не осталось, кто могъ бы противиться намъ. Но вы забываете, что вашъ флотъ отступилъ къ берегамъ Америки и что поэтому гарнизонамъ на островахъ остается лишь одно — бѣгство до послѣдняго человѣка. Они не могутъ разсчитывать на подкрѣпленія — Океанъ въ нашей власти. Какая судьба постигнетъ повстанцевъ на Гавайи, въ концѣ концовъ безразлично. Не думаю, чтобы Караканъ вздумалъ послать на острова экспедицію. Они не имѣютъ для настъ такого значенія, а что касается васъ, то для васъ они совершенно бесполезны, потому что вашъ флотъ лишнѣ возможності дѣйствовать. Развѣ, если бы вы вздумали соорудить тамъ базу для своихъ подвод-

ныхъ лодокъ, но мнѣ кажется, вы предпочтете сконцентрировать свои подводныя силы въ Атлантическомъ Океанѣ.

— А все-таки наѣть пароходъ по ночамъ идеть безъ сигнальныхъ огней и отгибаетъ какъ можно дальше Гонолулу, — насмѣшило замѣтиль Спидъ.

Нѣсколько разъ во время плаванія мы встрѣчали японскихъ истребителей, а какъ-то видѣли на горизонте и судно „Ниши Мару“, превращенное, какъ сообщили мнѣ, въ крейсеръ и снабженное четырьмя пятнадцатисантиметровыми орудіями.

— На прошлой недѣлѣ ему удалось настичь четыре американскихъ парохода. Два изъ нихъ были потоплены, потому что капитаны не подчинились нашему приказу остановиться. Теперь „Ниши Мару“ доставляетъ спасенныхъ пассажировъ и экипажъ въ Йокогаму.

На двадцать первый день плаванія мы прибыли въ портъ Салина-Круцъ.

Нѣтъ берегомъ мы увидѣли два дирижабля, блестѣвшихъ на солнцѣ серебряной обшивкой. Намъ прочищали путь траулеры, а по сторонамъ отъ нась непрерывно сновали истребители, неспѣше охрану на случай нападенія подводныхъ лодокъ. Портъ былъ забитъ пароходами, выгружавшими отряды солдатъ.

Здѣсь же я увидѣлъ стоявшіе на рейдѣ японскіе дредноуты.

Бойерь обратилъ мое вниманіе на „Изе“ и „Фузо“, построенные въ 1915 и 1917 году. Эти дредноуты имѣли тридцать тысячъ тоннъ водоизмѣщенія, развивали скорость въ двадцать три узла и были вооружены тридцатисантиметровыми орудіями.

Нѣсколько далѣе мы увидѣли крейсеръ „Конго“, развивавшій скорость въ двадцать восемь узловъ, но вооруженный менѣе сильной артиллерией.

Увидѣли мы и двѣ плавучія базы — „Акаги“ и „Каза“, на которыхъ находилось сто гидроплановъ и которые были вооружены артиллерией.

При входѣ въ портъ наше вниманіе привлекъ одинъ изъ моловъ, частично разрушенный бомбардировкой.

— Видно, одна изъ американскихъ птицъ сбросила вамъ

сверху подарокъ, — гордо замѣтилъ Спидъ, указывая на поврежденія.

— Это было какъ нельзѧ болѣе выгодно для насъ, — отвѣтилъ Бойеръ. — Насъ избавили отъ труда взорвать этотъ моль. Намъ все равно пришлось бы это сдѣлать, потому что входъ въ гавань былъ слишкомъ узокъ для нѣкоторыхъ нашихъ дредноутовъ. Ваши аэропланы продолжаютъ попытки обстрѣливать гавань, но наши аэропланы отражаютъ ихъ атаки.

Во внутренней гавани стояло множество судовъ, и подъемные краны разгружали ихъ, перенося на набережную автомобили, повозки, военное снаряженіе и танки.

Издали доносился грохотъ орудій.

По сходнямъ, переброшеннымъ съ пароходовъ на набережную, сбѣгали колонны солдатъ. Всѣ они были въ полномъ походномъ снаряженіи и несли на себѣ вешевыя мѣшкі, противогазовыя маски, походныя фляги и оружіе.

Японцы-носильщики услужливо помогли намъ высадиться на берегъ и, вѣжливо улыбаясь, приняли чаевыя.

Обнаженные до пояса мексиканскіе грузчики взвалили наши чемоданы на спины, и, сопровождаемые молодымъ и элегантнымъ лейтенантомъ, мы направились по главной улицѣ Салина-Круцъ въ отель „Гуасти“, въ которомъ помѣщался штабъ генерала Камку.

Японскій генераль былъ сравнительно молодъ, обладалъ круглымъ лицомъ и не менѣе округленыемъ брюшкомъ. Завидѣвъ насъ, онъ улыбнулся, обнаживъ рядъ остѣнительно-блѣлыхъ зубовъ, и сказалъ на безукоризненному французскому языку:

— Мы получили изъ Лондона приказъ доставить васъ въ американское расположение. Днемъ это неосуществимо, потому что я не желалъ бы, чтобы вы могли наблюдать наши позиціи, но завтра ночью вамъ будетъ предоставлена возможность спускаться на парашютѣ въ портъ Мексико.

Я вопросительно взглянулъ на Бинней.

Можно ли было считать ночной прыжокъ съ парашютомъ обыденнымъ явленіемъ, или подобное упражненіе было сопряжено съ извѣстнымъ рискомъ?

Бинней пожалъ плечами.

— Вы томъ, что мистеръ Гиббонсъ или мистеръ Бинней увидѣли бы наши позиціи, нѣть ничего страшнаго, — мягко замѣтилъ Бойеръ, — они...

— Я долженъ заботиться о безопасности моихъ войскъ, — воскликнулъ раздраженно генераль, вскачивая съ мѣста. — Мы должны скрывать наше расположение. Я не потерплю, чтобы піонеры...

— Не угодно ли вамъ ознакомиться съ этой инструкціей?

— перебилъ его Бойеръ, протягивая ему сложенный вчетверо листъ бумаги.

Пробѣжалъ инструкцію и взглянувъ на красовавшуюся подъ ней подпись, генераль обратился къ одному изъ своихъ адъютантовъ:

— Предоставьте въ распоряженіе полковника Бойера аэропланъ и дайте ему возможность лично позаботиться обо всемъ по своему усмотрѣнію.

И, обмѣнявшись съ Камку поклонами, мы поспѣшили удалиться. Очутившись въ коридорѣ, Бинней усмѣхнулся и шепнулъ Бойеру:

— Я не знаю, что именно сказано въ вашей инструкціи, но на Камку она подействовала, какъ строгій окрикъ хозяина.

— Эта инструкція подписана Карабаномъ. А теперь я позабочусь о томъ, чтобы вы смогли перебраться на американскую сторону.

Носильщики доставили нашъ багажъ въ отель „Гамбринус“, а мы вмѣстѣ съ Бойеромъ направились въ отель „Терминал“, превращенный нынѣ въ госпиталь.

— Вы найдете здѣсь нѣсколько раненыхъ американскихъ офицеровъ, — сказалъ онъ. — Не вижу причинъ, почему бы вамъ не поговорить съ ними.

Ординарецъ провелъ насъ въ одну изъ палатъ, у входа въ которую стояли часовые.

Мы вошли въ палату и увидѣли на одной изъ коекъ раненаго американца, курившаго папиросу.

Завидѣвъ насъ, онъ выругался:

— Чортъ меня подери...

— Да и меня тоже, — подхватилъ я, бросаясь къ нему и покликавъ его руку.

То юбыть майоръ Хиккей Коллинсъ изъ пятой бригады морской пѣхоты.

Коллинсъ имѣлъ репутацію самаго отъявленнаго ругателя во всей морской пѣхотѣ и былъ произведенъ въ офицеры въ полѣ 1918 года, послѣ боевъ на Маринѣ. Намъ не разъ приходилось встрѣтиться на фронѣ и не разъ мы вмѣстѣ кутили въ тылу. Въ послѣдній разъ я встрѣтился съ нимъ въ 1924 году въ Пекинѣ, гдѣ его батальонъ несъ охрану въ американскомъ посольствѣ. Я вкратца разсказалъ ему о томъ, какъ попалъ въ Салина-Круцъ, а онъ посвятилъ меня въ события, разыгравшіяся въ послѣдніе время на фронѣ. Онъ былъ раненъ и захваченъ въ пленъ.

— Наша бригада прибыла въ портъ Мексико и мой батальонъ былъ направленъ въ глубь страны. Въ Санта-Лукреція, въ узловомъ пункѣ, черезъ который проходитъ дорога на Веракрусъ, мы оставили одну роту, а самъ я съ двумя остальными ротами продвинулъся дальше, — въ горы.

А тамъ намъ пришлось наглядѣться на многое: джунгли, полузре ліаны, змѣи, попугаи, скорпионы, распаренныя солнцемъ заросли, настолько горячія, что отъ нихъ идетъ паръ...

Мы продвигались вдоль дороги и попытались окопаться. Тутъ же послѣ нашего прибытія въ Чіевела непріятельскіе летчики разрушили въ тылу у насъ желѣзную дорогу и отрѣзали намъ путь къ отступленію.

На третій день боевъ меня ранило осколкомъ бомбы, сброшенной съ аэроплана, и я потерялъ сознаніе. Пришелъ въ себѣ я лишь тогда, когда очутился въ рукахъ непріятеля.

Затѣмъ они доставили меня сюда, и теперь я сижу въ плену у японцевъ, закармливающихъ меня рисомъ.

Бинней и я послѣдили подѣлиться съ нимъ нашимъ запасомъ денегъ и обѣщали увѣдомить его жену о его мѣстонахожденіи.

Потомъ мы горячо пожали ему на прощанье руку.

Послѣ ленча Бойеръ предложилъ намъ послѣдовать за нимъ и доставить насъ на авіо-базу „Акаи“.

Бинней, Бойеръ и я поднялись на большомъ гидропланѣ и въ теченіе десяти минутъ кружились надъ Салина-Круцемъ,—

къ намъ присоединился эскортъ изъ пятидесяти боевыхъ гидроплановъ.

Взявъ курсъ на сѣверъ, мы полетѣли по направлению къ зеленымъ зарослямъ.

Дважды мы увидѣли на горизонѣ отряды американскихъ летчиковъ, а однажды американскіе пилоты приблизились къ намъ настолько, что завязался воздушный бой, во время котораго были сбиты двѣ американскія машины и одинъ японскій гидропланъ.

Часомъ спустя мы летѣли надъ заливомъ Кампиче. Портъ Мексико привѣтствовалъ наше появленіе ожесточеннымъ отнемъ зенитныхъ орудій. Я въ послѣдній разъ осмотрѣлъ свой парашютъ, прикрепилъ кольцо его къ поясу и приготовился къ прыжку.

Бинней готовъ былъ послѣдовать моему примѣру.

— Не забудьте передать Марго, что я приду за нею, — крикнулъ онъ на прощанье Бойеру.

Неожиданно я почувствовалъ сильное давленіе воздуха — напы аэропланъ быстро снижался. Съ высоты трехъ тысячъ метровъ мы снизились до пятьсотъ метровъ, и тогда летчикъ выпрямилъ гидропланъ, и мы заскользили надъ поверхностью залива.

Бойеръ открылъ дверцу кабинки, улыбнулся мнѣ и положилъ руку на мое плечо.

— Будьте здоровы, Гиббонсъ, — намѣя пора разстаться, — сказалъ онъ.

— Спасибо, Бойеръ. До свиданья, — отвѣтилъ я.

Мои пальцы впились въ кольцо парашюта, и я ринулся въ воздушное пространство.

Въ пятистахъ метрахъ подъ нами блестѣла синяя вода. Взглянувъ внизъ, я въ ужасѣ зажмурилъ глаза. То былъ мой первый прыжокъ съ парашютомъ, и я думалъ, что этотъ прыжокъ будетъ и послѣднимъ моимъ прыжкомъ.

Летя внизъ я принудилъ себя медленно считать до четырѣ-

рехъ и затѣмъ потянулъ за кольцо парашюта. Казалось, прошла вѣчность, прежде чѣмъ расправились складки шелка — отъ состоянія механизма зависѣла моя жизнь. Потомъ я ощутилъ рѣзкій рывокъ, — меня закружило въ воздухѣ, словно кубарь, подхваченный концомъ кнута, — парашютъ расправился, и я повисъ въ воздухѣ.

Легкій морской вѣтеръ несъ меня къ берегу — по направлению къ бѣлой полосѣ порта Мексико. Я видѣлъ, какъ нѣсколько моторныхъ лодокъ понеслись по направлению моего полета, ожидая моего спуска на воду. Одна изъ этихъ лодокъ, въ то мгновеніе, когда я коснулся поверхности воды, находилась въ пятнадцати метрахъ отъ меня и послѣшила ко мнѣ на помощь.

Меня извлекли изъ воды, и я очутился лицомъ къ лицу съ американскимъ морякомъ, приставившимъ къ моей груди револьверъ и скомандовавшимъ: „Руки вверхъ!“

Лодка взяла влѣво и подобрала Бинней, очутившагося на разстояніи сотни метровъ отъ места моего спуска.

Мы попытались разъяснить морякамъ, кто мы такие, но всѣ наши попытки были тщетны. Матросъ что-то слышалъ о томъ, что непріятель спускался при помощи парашютовъ шпионъ и не желалъ принять на себя ответственность.

Черезъ четверть часа я предсталъ передъ моими другомъ генераломъ Феланомъ Логаномъ, комендантамъ города. Онъ узналъ меня и тутъ же протелеграфировалъ въ Вера-Круцъ и въ Вашингтонъ о моемъ благополучномъ прибытии.

Не успѣвъ даже переодѣться, Бинней и я, захвативъ съ себѣ и оба чемодана, сброшенные съ парашютами намъ вслѣдъ предусмотрительнымъ Бойеромъ, полетѣли на гидропланѣ въ Вера-Круцъ. Вечеромъ я ужиналъ въ обществѣ генераль-майора Макъ-Артура, начальника американского экспедиціоннаго корпуса, и генерала Мендоза, командира мексиканскихъ обединенныхъ частей.

Передо мною на подносе лежали двѣ телеграммы.

Первая изъ нихъ гласила:

„Поздравляемъ счастливымъ возвращеніемъ точка Президенты Смитъ желаетъ побесѣдовать съ вами до завтрашняго засѣданія кабинета.

Хэндъ.“

Это сообщеніе польстило моему самолюбію, и я съ удовлетвореніемъ протянулъ телеграмму генералу Макъ-Артуру. Мне казалось, что я начинаю играть значительную роль. Пока генераль читалъ телеграмму, я ознакомился съ содержаніемъ второй депеші. Она гласила:

„Въ теченіе одиннадцати мѣсяцевъ не получали отъ Васъ оправдательныхъ документовъ Точка Бухгалтерія запрашиваетъ счета гостиницъ и телеграфныхъ квитанцій Точка. Приложите документы, подтверждающие размѣнныій курсъ доллара.

Чикаго-Трибюнъ.“

Въ эту ночь Бинней и я заснули крѣпкимъ сномъ. Военный гидропланъ лежѣлъ на днище Мексиканскаго залива. Мы летѣли на сѣверо-востокъ, черезъ Нью-Орлеанъ въ Вашингтонъ.

Мы не успѣли ни побриться, ни переодѣться въ сухое платье — насытъ тутъ же повезли въ Бѣлый Домъ — еще нѣсколько мгновеній, и Чарльзъ Хэндъ, секретарь президента, жалъ мнѣ руку и вѣль меня въ залъ засѣданій.

Президентъ Смитъ привѣтливо поздоровался со мною — за время, въ теченіе котораго я его не видѣлъ, онъ нѣсколько пополнѣлъ и посѣдѣлъ. Изъ остальныхъ членовъ кабинета мнѣ лично извѣстны были статья-секретарь Кондеръ Рейнольдъ, генерали-прокуроръ Франкъ Комерфордъ и вѣдавшая сельскохозяйственнымъ департаментомъ, Руфъ Ганна Макъ-Кормикъ.

— Флойдъ, разскажите намъ все, что вами извѣстно о Карабахѣ, — сказалъ президентъ Смитъ. — Въ чёмъ секретъ его успѣха, на чёмъ базируется его сила? Каковы его цѣли? Къ чому онъ стремится?

Вощарилось молчаніе. Я собирался съ мыслями, готовясь отвѣтить на все эти вопросы.

Рассказалъ о томъ, какъ „Чикаго-Трибюнъ“ послала меня въ 1932 году въ Москву. Рассказалъ я и о томъ, какъ специально занялся личностью Краснаго Наполеона, о его дѣятствіи и службѣ въ царской арміи.

Рассказалъ я также и о его судьбѣ послѣ революціи, о значеніи, которое онъ пріобрѣлъ у Сталина, о томъ, какъ онъ захватилъ власть. Сообщилъ я также о его подготовленіяхъ къ войнѣ, о сраженіяхъ въ Центральной Европѣ, завоеваніи Италии, уничтоженіи французской, англійской и бельгійской армій во время третьей битвы на Марнѣ.

Затѣмъ я началъ говорить объ англійской революції, оккупации островного королевства, немецко-сердномъ избеніи шести миллионовъ бѣлыхъ въ Австраліи и о научной организаціи всѣхъ силы на двѣнадцати континентахъ. И, наконецъ, я заговорилъ о конечной цѣли его дѣяній, о борьбѣ съ послѣдней силой міра и установлении міровой совѣтской федераціи тѣдь его личной властью.

Мой докладъ длился долго, — не разъ меня прерывали вопросами, — когда я, наконецъ, умолкъ, вопросы посыпались на меня со всѣхъ сторонъ.

Статья-секретарь Рейнольдѣсъ освѣдомился о внутреннѣй политической структурѣ Совѣтскаго Союза и о моемъ мнѣніи о его прочности.

Государственный казначай Джонъ Рескобъ задалъ вопросы о денежнѣй системѣ Совѣтсовъ.

Адмиралъ Девидсонъ пожелалъ услышать мое сужденіе о красномъ флотѣ и о подготовкѣ его личнаго состава.

Возглавлявшаго департаментъ торговли и промышленности Вильяма Эбергарда интересовали производительныя силы страны и грузоподъемная мощь желѣзныхъ дорогъ.

Военный министръ Миронъ Дж. Уоллесъ задалъ мнѣ рядъ вопросовъ, касавшихся боеспособности арміи Каракана.

Посѣчная площадь, состояніе скотоводства, запасы продовольствія — вотъ что интересовало миссисъ Руфъ Макъ-Корникъ.

Директоръ почты и телеграфа Эмери Ольдсъ пожелали, чтобы я ему обрисовалъ состояніе почтово-телеграфной сѣти въ Европѣ; Джемсъ Райнъ потребовалъ отъ меня статистическихъ

данныхъ по вопросамъ рабочей силы, ея оплаты и жилищныхъ условій.

Допросъ этотъ длился болѣе четырехъ часовъ, и воздухъ утопалъ въ голубоватыхъ облакахъ сигарного дыма.

Вмѣсто ужина намъ сервировали чай, и къ концу бесѣды я съ трудомъ ворочалъ языкомъ.

Несмотря на опасность, грозившую странѣ, я началъ ощущать къ концу бесѣды, что далеко не всѣ члены кабинета отдаютъ себѣ въ полной мѣрѣ отчетъ въ томъ, какую грозную силу представляютъ собою Караканы. Въ то же время нѣкоторые члены кабинета считали угрожавшую опасность сильно преувеличенней и раздутой.

— Скажите, мистеръ Гибонсъ, — обратился ко мнѣ Уоллесъ, — не попали ли вы подъ влияніе этого диктатора за время своего пребыванія съ нимъ? Не преувеличены ли ваши сужденія? Не преувеличиваете ли вы желтую опасность? Я считаю, что множество статей, появившихся на страницахъ печати за послѣдній годъ, намѣренно нагоняли на страну страхъ и служили пропаганднымъ замысламъ Каракана. Мне кажется, вы были его довѣренными лицомъ, а теперь вы являетесь къ намъ. Желтая опасность въ большей своей части создана желтой прессой.

Неуклюжее замѣчаніе Уоллеса заудѣло меня за живое. Въ теченіе долгаго срока я подвергался опасности, напряженно и усердно работалъ, наблюдалъ за происходящими для того, чтобы имѣть возможность представить какъ можно болѣе полный отчетъ. Но я сдерживалъ себя и, проглотивъ просившіяся на языки рѣзкости, постарался спокойно и дѣловито отвѣтить на брошенный мнѣ упрекъ:

— Проспѣдинъ президентъ, я побывалъ на трехъ четвертяхъ земного шара, и все это я сдѣлалъ для того, чтобы нагнать на статья-секретаря Уоллеса немногого страха. Я явился сюда потому, что я американецъ и считаю, что мои наблюденія и знанія могутъ пойти на пользу моей странѣ въ борьбѣ съ красными диктаторами. Я видѣлъ на поляхъ Европы сотни тысяч труповъ. Я видѣлъ какъ на уличкахъ итальянскихъ городовъ убивали дѣтей и женщины. Я былъ свидѣтелемъ Лондонской бойни.

— Господинъ президентъ, я былъ свидѣтелемъ послѣднихъ минутъ австрійскаго президента, я присутствовалъ при его казни, — я видѣлъ, какъ пали подъ пулями члены его правительства. Вы должны понять, что человѣкъ, ведущій за собою силы трехъ материковъ, не можетъ не быть воющеиенемъ зла, не можетъ не быть самымъ свирѣпымъ, хладнокровнымъ, стоящими выше морали и какихъ бы то ни было запретовъ, существомъ. У него нѣтъ ни Бога, ни совѣсти, ни велѣній морали. Этотъ азіатъ, ненавидящій настъ такъ, какъ лишь можетъ желтый ненавидѣть бѣлую расу, сказалъ мнѣ всего лишь мѣсяцы тому назадъ, что онъ собирается раздавить Америку. Господа, да смилисивится Господь надъ нами, если вы не можете внясть моимъ словамъ, если я не могу убѣдить васъ!..

Голосъ мой осѣлся, — я не могъ говорить, я усталъ, табачный дымъ обволакивалъ меня... длительный перелетъ и не скончаемые споры исчерпали безъ остатка мои силы.

Вы соудѣней пріемной я столкнулся съ Уайтъ Доджемъ. Произошло столько событий, что я не поѣхалъ своимъ глазамъ.

— Я очень радъ васъ видѣть, — сказалъ я, пожимая его руку. — Какъ вамъ удалось выбраться? Гдѣ Марго? Какъ она проживаетъ?

— О, все это длинная история, — отвѣтилъ Доджъ. — Вы помните записку, которую я сунулъ въ Лондонъ въ вашъ нессесеръ? Я писалъ вамъ, что мнѣ удастся спастись, и такъ оно и было. Я только что былъ въ информационномъ бюро морского министерства. Поздравьте меня — я лейтенантъ флота дяди Сами.

Доджъ доставилъ меня и Биннинга къ себѣ на квартиру, где мы снова сожили, принявъ ванну, побравшись и, наконецъ-то, получивъ возможность переодѣться.

Доджъ рассказалъ намъ, какъ ему удалось бѣжать вмѣстѣ съ агентомъ американской контроль-развѣдки.

Нѣкоторое время я прятался въ Лондонѣ. Послѣ ванного отѣзда былъ разстрѣленъ рядъ американцевъ, — остальныхъ размѣстили въ концентрационномъ лагерѣ. Надежнѣе всего было, конечно, пробраться въ Ирландію. Хоть красные и оккупировали страну, но ирландцы считались съ ихъ присутствиемъ въ столь же малой степени, какъ въ свое время съ

англичанами. Синфейнеры продолжали вести партизанскую войну, какъ и въ старое добroe время. Вамъ извѣстно, что въ прошлую войну иѣмцы использовали западный берегъ Ирландіи для стоянки своихъ подводныхъ лодокъ. Нынѣ та же возможность была предоставлена американскимъ подводнымъ лодкамъ. Мой спутникъ и я направились по направлению къ Кинностууну, и настъ принялъ на бортъ подводная лодка, доставившая насъ въ Америку. Недалеко отъ Ливерпуля мы пустили ко дну старый англійскій пакетботъ „Цедрайкъ“, и команда мнѣ поклялась, что это первое достижение нашего флота въ эту войну.

— Гдѣ Марго? — спросилъ Спидъ.

Я замѣтилъ, какъ молодые люди обмѣнялись далеко не дружелюбными взглядами.

— Она находится вмѣстѣ съ Линъ въ Ирландіи, — отвѣтилъ Доджъ. — Караканъ обѣихъ отправилъ туда и помѣстилъ въ одинъ изъ замковъ западнаго побережья. Онъ не хочетъ ихъ видѣть и желаетъ, чтобы Линъ жила вдали отъ Лондона. Въ настоящее время сеъ развлекается въ обществѣ лэди Блейдсень. Вамъ вѣдь извѣстно, кто она? Но это монгольская красотка же быстро покончила съ ней, какъ и съ австрійской графиней въ Вѣнѣ и съ мадамъ Депре въ Парижѣ. Онъ одержимъ тепрѣй новой манией — онъ хочетъ имѣть отъ бѣлыхъ женщинъ какъ можно больше дѣтей — будетъ время, когда Лондонъ и Парижъ будутъ кишѣть его цвѣтными ублюдками. И у всѣхъ офицеровъ его штаба бѣлые жены.

— Я радъ, что Марго находится въ Ирландіи, — сказалъ онъ, — и надѣюсь, что Каракану не суждено будетъ встрѣтиться съ нею.

У Спida вырвалось проклятие, и онъ рѣзко освѣдомился у Доджа:

— Почему вы оставили ее? Почему вы не захватили ее съ собою на подводную лодку?

— Я хотѣлъ захватить ее съ собою, но она не пожелала слѣдовать за мной, — отвѣтилъ Доджъ. — Она возложила на себя обязанность и хотѣть ее выполнить до конца. Но объ этомъ я не вправѣ говорить.

Пока Спидъ пререкался съ Уайтомъ, я заснула.

На следующее утро Доджъ снова заговорил со мною о Марго и сказалъ мнѣ, какимъ способомъ я могъ бы установить связь съ нею. Я могъ бы по радио отправлять шифрованныя сообщенія, которыя она улавливала бы въ Ирландіи. Я неоднократно упражнялся съ нею въ диктантѣ, и она сможетъ безъ особаго труда уловить мое сообщеніе, установить ключъ и расшифровать сообщеніе.

Доджъ сказалъ мнѣ, что онъ служить на подводной лодкѣ, находясь съ нею въ плаваніи у Ирландскаго побережья, сможетъ попытаться послать Марго радиограмму.

— Она мужественная девушка и служить для бѣлой рабы, — сказалъ онъ гордо, — хоть и знаетъ, какая ее ожидаетъ участъ, если обѣ этомъ станеть известно Каракану.

Въ этотъ полнѣйшій событій февраль 1934 года мнѣ суждено было пережить цѣлый рядъ потрясений. Война оказала на народное хозяйство болѣе сильное влияніе, чѣмъ я предполагалъ. Болѣе всего меня беспокоило то, что американцы въ массѣ своей не отдавали себѣ отчета въ ужасныхъ последствіяхъ происходившаго.

Въ силу подавляющаго перевѣса объединеннаго краснаго флота, американскій флотъ принужденъ былъ укрыться въ гаваняхъ, и надѣй океаномъ главенствовалъ непріятель.

Большая часть американскаго торговаго флота — двадцать тысячъ пароходовъ съ общимъ тоннажемъ въ пятнадцать миллионовъ тоннъ — застряло въ чужихъ портахъ или была захвачена въ открытому морѣ.

Паденіе американскаго экспорта, выражавшагося за предыдущій годъ въ пяти миллиардахъ долларахъ, привело къ тому, что ряды промышленныхъ предприятий пристановился, а склады, магазины и порты Америки ломились отъ машинъ, металлическихъ изделий, шелковъ, хлопчатобумажныхъ тканей, химикалий и зерна.

Отказъ отъ импорта повлекъ за собою въ странѣ недостатокъ въ резинѣ, свинцѣ, хининѣ, растительныхъ жирахъ, чаѣ, кофе, что тутъ же отразилось на укладѣ каждого единичнаго хозяйства. Затѣмъ потребленіе ряда продуктовъ было нормировано.

Разразившаяся война лишила американцевъ надежды на

то, что удастся получить съ Европы долги, явившіеся результатами предыдущей войны — все новые и новые налоги и займы должны были покрыть непріятные расходы. На Уолль-Стритѣ разразился рядъ банкротовъ, повлекшихъ за собою осложненія въ большомъ количествѣ фирмъ, работавшихъ во всей странѣ. Вкладчики штурмовали банки, и правительство принуждено было объявить мораторій.

Президентъ Смитъ созывалъ экстренное засѣданіе конгресса, которое должно было санкционировать веденіе войны. Военный министръ предложилъ конгрессу законъ объ обязательной воинской повинности, и законъ этотъ былъ принять въ обѣихъ палатахъ подавляющимъ большинствомъ голосовъ. Пацифистское меньшинство, находившееся въ оппозиціи, попыталось выставить проектъ о добровольческихъ формированияхъ, но проектъ этотъ былъ отклоненъ.

Избирательный аппаратъ страны былъ тутъ же использованъ для новой задачи и принялъ на учетъ всѣхъ мужчинъ отъ восемнадцати до сорока пяти лѣтъ отъ роду. Перепись дала слѣдующій результатъ: въ странѣ оказалось 19 миллионовъ мужчинъ, способныхъ носить оружіе, — пятнадцать процентовъ всего населенія. Государственный департаментъ разослалъ по штатамъ квоты, и президентъ призывалъ подъ знамена первый миллионъ бойцовъ.

Костякомъ формируемой арміи явился офицерскій составъ регулярныхъ частей и сто десять тысячъ офицеровъ, числившихся въ запасѣ.

— У насъ очень скучные запасы снаряженія, — жаловался мнѣ одинъ изъ моихъ пріятелей. — Увеличеніе кадровъ милиціи съ двухсоты восьмидесяти тысячъ до трехсотъ тысячъ поглотило всѣ наши запасы. Намъ приходится обучать нашихъ новобранцевъ, не выдавъ имъ обмундированія и снабдивъ ихъ вместо ружей палками. Мы стоимъ передъ необходимостью удесятерить наши кадры — съ тѣмъ же успѣхомъ мы могли бы разбить молово десятикратнымъ количествомъ воды. На сей разъ наша военная промышленность оказалась гораздо менѣе подготовленной, чѣмъ передъ нашими вступлениемъ въ войну въ 1917 году. Тогда вступлению въ войну предшествовала долгая подготовка и работа на оборону.

— Европейская и азиатская промышленность давно уже работала на нужды армии, — сказал мнѣ Джимми Ходжинсъ изъ торгового департамента. — Вамъ обѣ этомъ извѣстно лучше, чѣмъ кому бы то ни было. А наши станки заняты изгото-
влениемъ граммофонныхъ иголокъ, радиопринадлежностей, вентиляторовъ и приборовъ для маникюра.

Особенно чувствительными оказался недостатокъ въ противогазахъ... Имѣвшагося запаса противогазовъ было недостаточно для того, чтобы снабдить ими армію, не говоря уже о снабженіи ими гражданского населения.

Впрочемъ, и безъ понужденія со стороны правительства рядъ фабрикъ немедленно же приступили къ ихъ производству и выбросили на рынокъ большое количество масокъ, которыхъ тутъ же были раскуплены перепуганнымъ населеніемъ по бас-
нословно высокой цѣнѣ.

Впослѣдствіи выяснилось, что противогазовые маски, изготовленные наспѣхъ и безъ соответствующаго надзора, оказались совершенно несоответствующими своему назначению, что многимъ стоило жизни.

Боязнь воздушного налета и бомбардировки вызывала не-
бывалую вспышку шпиономанія въ странѣ — толпа подожгла въ Нью-Йоркѣ китайскій кварталъ, въ Чикаго промили дома негровъ, въ Калифорніи линчевали японцевъ.

Въ Гаарлемѣ арестовали Горкуса Маарвея, президента негритянского ордена „Черное Перо“ — при этомъ былъ обнару-
женъ большой запасъ прокламаций, призывающихъ американ-
скихъ негровъ къ восстанию.

Соответствующій результатъ дали и облавы, предпринятые полиціей въ коммунистическихъ клубахъ. Были обнаружены попытки взорвать мосты, порчи динамомашинъ и пр.

Въ политическомъ отношеніи страна сплотилась и образо-
вала единый фронтъ, но каждое новое засѣданіе кабинета вскрывало все новые и новые проблемы въ странѣ. Дѣло дошло до открытия конфликта между военнымъ и морскимъ министер-
ствами по вопросамъ снабженія, что также не могло способствовать успѣшному проведенію мобилизации.

Центромъ вниманія стали события на тихоокеанскомъ побережья Мексики.

Тѣснитмыя американскія войска оказывали жестокое со-
противление. По мѣрѣ того, какъ непріятельский десантъ рас-
ширялъ базу своей дѣятельности и захватывалъ новые участки побережья, задача его облегчалась, потому что онъ получалъ возможность увеличить свои силы. Непріятельской нахимъ къ югу все увеличивался, и было ясно, что рано или поздно ему удастся достичнуть Панамскаго перешейка.

Тяжелый ударъ выпалъ на долю Соединенныхъ Штатовъ 9 февраля.

Транспортъ „Мемфисъ“, на который были погружены два полка, былъ подорванъ миной и потопленъ. 2700 американ-
скихъ солдатъ обрѣли смерть въ морѣ, — лишь немногимъ уда-
лось спастись и добраться до берега.

Гибель „Мемфиса“ привлекла общественное вниманіе къ положенію на морѣ, и вскорѣ стало извѣстно, что портъ Кинг-
стоунъ на островѣ Ямайка служитъ краснымъ базой для ихъ подводныхъ лодокъ.

Дипломатическія осложненія, послѣдовавшія за обявле-
ніемъ войны, задержали разрѣшеніе вопроса о Ямайкѣ. Во-
простъ этотъ разрѣшился явочнымъ порядкомъ — негритян-
ское населеніе острова, предводительствуемое китайцами и ин-
дусами, взяло штурмомъ дворецъ англійскаго президента и уби-
ло его и его штабъ, захвативъ власть въ свои руки. Теперь,
когда выяснилось, что островъ служилъ базой для подводныхъ
лодокъ Каракана, было ясно, что все это было заранѣе согла-
совано съ нимъ.

Портъ Кингстоунъ былъ хорошо защищенъ съ моря, и по-
пытка морского нападенія на него была обречена на неудачу.
Выслать на островъ десантъ съ Кубы было затруднительно,
потому что въ распоряженіи Соединенныхъ Штатовъ на Кубѣ имѣлись очень ограниченные по численности отряды. Благо-
даря этому, Ямайка превратилась въ серьезную опасность, угро-
жавшую нашему фронту, съ которой до поры-до-времени приходо-
дилось мириться.

Опорными пунктами краснаго флота явились Бермудскіе
острова и Тринітадъ, — флотъ блокировалъ побережье и вы-
нудилъ американскую эскадру укрыться въ Мексиканскомъ за-
ливѣ. По всему Атлантическому побережью раздалась волна

протестовъ — раздались недоумѣвающіе голоса, почему американскій флотъ избралъ мѣстомъ стоянки Мексиканскій заливъ, а не Нью-Йоркъ, Бостонъ или Филадельфию.

Но на этотъ вопросъ отвѣтить было очень нѣтрудно. Каражанъ находился въ перевѣсѣ не только на морѣ, но и въ воздухѣ. Его воздушныя силы могли въ любой моментъ разрушить морскія базы нашего Атлантическаго побережья. Что касается Мексиканскаго залива, то дѣстить къ нему былъ ми-нированъ и береговыя укрѣпленія могли воспрепятствовать воздушному налету.

Свершилось невѣроятное: Каражанъ со своимъ флотомъ властвовалъ надъ океанами, а американскій флотъ былъ занянъ и запертъ въ Мексиканскомъ заливѣ, такъ же, какъ и флотъ Германіи былъ запертъ въ Гельголандской бухтѣ въ міровую войну.

Этотъ флотъ составлялъ первую оборонительную линію Америки. Вторую оборонительную линію составляли береговыя укрѣпленія залива.

Каражанъ занялся изученiemъ нашей позиціи и попытался нажать на наиболѣе уязвимое мѣсто.

Столѣtie мирныхъ добрососѣдскихъ отношеній между Канадой и Соединенными Штатами привело къ тому, что оба государства могли позволить себѣ роскошь оставить общую границу неукрѣпленной. На американо-канадской границѣ не было возведено ни одного форта, — рѣки и озера Канады не имѣли флота.

И Каражанъ рѣшилъ использовать это обстоятельство для нанесенія слѣдующаго сокрушительного удара.

Вечеромъ 1 марта 1934 года американская подводная лодка F 29, крейсировавшая въ шестидесяти километрахъ отъ мыса Флеттери въ штатѣ Вашингтонѣ, была настигнута японскими истребителями, дѣствовавшими въ качествѣ прикрытия для большой эскадры транспортовъ, круизныхъ боевыхъ единицъ и вспомогательныхъ судовъ.

Японскіе истребители вывели американскую подводную лодку изъ боя и захватили ее.

2-го марта, на разсвѣтѣ, на высотѣ трехъ тысячъ метровъ надъ дорогой на Жуань-де-Фука, показалась огромная непрія-

тельская флотилія гидроплановъ и бомбометовъ. Навстрѣчу ей вылетѣли американскія эскадрильи, снявшіяся съ аэродромовъ Викторіи, Ванкувера, Ситтла и Бремертоуна.

Непріятель однако оказался въ перевѣсѣ.

Обитатели Викторіи въ Британской Колумбіи были разбужены отлушительными взрывами — то непріятельскіе авіаторы бомбардировали морской арсеналъ въ Эскимаултѣ. Черезъ пять минутъ на воздухѣ взлетѣли пороховые склады.

Нынѣ непріятельскому флоту открывалась свобода дѣствія, и воздушный флотъ его понесся на востокъ. Старая тридцатисантиметровыя мортиры, составляющія вооруженіе порта Тоунсендъ, были подорваны первыми же сброшенными на землю тысячефунтовыми бомбами.

Та же судьба постигла и форты Кэзей, расположенный въ девяти километрахъ на востокѣ.

За фортомъ Кэзей настѣпила очередь форта Флеглеръ.

Воинскія части были спѣшино отозваны изъ фортоў, и мортиры не дали ни одного выстрѣла — всѣ оборонительныя сооруженія были разсчитаны только на возможность нападенія съ моря.

Соглашеніе Канады и Соединенныхъ Штатовъ, предусматривающее отказъ отъ возведенія дальнѣйшихъ оборонительныхъ сооруженій на границѣ, привело къ тому, что граница оказалась совершенно безоружной, на случай воздушнаго нападенія.

Утромъ подъ покровомъ тумана красный флотъ высадилъ впереди вдоль всего побережья океана тридцать траллеровъ, занявшихся освобожденiemъ моря отъ минъ. Воздушный флотъ, закончивъ свое разрушительное дѣло, взялъ на западѣ и полетѣлъ надъ желѣзной дорогой Мильвоки, разрушая и ее, и автомобильныя трассы.

Двѣ американскихъ тяжелыхъ батареи и бронепоездъ были взорваны, прежде чѣмъ смогли оказать сопротивление воздушнымъ силамъ противника.

Такимъ образомъ, Каражану удалось при помощи своихъ воздушныхъ силъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ парализовать сопротивление противника и разрушить рядъ центровъ обороны.

Опубликование этих сообщений произвело на американцев ужасное впечатление.

Въ день неприятельского налета я и Бинней находились у его отца въ Санъ-Луи. Отецъ его былъ моимъ старымъ боевымъ товарищемъ по авиаціи еще со временемъ первой міровой войны. Чась спустя мы летѣли на аэропланѣ по направлению къ новому фронту на сѣверо-западъ.

Дни второго и третьего марта заставили Америку призадуматься надъ своимъ положеніемъ.

Несмотря на то, что нашъ флотъ былъ запертъ, наша маленькая регулярная армія билась въ Центральной Америкѣ, а въ резервѣ у насъ имѣлся одинъ миллионъ призванныхъ подъ знамена, страна все еще была во власти совершенно ложнаго представленія, что американскому материку ничто не можетъ угрожать въ силу его изолированности. Со временемъ 1812 года еще никому не удавалось высадить свои войска въ Америкѣ. Но эти времена миновали.

Мы снизились въ Споканъ, чтобы возобновить запасъ бензина. На аэродромѣ наша машина оказалась единственной — городъ охватила паника, несмотря на то, что отъ фронта его отдѣлялъ горный кряжъ. Мы разспросили попавшихъ намъ людей и выяснили слѣдующее.

Трамлеры очистили заливъ отъ минъ, японскіе транспорты подъ охраной крейсеровъ миновали разрушенныя укрѣпленія форта Уордена и форта Кэзей и были на пути къ Ситтлю.

Сотни наливныхъ судовъ съ нефтью встали на якорь, эскортируемые краснымъ флотомъ.

Способности Каракана, сумѣвшаго выставить столь большую силу на огромномъ расстояніи отъ своей базы, не могли не поразить наше командованіе. Караканъ располагалъ недалеко отъ нашего расположженія огромной воздушной эскадрой; это объяснялось тѣмъ, что каждый изъ транспортовъ одновременно былъ оборудованъ такимъ образомъ, что являлся базой для гидроплановъ. Такое новшество дало возможность Каракану безпрепятственно властствовать надъ морями и захватить три четверти мірового флота въ свои руки. Во главѣ воздушныхъ силъ Каракана стояла японская эскадрилья, снабженная опытными личными составомъ.

Послѣ того, какъ успѣхъ операции былъ полностью гарантированъ и въ воздухѣ и на водѣ, началась высадка войскъ. Вдоль всего восточного побережья отъ Беллингема до Эверетта, Караканъ высаживалъ войска. На западномъ побережіи, въ Портъ Анжелестѣ, въ Тайнсендѣ, также шла высадка войскъ.

Канадско-американская части оказывали геройское сопротивление, но попытки ихъ противостоять силамъ Каракана были тщетны.

Молодежь, вооруженная охотничими ружьями, объединялась въ отряды и выступала въ походъ, пополняя ряды милиции, вооруженной пулеметами и пытавшейся противостоять врагу въ штыковомъ бою.

И почти полусемьстно обороняющіяся постигла одна и та же участь. Сначала ихъ позиціи подвергались воздушной бомбардировкѣ, а потомъ желтые орды заливали ихъ своей численностью.

Американская артиллерія, вывезенная при помощи тракторовъ изъ позицій, служила для непріятельскихъ бомбометовъ удобной мишенью. Команды зенитныхъ орудий, снабженные противогазовыми масками, тщетно пытались обезвредить несметное количество непріятельскихъ аэроплановъ.

Караканъ былъ въ воздухѣ полнымъ хозяиномъ положенія, и мы съ Биннемъ послѣ того, какъ мы вылетѣли изъ Спокайна въ западномъ направлении, принуждены были смынуть курсъ, взять на югъ и спуститься въ Олимпіи. Оттуда, на автомобилѣ, подъ обстрѣломъ съ аэроплановъ, мы понеслись въ Талому, чтобы оттуда уже взять курсъ на объятый пламенемъ Ситтль.

Дороги были забиты тысячами искавшихъ спасенія въ бѣгствѣ жителей городка. Безконечныя колонны американской пѣхоты шли въ сѣверномъ направлении. На разрушенныхъ и горевшихъ деревняхъ дорогахъ и мостахъ работали инженеры съ отрядами саперовъ.

Добровольцы изъ числа местныхъ жителей — среди нихъ было множество женщинъ — пытались расчистить эти обломки подвергшіяся бомбардировкѣ улицы и дороги и тѣмъ самымъ облегчить движение.

Каждое новое сообщение с фронта свидѣтельствовало об очередной катастрофѣ. Бинней существовалъ.

— Чорт побери, какой толкъ отъ пилота, находящагося на землѣ, — вопилъ онъ. — Я долженъ пробраться на фронтъ и попытаться принести какую-нибудь пользу. Что бы ни случилось, мы снова встрѣтимся въ ставкѣ арміи. Похоже на то, что намъ придется отступить на Канзасъ.

Мы поклонились другъ другу руки, и онъ присоединился къ одной изъ колоннъ отправлявшейся на фронтъ пѣхоты.

Я попалъ въ горячій Ситтль вовремя, — въ моемъ распоряженіи оставалось всего лишь нѣсколько минутъ для того, чтобы осмотрѣться и снова послѣпить убраться изъ этого города.

Огромный необоскребъ былъ обятье пламечемъ, — изъ оконъ его вырывались языки огня и клубы чернаго дыма.

Въ то время, когда я разглядывалъ открывшуюся моимъ глазамъ картину, въ одинъ изъ верхнихъ этажей дома ударила снарядъ, и часть стѣны — уголокъ зданія — рухнула.

Послѣдніе бѣженцы скрылись въ южномъ направлении.

Изъ центра города доносились приглушенная пулеметная трескотня. Надъ головами со свистомъ проносились снаряды и разрывались надъ южными предмѣстьями города.

Какой-то мальчишка, волочившій за собою мотоциклетъ, задалъ мнѣ глупый вопросъ — онъ спросилъ меня, не могу ли я ему дать чѣмногого бензина. Уловивъ мой удивленный взглядъ, онъ указалъ пальцемъ на резервуары покинутаго танка, у котораго я стоялъ.

— Можешь взять сколько тебѣ угодно, — отвѣтилъ я. — Минъ онъ не принадлежитъ. Впрочемъ, погоди — я помогу тебѣ, — и, схватившись за ручку насоса, принялъся накачивать бензинъ въ резервуаръ его мотоцикла.

— Все равно этотъ бензинъ достался бы китайцамъ, — сказалъ мальчишка. — Ихъ теперь ничѣмъ не удержишь.

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ я познакомился съ Бобби Персономъ, доставившимъ меня изъ Ситтля въ Такому. Это отъ него я узналъ впослѣдствіи ставшую такой популярной исторію Ламберта, вззволновавшую всю Америку.

Этотъ двѣнадцатилѣтній мальчикъ былъ единственнымъ

американцемъ, сумѣвшимъ живымъ выбраться изъ занятаго войсками Карабана города Эверетта. Онъ былъ младшимъ братомъ Вивіанъ Ламберть, получившей два года тому назадъ призъ за красоту на конкурсѣ тихоокеанскаго побережья. Вальтеръ Ламберть, владѣлецъ гаража въ Эвереттѣ, былъ убитъ на глазахъ у своей жены, Бобби былъ свидѣтелемъ его смерти и рассказалъ мнѣ всѣ подробности случившагося.

— Вивіанъ и Вальтеръ послѣ прибытія китайцевъ ухаживали за ранеными. Я помогалъ имъ. Вмѣстѣ съ нами было и докторъ Кирквудъ. Онъ оперировалъ раненыхъ, заполнившихъ оба этажа гаража. Многіе раненые принуждены были продолжать лежать на мостовой.

Вивіанъ принесла изъ аптеки Барлетта всѣ имѣвшіеся тамъ запасы перевязочныхъ средствъ, и когда они у насъ израсходили, мы стали рвать постельное бѣлье и платки. Вивіанъ ухитрялась даже спрятать для раненыхъ.

Наши солдаты дрались отлично. Нѣкоторые изъ нихъ умерли, и мы вынесли ихъ трупы на дворъ. Непріятельская эскадра безпрерывно продолжала обстрѣливать городъ. Университетский магазинъ Гольдберга сгорѣлъ до тла. Потомъ большой снарядъ ударили въ Казино, и оно рухнуло, похоронивъ подъ обломками сотни раненыхъ. Вокзалъ обстрѣливалъ въ теченіе всей ночи, и на утро онъ превратился въ груду развалинъ. Всѣ стремились на югъ, но по дорогамъ съ трудомъ можно было пробраться, потому что онъ были заполнены грузовыми автомобилями, перевозившими солдатъ.

Вальтеръ хотѣлъ, чтобы Вивіанъ вмѣстѣ съ остальными направилась на югъ, но она ни за что не хотѣла покинуть на произволъ судьбы раненыхъ. Она продолжала работать круглые сутки.

Затѣмъ китайцы съ сѣвера проникли въ городъ. Казалось, что ихъ было неисчислимое количество — цѣлый миллионъ. На улицахъ продолжали идти бои, и перестрѣлка стала такой горячей, что мы больше не могли выйти на улицу. Наконецъ, китайцы проникли въ гаражъ, и одинъ изъ офицеровъ направилъ ихъ черезъ боковую дверь въ скобянную торговлю Бергдолля.

На слѣдующее утро бой утихъ, и китайцы окончательно

заняли городъ. Въ теченіе всего дня и всей ночи они шли на югъ, и мы слышали, какъ съ юга доносился грохотъ канонады и шумъ боя.

Въ гаражѣ они оставили отрядъ изъ сорока человѣкъ при одномъ офицерѣ. Солдаты расположились внизу, а офицеръ поднялся наверхъ и прошелъ въ квартиру Бивъ. То было какой-то китайецъ, — возможно, что онъ былъ японецъ. И намъ пришлось съ нимъѣть за однимъ столомъ.

Бивіанъ не переставала тосковать о Вальтерѣ, а черезъ три дня спустя миссись Мегеффи сообщила намъ, что Вальтеръ вмѣстѣ съ остальными пленными американцами находится на вокзалѣ, и что китайцы заставляютъ ихъ работать на почтамѣ доропи и очисткѣ улицъ.

Какъ разъ въ то мгновеніе, когда я собрался уйти, къ намъ въ гаражѣ пришли Джимъ Деркинъ, Вальтеръ, мистеръ Расмусенъ, старый Бертонъ и еще десятокъ человѣкъ. Ихъ провождалъ конвой — они получили приказъ вынести всѣхъ раненыхъ изъ гаража и освободить мѣсто для раненыхъ китайцевъ.

Въ то мгновеніе, когда Бивіанъ спустилась внизъ, къ дому подъѣхалъ на автомобиль китайский офицеръ. Бивіанъ увидѣла, что Вальтеръ небритъ, платье его разодрано и рубашка пропиталась кровью — то была кровь одного изъ раненыхъ, которыхъ онъ переносилъ. Увидѣвъ это, Бивіанъ вскрикнула и бросилась къ нему.

Китайский офицеръ схватилъ ее за руку и оттолкнулъ. Вальтеръ выпустилъ изъ рукъ носилки, которыя онъ несъ, и бросился къ нему. Офицеръ выхватилъ револьверъ и выстрѣломъ въ упоръ уложилъ его наповалъ.

Бивіанъ и я бросились къ Вальтеру. Кровавое пятно на его сорочкѣ увеличилось и расплылось — теперь кровь проступила у него на губахъ, и онъ тщетно пытался ее стогнуть. Черезъ нѣсколько мгновеній онъ вытянулся и замеръ.

Бивіанъ попыталаась привести его въ чувство. Увидѣвъ, что онъ мертвъ, она вскрикнула и упала на его тѣло. Офицеръ поднялъ ее и принудилъ настѣть сѣть въ его автомобиль.

Мы поѣхали къ дому Картера, гдѣ онъ и заперъ Бивіанъ въ столовой первого этажа. Я хотѣлъ послѣдовать за ней, но

онъ что-то сказалъ своимъ солдатамъ по-китайски, и тѣ схватили меня и отвели на чердакъ. Тамъ меня заперли.

Ночью я слышалъ, какъ Бивіанъ закричала. Снизу доносился какой-то шумъ, потомъ я услышалъ, какъ Бивіанъ подбѣжала къ окну и заплакала... Затѣмъ все затихло.

На слѣдующій день солдаты выпустили меня и отвели меня на кухню. Тамъ мнѣ пришлось чистить картофель. Потомъ я вышелъ изъ дома и увидѣлъ у окна Бивіанъ. Она плакала.

Прокравшись къ окну, я заговорилъ съ ней, и она сказала мнѣ: — Попытайся уѣхать, Бобби, если тебѣ это удастся. Ступай къ нашимъ и рассказалъ имъ, что сѣдѣли съ Вальтеромъ и со мною.

И я ей сказала, что пойду и разскажу обо всемъ губернатору, и что тогда онъ придется сюда съ остатками милиціи и прогонить китайцевъ. Но въ это время кто-то подошелъ къ двери, и мнѣ пришлось уѣхать.

Ночью я выбралиась изъ дома и прокралиась къ фермѣ Патерсона, — тамъ я раздобылъ себѣ мотоциклетъ. И съ той поры я находилась безпрерывно въ пути.

Съ одной изъ желѣзодорожныхъ станцій на югѣ отъ Тамблера я дословно телеграфировала разскѣзъ Бобби Персона въ Чикаго, откуда это сообщеніе распространялось по всѣмъ газетамъ Америки.

Газеты выпили съ фотографіями премированной красавицы, и возмущеніе населенія было безгранично.

Спидъ Бинней возвратился съ фронта и явился ко мнѣ въ Орегонѣ, какъ разъ въ то время, когда я получила изъ Вашингтона предписаніе вторично сообщить по радио все, что мнѣ иззвѣстно.

— Эти вишингтонские умники все еще не могутъ взять въ толкъ этого, — проворчалъ Спидъ. — Они воображаютъ, что все это выдумка, такъ же, какъ и все то, что рассказывалось въ свое время о нѣмцахъ и ихъ звѣрствахъ. Ваше сообщеніе подняло большой шумъ, и Вашингтонъ хочетъ сопередложитъ на вѣсть ответственность, если окажется, что сообщеніе это не соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

Я вторично разскѣзъ о судѣ Ламбертовъ, и мы стали

ожидать, что радиостанция красных въ Лондонѣ выступить съ официальными спороверженіемъ.

На слѣдующій вечеръ Биннен и я сидѣли передъ промкоговорителемъ и приготовились слушать лондонскую передачу. Вместо того мы услышали по лондонскому радио слѣдующее:

— Въ общемъ сообщеніе американцевъ о судьбѣ Ламберто娃 соотвѣтствуетъ истинѣ, — вымыщены лишь незначительныя сентиментальные детали, по существу ничего не мѣняющія.

Американецъ Вальтеръ Ламберть былъ застрѣленъ полковникомъ Гарвеемъ Ву, командиромъ 248-го санитарного отряда сѣверного тихоокеанскаго экспедиціоннаго корпуса. Захваченный въ пленъ Ламберть попытался напастъ на офицера.

Полковникъ Ву происходить изъ одной изъ родовитѣйшихъ семейств Китая. Въ настоящее время онъ не христіанинъ, хотя и былъ крещенъ и получилъ имя въ честь знаменитаго ученаго, открывшаго кровьобращеніе. Полковникъ Гарвей Ву получилъ образование въ Оксфордѣ и является выдающимся медицинскимъ свѣтиломъ, а также пользуется прекрасной репутацией въ качествѣ офицера.

Полковникъ Ву и миссисъ Ламберть сегодня ночью въ присутствіи соотвѣтствующихъ должностныхъ лицъ экспедиціоннаго корпуса вступили въ бракъ. Новобрачнымъ быть принесены рядъ поздравлений, въ томъ числѣ и отъ краснаго командования, чибо подобный финаль этого обычнаго для военнало времени прописствія какъ нельзѧ болѣе желателенъ и достоинъ вниманія.

Въ теченіе ряда столѣтій бѣлье воины отнимали женъ у побѣжденныхъ ими представителей черной, желтой и красной расы. Американцы не разъ овладѣвали черными и краснокожими женщинами. Существующая въ наше время въ Америкѣ раса метисовъ и мулатовъ какъ нельзѧ лучше свидѣтельствуетъ объ этомъ.

На Филиппинскихъ островахъ послѣ американского похода 1900 года родилось большое количество дѣтей смѣшанной расы. Неменѣшее количество евразійцевъ, потомковъ бѣлой и желтой расы, мы находимъ въ Азіи. Всѣ они появились на свѣтъ отъ бѣлыхъ отцовъ и желтыхъ матерей.

Подобное же смѣщеніе рась наблюдалось въ Испаніи и въ Америкѣ. Въ Испаніи мавры облагородили расу своею кровью, и имъ обязана культура своимъ расцвѣтомъ.

Панъ-евразійскій союзъ борется за равенство всѣхъ расъ и ихъ единство на всемъ земномъ шарѣ.

Побѣда красныхъ надъ Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами приведетъ къ полному и вѣковѣчному уничтоженію расовыхъ предразсудковъ и привилегий, такъ же, какъ всѣ предшествующія войны привели къ уничтоженію религіозныхъ и національныхъ привилегій.

Ранѣе христіане и язычники умерицвляли и насилияющіи тысячами, католики и протестанты слѣдовали тому же примѣру. И это дало бѣгай результатъ — на землѣ больше не стало религіозной нетерпимости.

Послѣ религіозныхъ войнъ настала эпоха національныхъ войнъ. Народы въ теченіе ряда столѣтій враждовали во имя отживавшихъ національныхъ преимуществъ и владычества надъ міромъ.

Въ Панъ-евразійскомъ союзѣ чѣть ни національныхъ, ни расовыхъ, ни религіозныхъ привилегій: мужчины, женщины и дѣти всѣхъ рась на трехъ материкахъ Азіи, Европы и Африки — братья.

Введеніе въ заблужденіе своими правителями населеніе Соединенныхъ Штатовъ являеть собою послѣднюю цитадель бѣлой расы, арійскаго мифа.

Населеніе Панъ-евразійскаго союза, объединяющее полтора билліона бѣлыхъ, желтыхъ, черныхъ и краснокожихъ людей, борется за единство рась и за уничтоженіе послѣдней горсти человѣчества, отстаивающей расовыя привилегіи. Мы признаемъ лишь одну расу, и эта раса — человѣчество! —

Америка съ ужасомъ внимала этимъ словамъ.

И Спидъ Биннен, перитихшій передъ громкоговорителемъ, выразилъ вслухъ мысль, которая въ это мгновеніе обуяла всѣхъ американцевъ, слышавшихъ сообщеніе лондонской радиостанції.

— О, это ты Карабанъ, этотъ косоглазый, желтый дьяволъ... Если бы я могъ свернуть ему шею...

Волненіе Спida было слишкомъ сильно для того, чтобы

онъ могъ его выразить въ однихъ лишь проклятияхъ. Голосъ его прервался, и онъ умолкъ. Вдругъ онъ схватилъ меня за руку и прошепталъ:

— Марго!... Господи, она осталась тамъ, во власти этихъ скотовъ!...

Въ то время, какъ я пыталось возстановить въ своей памяти послѣдующія события 1934 года, этого первого ужаснаго года войны, когда желтые войска пытались вторгнуться въ глубь Америки, ставшей послѣдней цитаделью бѣлой расы, — я пришелъ къ выводу, что совершенно невозможно перечислить всѣ эпизоды этой ужасной борьбы.

Популярныя книги воспоминаній, карты военныхъ дѣйствій, изслѣдованія и историческая изысканія съ успѣхомъ пополняютъ пробѣлы, съ которыми мнѣ приходится мириться. Въ концѣ концовъ, моей задачей является побѣдование о Красномъ Наполеонѣ въ свѣзї. съ моими личными встрѣчами съ нимъ и съ которымъ мнѣ теперь приходится дѣлать изгнаніе на одномъ изъ заливовъ солнцемъ острововъ Бермудского архипелага.

Мои переживания за годы работы военнымъ корреспондентомъ были достаточно разнообразны и значительны, чтобы мои нервы не притупились и я не научился быть равнодушнымъ свидѣтелемъ смерти, но ничто меня не потрясло такъ, какъ смерть моего любимаго племянника Джимми Бернса, павшаго въ 1934 году. Онъ принадлежалъ къ первому миллиону американцевъ, выставленныхъ противъ наступающихъ ордъ Каракана и павшихъ на развалинахъ Тахомы, Ситтла, Олимпіи.

Десятки моихъ ровесниковъ и друзей пали въ заросляхъ Техуаншенка, тщетно пытаясь противостоять непріятелю, надвигавшемуся съ Мексиканскаго залива. Въ теченіе цѣлаго года меня томила мысль о прекрасной молодой англичанкѣ, находившейся по ту сторону океана въ рукахъ враговъ, и о двухъ юношахъ, готовыхъ принести себя въ жертву, чтобы спаси ея жизнь.

И я, и лейтенантъ авиации Спидъ Бинней, и морской офицеръ Уайтъ Доджъ не переставали бояться за участіе Марго Дениссонъ, сказавшейся спутницей жены Каракана и раздѣлившей съ нею плѣнъ.

Уайтъ проклиналъ оборонительную политику командованія, затягившую начальство флота въ Мексиканскій заливъ. Спидъ негодовалъ по адресу тѣхъ, благодаря которымъ Соединенные Штаты оказались безоружными въ воздухѣ. Это безсиліе на водѣ и на воздухѣ, въ сочетаніи съ недостаточной подготовленностью нашихъ силъ на суши, облегчило наступленіе событий, къ изложенію которыхъ я теперь перехожу.

Караканъ подъ прикрытиемъ своихъ авиационныхъ отрядовъ приступилъ къ высадкѣ войскъ на канадскомъ побережью, избравъ для десанта территорію Нового Брауншвейга и заливъ св. Лаврентія.

Послѣ двухдневныхъ боевъ краснаго удалось овладѣть дорогой, ведшей изъ Новой Шотландіи въ Квебекъ, — въ руки красныхъ перешли всѣ порты и промышленные центры отъ Пинкту до Кембелтона.

Остатки разбитой канадской арміи въ сопровождении объятаго ужасомъ гражданскаго населения бросились на югъ.

Гидропланы красныхъ воздушными бомбардировками разрушили подъѣзды пути и разстроили железнодорожное движение. Въ то время какъ инженеры работали надъ восстановленіемъ путей, переброска американскихъ войскъ на сѣверъ простоявшася, и тысячи бѣженцевъ продолжали стремиться на югъ, заполнивъ шоссейныя дороги автомобилями, повозками и телѣгами.

На третій день красная флотилія, предшествуемая цѣлью транспорта, смѣло проникла въ устье рѣки св. Лаврентія и высадила новые десанты на побережья.

Теперь войска Каракана располагали цѣльмъ побережье длиною въ сто тридцать километровъ; высадившися отряды состояли главнымъ образомъ изъ сибиряковъ и монголовъ. Они овладѣли железнодорожной линіей, шедшей вдоль южнаго берега рѣки, и продолжали высаживать на берегъ несчетныя количества снаряженія, полевые орудія и танки. Американцы принуждены были лишь ограничиться единичны-

ми налетами и партизанскими вылазками, которымъ особыхъ результатовъ достичь не удалось. Частичного успѣха достигли американскія подводные лодки, которымъ удалось потопить четыре непріятельскихъ транспорта.

Успѣхи Каражана на сѣверномъ фронѣ американские военные обозрѣватели объясняли:

- 1) Переѣсомъ воздушныхъ силъ;
- 2) отсутствиемъ береговыхъ укрѣплений на канадскомъ побережье, которое должно было охраняться британскимъ флотомъ;
- 3) слабостью канадскихъ территориальныхъ войскъ, главныя силы которыхъ были сосредоточены на фронѣ Британской Колумбіи;
- 4) успѣшными дѣйствіями краснаго воздушного флота, портавшаго правильное дѣйствіе желѣзныхъ дорогъ, и запоздалымъ прибытіемъ на фронѣ американскихъ воздушныхъ силъ;
- 5) переѣсомъ Каражана на водѣ, имѣвшимъ возможность безпрепятственно поддерживать сообщеніе съ Литерпулемъ, Кинстоуномъ, Гамбургомъ, Шербургомъ, Буленью и Лиссанбономъ.

На основаніи личныхъ наблюдений, сдѣланныхъ мною за время путешествія по фронту съ лейтенантромъ Биннемъ и за время отступленія съ канадской арміей, я могу утверждать, что все выпѣречисленныя пять причинъ сводились къ одной причинѣ, а именно къ организаціонному и стратегическому гению желтаго полководца, сумѣшаго использовать всѣ обстоятельства.

Каражанъ умѣть использовать даже природныя условія театра военныхъ дѣйствій. Онъ не видѣлъ препятствій въ непрѣходимой части сѣвернаго побережья рѣки св. Лаврентія. Его рѣчная флотилія прикрывала лѣвый флангъ его отрядовъ, упирающихся правымъ флангомъ въ горный кряжъ.

Обезопасивъ фланги, Каражанъ бросилъ свои колонны въ наступленіе на протяженіи фронта въ пятьдесятъ километровъ, и теперь его войска побѣдоносно продвигались къ Квебеку.

Оборонительныя средства города, находящагося въ очень выгодномъ стратегическомъ расположении, устарѣли и не могли

противостоять современной военной техникѣ, имѣвшейся въ распоряженіи Каражана.

Въ теченіе столѣтія канадскіе колонисты цѣлкомъ полагались на то, что британскій флотъ гарантировать имъ полную безопасность. Отъ озера Онтаріо до океанскаго побережья не было ни одного хоть сколько-нибудь соответствовавшаго современнѣмъ требованіямъ укрѣпленія.

А теперь, когда Британскаго флота больше не существовало, широкое устье рѣки св. Лаврентія превратилось въ просторную, ничѣмъ не защищеннуя дорогу, ведшую прямо къ серединѣ Канады.

Слѣва отъ рѣки въился горный и лѣсистый берегъ, принадлежавшій штату Мэнъ, и Каражанъ сумѣть использовать даже эти дѣйствительные непрѣходимые лѣса, въ которыхъ не ступала нога человѣка и въ которыхъ не было еще дорогъ.

Сѣть маленькихъ озеръ превратилась въ водныя базы для его гидроаппаратовъ.

Круглыя сутки большие грузовые аэропланы подвозили въ базы снаряды и горючія вещества. О томъ, чтобы захватить эти базы съ суши, не приходилось и мечтать — онъ былъ совершенно неприступенъ, а рѣга находилась въ распоряженіи Каражана. Отсюда полководецъ могъ властновать надъ райономъ въ триста километровъ радиусомъ.

Я говорилъ съ американцемъ, который былъ доволенъ тѣмъ, что нападеніе Каражана поставило передъ нами рядъ столь тяжелыхъ задачъ.

Полковникъ Виллоуби Уаткинъ, въ прошломъ вѣдавшій береговыми оборонительными сооруженіями Соединенныхъ Штатовъ, улыбаясь, замѣтилъ:

— Почему Каражанъ вмѣсто того, чтобы непосредственно направиться въ Соединенные Штаты, предпочитаетъ пробираться сквозь эти дебри, теряеть столько времени на оккупацию страны, въ которой ничего неѣтъ кромѣ фермъ, лѣсовъ и рыбачьихъ поселковъ? Неужели вы воображаете, что онъ придаетъ столько значенія восьми миллионамъ канадцевъ?

Его ударъ направленье пропиши дяди Сама. Почему онъ не нашравился непосредственно въ Массачузетсъ, Делаварь или Норфолкъ? Почему онъ не пошелъ тѣмъ же путемъ, какимъ

въ свое время пошли англичане, когда они высадились на Бермудскихъ островахъ и затѣмъ сожгли Вашингтонъ? Какъ, по вашему, почему онъ не избралъ этого пути? —

— А чортъ его знаетъ почему, — отвѣтилъ Бинней.

— Да потому, что наши береговыя оборонительныя сооруженія — это единственное, что хоть въ какой-нибудь степени съ отвѣтствуетъ своему назначению, — отвѣтилъ полковникъ. — Наше побережье защищено самыемъ тщательнымъ образомъ, — ни одного клочка земли вдоль всего побережья, на которомъ не было бы возведено фортувъ или батарей. На всѣхъ стратегическихъ дорогахъ и просесъ въ нашемъ распоряженіи имѣются бронепоѣзда и автомобили, снабженные зенитными орудіями. Если бы онъ вздумалъ высадиться на нашемъ побережье, то мы бы задали ему перцу, и поэтому онъ пытается пробиться сквозь Канаду.

Квебекъ падъ 15 июня, и Караканъ перенесъ туда свой штабъ; на флагштокъ замка Фонтенайъ взвился его штандартъ — знамя уничтоженія граѣ.

Это знамя, изготовленное по его проекту, изображало мно-
гоцветный солнечный дискъ, отъ котораго во всѣ стороны ис-
ходили радужные лучи, символизировавши полное смыщеніе
существовавшихъ на землѣ раѣ и зарожденіе одной новой и
единой раїы, единственной признаваемой краснѣмъ дикта-
торомъ.

Французы, проживавши въ Квебекѣ, осмѣялись пожало-
ваться полководцу на то, что въ домахъ, въ которыхъ прожи-
вали бѣлые женщины, были расквартированы цвѣтныя части
Каракана. На это послѣдовало официальное указание, что во
время мірской войны французы точно такъ же расквартировы-
вали въ прирейнскихъ деревушахъ своихъ сенегальцевъ. И
вся Америка внимала по радио этому отвѣту.

Спидъ Бинней и я, направляясь въ автомобилѣ изъ Кве-
бека въ штатъ Мэнъ, захватили съ собою спасавшихся бѣ-
ствомъ бѣлыхъ женщинъ и дѣтей.

Одна изъ нихъ, бѣлокурая француженка, съ расширившимися отъ ужаса глазами, рассказала мнѣ слѣдующее:

— Вы и не представляете себѣ, что тамъ происходит —
на поляхъ сраженія наши солдаты лежатъ непогребенными.

Наши сестры и дочери захвачены въ плѣнъ и увѣдены въ желтый лагерь. Наши мужья и братья принуждены работать на желтыхъ. Въ нашемъ мѣстечкѣ каждый день происходили разстрѣлы, — они не знаютъ жалости. Наши духовные наставники висятъ на телеграфныхъ столбахъ. Господи! То, что я видѣла, неописуемо!

Отрядъ Хемптона Фергюссона, состоявшій изъ двадцати тысячъ человѣкъ, вынужденъ быть сдаться въ плѣнъ, и этимъ закончилось сопротивленіе, которое можно было оказать въ рѣчной области.

Галифаксъ былъ взятъ съ суши, и гавань наполнилась судами краснѣхъ.

И снова возобновилась высадка непріятельскихъ войскъ, на сей разъ захватившихъ самые крупные и оборудованыи порты міра. Караканъ оставилъ расположатль отличной базой для своихъ морскихъ операций.

Американская армія, посаженная на автомобили различ-
ныхъ системъ, начинная отъ прозивокъ и кончая элегантнѣй-
шими лимузинами, принуждена была отступить — въ даль-
нѣйшемъ удерживать въ своемъ распоряженіи желѣзодорож-
ный путь Вудстоукъ-Сентъ-Андрю не представлялось возмож-
нымъ. По мѣрѣ изыскованія у автомобильного транспорта
бензина, — новый подвозъ горючихъ веществъ былъ невозмож-
енъ изъ-за безпрерывныхъ воздушныхъ атакъ непріятеля, —
войска принуждены были спѣшиваться и отступать на югъ,
ходя за Великую Тихоокеанскую дорогу.

Завоеватель захватилъ первый клочокъ земли въ Новой Англіи. Два днѧ спустя послѣ занятія Квебека онъ занялъ Бангоръ.

17 июня линія фронта, судя по огромнымъ картамъ, выѣ-
щеннымъ въ витринахъ крупнѣйшихъ газетъ, проходила въ
пятьнадцати километрахъ восточнѣ Жекмена, Южнѣ Квебека
и загибала затѣмъ къ Бельфаству въ штатъ Мэнъ. Бангоръ
попалъ въ руки непріятеля, и теперь американская войска опи-
рались на просесъ, шедшее отъ Августы къ городку Армстронгъ
въ штатѣ Квебекъ. Этотъ участокъ фронта былъ протяженіемъ
въ триста двадцать километровъ.

Сознанію американцевъ быть нанесенъ сокрушительный

ударъ. Мужчины съ содроганиемъ взирали на вытѣшеннаго въ витринахъ сводки и линію фронта.

Ежечасно выходившія экстренные телеграммы огромнѣйшими, кричащими буквами извѣщали о сильно преувеличенныхъ успѣхахъ американцевъ, что казенный успѣхъ не могъ никакого успокоить. Паника продолжала расти.

Въ слѣдующіе пять мѣсяцевъ войны президентъ Смитъ призывалъ подъ знаменемъ еще пять миллионовъ американцевъ. Страна заполнилась людьми, носившими походное снаряженіе. Но на каждого счастливца, которому было выдано обмундированіе цѣлѣхъ, имѣлось по крайней мѣрѣ двое, продолжавшихъ носить штатское платье и ограничившихъ лишь узенькой полоской защитного цѣлѣта на рукахъ, свидѣтельствовавшей о томъ, что они зачислены въ ряды армии.

Казармы были переполнены новобранцами до отказа, и повсюду чувствовалася недостатокъ не только въ обмундированіи и въ снаряженіи, но и въ инструкторскихъ кадрахъ.

Большинство призванныхъ никогда въ жизни не держало въ рукахъ огнестрѣльного оружія, а въ распоряженіи правительства не имѣлось потребнаго количества ружей, и большей части новобранцевъ приходилось коротать время въ строевыхъ занятіяхъ и въ пѣшіи солдатскихъ пѣсень.

Всѣ театральныя и концертныя помѣщенія были реквизированы для нуждъ арміи и превращены въ казармы. Въ нѣкоторыхъ городахъ для расквартированія войскъ были реквизированы тюрьмы.

На фронтъ безпрестанно бросались эшелоны наполовину обученныхъ новобранцевъ. Они перебрасывались по направлению къ Орегону и Новой Мексикѣ, поступая въ распоряжение командированія, использовавшаго ихъ для пополненія убыли на позиціяхъ.

Воинскій духъ въ потрапленныхъ красными американскихъ частяхъ заставлялъ желать много лучшаго. Всюду слышались упреки по адресу авіаціоннаго вѣдомства, не сумѣвшаго оградить армію отъ воздушныхъ атакъ непріятеля, и на снабженіе арміи, остро чувствовавшей недостатокъ въ боевыхъ притонахъ и въ продовольствіи.

— Ахъ, вы летчики? — презрительно протянулъ какой-то

лейтенантъ, котораго владѣлецъ отеля въ августѣ познакомилъ со Спидомъ Биннингемъ. — Я зюе-что читалъ о васъ, летчикахъ во Франціи. Тамъ вы занимались только тѣмъ, что расшивали шампанскіе. А воевать вы предпочитали въ магазинахъ, десять лѣтъ спустя послѣ окончанія войны. Вотъ они, наши герои воздуха!

Единственные летчики, которыхъ мнѣ суждено было видѣть на фронтѣ, удирали отъ китайцевъ на югъ, не оказывая имъ сопротивленія.

Спидъ Биннингемъ густо побагровѣлъ.

— Въ нѣкоторомъ отношеніи вы правы, — признался онъ, отъ трудомъ овладѣть собою. — Вотъ уже три недѣли, какъ я не сидѣлъ въ аэропланѣ. Увы, ихъ больше у насъ не существуетъ.

— Что вы хотите сказать, признавая его правымъ лишь въ нѣкоторомъ отношеніи? — вмѣшился въ бесѣду владѣлецъ отеля, мастеръ Лайнъ. — Въ чёмъ онъ неправъ? Почему наши летчики не способствуютъ нашей оборонѣ?

— Во всемъ виновата наша идіотская система, — отвѣтилъ Спидъ. — И поэтому нашъ воздушный флотъ болѣе не существуетъ. Каждый дивизіонный командиръ на фронтѣ вынужденъ былъ вытребовать себѣ аэропланы для защиты своей дивизіи. Такъ было на сѣверѣ, такъ было и въ Новой Мексикѣ. И вотъ, поэтому намъ и приходилось терпѣть пораженія.

Въ Европѣ я имѣлъ возможность наблюдать, какъ действовали воздушныя силы Каракана. Онъ уничтожалъ все, что имѣло падалось на пути. Онъ добивалася этого тѣмъ, что каждый командиръ отряда имѣлъ возможность проявить наступательную инициативу. Въ воздухѣ такъ же мало панковъ выиграть сраженіе обороняясь, какъ и на суши и на морѣ. Побѣда принадлежитъ тому, на чьей сторонѣ инициатива, и кто наносить сокрушительный ударъ.

Мы развѣяли наши воздушныя силы и превратили ихъ въ стаю голубей. Вы знаете, какова участъ голубя, когда на него набрасывается коршуно? Вотъ вамъ и результатъ — наши голубки попали.

Но все же нѣкоторая часть американскихъ воздушныхъ

силь уцѣльла. Но ихъ берегли для активной операциі. 18 июня заголовки газетъ извѣстили населеніе объ этой новой тактике слѣдующимъ образомъ:

„Воздушная эскадра Соединенныхъ Штатовъ бомбардируетъ Галифаксъ. Огромный транспортъ красныхъ съ десятью тысячами тоннъ тринитроугола потопленъ. Разрушительные взрывы въ городѣ и въ гавани. Огромныя человѣческія потери. Морской базы Каражанъ на Атлантическомъ океанѣ болѣе не существуетъ.“

Опубликованныя сообщенія сильно преувеличивали достигнутые результаты и умалчивали о томъ, что большая часть американской воздушной эскадры была уничтожена на обратномъ пути, подвергшись нападенію превосходящихъ силъ противника.

Литованіе населенія по поводу одержанного надъ Галифаксомъ „успѣха“ оказалось очень непріодолжительнымъ. Уже на слѣдующую ночь Каражанъ отвѣтилъ на налетъ на Галифаксъ налетомъ на Бостонъ. Бинненъ и я какъ разъ въ эту ночь находились въ этомъ городѣ, куда мы приѣхали провѣдать родителей Уайта Доджа, жившихъ на Беконъ-Стритъ.

— Разрѣшите доложить вамъ, сэръ, — невозмутимо замѣтилъ дворецкій, обращаясь къ хозяину дома, — что мнѣ только что сообщили о томъ, что по направлению къ городу летѣть непріятельская воздушная эскадра и что въ ближайшемъ будущемъ городѣ подвергнется воздушной бомбардировкѣ.

Поліція сообщила по всѣмъ телефонамъ о тревогѣ и предложила потушить все огни, не выходить на улицу и по возможности укрыться въ подвалахъ. —

— Хорошо, Ходжинисъ, — столь же невозмутимо отвѣтилъ дворецкому мистеръ Доджъ. — Позаботьтесь о томъ, чтобы въ подвалъ было снесено диванъ для миссисъ Доджъ. Для меня привнесите кресло, чайникъ и настольную лампу. И не забудьте отнести въ погребъ вечернюю газету.

Мы послѣдили попрощаться со стариками и вышли на улицу.

По улицамъ проносились пожарные автомобили, наполняя

ихъ ревомъ сиренъ и тревожнымъ звономъ. Городъ погрузился во мракъ. Сотни людей стремительно бросались къ автомобилямъ, чтобы поскорѣе выбраться изъ города, но улицы были погружены во мракъ, и автомобили могли продвигаться лишь съ большими трудомъ. Кое-гдѣ произошли столкновенія.

Первая бомба красныхъ разорвалась недалеко отъ Паркъ-Спирта. Сотрясеніе воздуха было такъ сильно, что не только полопались всѣ стекла въ ближайшихъ кварталахъ, но и рухнули своды подземной желѣзной дороги.

Нападавшіе бросали внизъ ракеты, къ которымъ были прикреплены маленькие парашюты. Проекторы, установленные на окраинахъ города, шарахнули по небу, пытаясь уловить снарядами сбыва пропаганды. А затѣмъ на городѣ низринулась смерть. Одна изъ бомбъ упала на дворъ Конлей-отеля, взорвалась, разрушила часть зданія и убила сто восемнадцать человѣкъ обитателей отеля.

Другая бомба разорвалась на крыше станціи подземной желѣзной дороги, — на станціи этой тщетно искали убѣжища три тысячи человѣкъ. Несколько сотъ человѣкъ были отглушены и убиты силой взрыва, а большая часть склонившихся тамъ людей поплыла отъ послѣдовавшей за взрывомъ давки.

На густо населенные кварталы Чарльстона, Восточного и Южнаго Бостона бомбы сыпались десятками, и тамъ, где онѣ взрывались, вспыхивали пожары, довершавшіе разрушеніе, произведеннное взрывами.

Одна изъ бомбъ обратила въ груду обломковъ огромное зданіе издательского треста „Атенеумъ Прессъ“. Другая бомба разрушила Харвардскій стадіонъ.

Послѣ того, какъ бомбардировка прекратилась, Бостонъ облегченно вздохнулъ и приступилъ къ подсчетамъ своихъ потерь.

Тысячи любопытныхъ выползли изъ своихъ укромныхъ угловъ на заваленія обломками улицы.

И тогда началась вторая бомбардировка. На этотъ разъ непріятельский воздушный флотъ ринулся на городъ внезапно. Непріятельские аэропланы летѣли на очень большой высотѣ и спустились надъ городомъ съ приглушенными моторами.

Высыпавшее на улицы населеніе охватила дикая паника,

— все поспѣшили скрыться въ погребахъ, и туннеляхъ подземной желѣзной дороги. Одна изъ бомбъ повредила канализационную трубу, и восемьсотъ человѣкъ утонуло въ затопленныхъ водами потокомъ погребахъ. Слѣдующія бомбы разрушили газовыя трубы, и пожары довершили разрушеніе Чарльстона.

Нанесенный материалярный ущербъ не имѣлъ особаго значенія; столь же сразнително неизначительны были нанесенные разрушенія и въ стратегическомъ отношеніи, но гибель семи тысячъ человѣкъ заставила содрогнуться всю Америку. Направительство обрушилось гради упрековъ въ томъ, что американская дивизія оказалась безсильной оградить жизнь гражданъ.

Часть американского воздушного флота, состоявшая изъ пятидесяти четырехъ аэроплановъ, пыталась пропитостоять непріятельскому написку и помѣшать воздушному налету, но вооруженная въ бой съ превосходящими силами противника большую частью была уничтожена.

Лишь пятерымъ пилотамъ удалось выбраться живыми изъ этой адской бойни.

Очень значительнымъ было то обстоятельство, что изъ огромнаго числа сброшенныхъ непріятелемъ бомбъ только три упали въ портъ. Широкіе слои публики не отдавали себѣ отчета въ значеніи этого факта. Караканъ отлично понималъ, что, пока американский флотъ запертъ въ Мексиканскомъ заливе, портовые сооруженія не имѣютъ для Америки никакого значенія, и поэтому не хотѣлъ ихъ разрушать. Караканъ разсыпалъ ихъ использовать для своихъ нуждъ.

Результатомъ бомбардировки Бостона явилось то, что собравшіеся на конгрессъ бургомистры и губернаторы всѣхъ штатовъ и городовъ спѣшно потребовали принятія мѣръ для обороны населенныхъ пунктовъ отъ воздушныхъ налетовъ непріятеля.

Но генеральный штабъ, не рискнувши предоставить остатки имѣвшихся въ его распоряженіи оборонительныхъ средствъ для нуждъ отдѣльныхъ городовъ подвергся ожесточеннѣмъ нападкамъ, и у президента Сmita хватило достаточно гражданскаго мужества для того, чтобы прикрыть своимъ авторитетомъ препрѣщенія военныхъ властей.

Объяснить широкимъ кругамъ населенія, что остатки имѣвшихся средствъ должны были быть сбережены для охраны важнѣйшихъ пунктовъ страны, — то-есть для защиты пенсильванскихъ рудниковъ и копей, Ниагарской силовой станціи и стратегическихъ желѣзныхъ дорогъ — не представлялось возможными.

Нынѣ въ распоряженіи Каракана были всѣ порты и железнодорожные сооруженія Квебека, Галифакса и Сентъ-Джонса и имѣлась полная возможность продолжать наступление вдоль рѣки св. Лаврентія въ Восточный Мэнъ. Рѣшительный ударъ наносился на канадскомъ флангѣ.

Вскорѣ американскій и канадскій заслонъ почувствовалъ на себѣ сокрушительный напоръ непріятельскихъ войскъ, продолжавшихъ тѣснить наши войска въ этомъ коридорѣ шести-десети километровъ шириной.

Пути сообщенія въ тылу нашихъ отрядовъ безпрестанно подвергались воздушнымъ атакамъ. Фронты были прорваны, и наши части вынуждены были податься назадъ. Небольшія рѣчныя суда, поднявшись вверхъ по рѣкѣ, обстрѣливали наши части съ тыла.

Отходъ нашего праваго фланга открылъ доступъ непріятельскимъ силамъ къ озеру св. Петра. На югѣ наши войска отступили къ Шербрукѣ, въ противномъ случаѣ наши лѣвый фланги могли быть отрѣзаны отъ основныхъ силъ нашей арміи.

Наконѣцъ непріятеля въ направлении на Мэнъ нѣсколько ослабѣлъ, но все же онъ, поддержаній своей авиаціей, продолжалъ развертывать наступленіе.

Гражданское населеніе Августы поспѣшило спастись бѣгствомъ въ Левистонъ, и, послѣ длившагося цѣлый день боя, краснѣя войска заняли главный городъ штата.

Потери американцевъ и канадцевъ были очень велики. Околошавшимся въ тылу передовыхъ позицій резервамъ не пришлось даже продвинуться впередъ на линію боя, — Караканъ продвинулъ линію боя къ нимъ. Канадцы оказывали ожесточенное сопротивленіе. Заѣхавши съ пулеметами отряды, разстрѣливали всѣ снаряды, переходили въ штыковой бой, тщетно пытаясь пропитостоять въ неравной борьбѣ.

Теперь наступленіе Каракана развертывалось по обѣ сто-

роны отъ реки. Едва инженеры успели исправить железнная дорога, ведущая на запад къ Монреалю, какъ повторные воздушные налеты снова привели ихъ въ негодность. Шоссе въ тылу американскихъ войскъ превратились въ рядъ огромныхъ воронокъ, лишившихъ возможности использовать эти дороги для сообщения.

На утро 20 июня передовые отряды красныхъ достигли Монреаля. Войскамъ Каракана, продвигавшимся вдоль Тихоокеанской дороги, удалось переправиться черезъ реку Оттаву и Бэкъ, несмотря на то, что переправы обстреливались легкой франко-канадской артиллерией.

Караканъ, лично руководившій переправой, использовалъ свои неисчислимые авиационные резервы для создания дымовой и газовой завесы, подъ прикрытиемъ которой ему и удалось совершилъ операцию. Красный суда, находившіяся на рекѣ, бомбардировали Чемблей двадцатишестиметровыми снарядами. Артиллерийская дуэль разрушила до основания университетъ Макть-Гилля и госпиталь Викторіи. Сотни раненыхъ въ тщетныхъ попыткахъ спастись погибли.

Прежде чѣмъ защитники города отступили, они попытались, хотя и безуспешно, поджечь мастерскія Тихоокеанской дороги, артиллерию Каракана тщательно пыталась не допустить въ нихъ разрушений.

Большинъ результатовъ удалось добиться подрывными командами, взорвавшими шлюзы реки св. Лаврентія и надолго лишившими возможности плаванія по рекѣ.

Монреаль капитулировалъ 21 июня послѣ обѣда — пять тысячъ канадцевъ и тысяча американцевъ попали въ плѣнъ.

Линія фронта отошла на юго-западъ по направлению къ рекѣ Ришелье — старой границѣ между Канадой и Вермонтомъ — къ городамъ Филиппсбургъ и Ричфордъ.

Въ теченіе тридцати шести дней ожесточеннѣйшихъ боевъ красные развернули свой фронтъ шириной въ 320 километровъ и продвинулись впередъ на 270 километровъ.

Американцы и канадцы отлично понимали, какимъ образомъ въ свое время немцамъ удалось осуществить столь быстрое наступление въ Бельгіи, но для того, чтобы они поняли, что то

же самое могло осуществиться въ Канадѣ, имъ пришлось испытать ужасы войны на дѣлѣ.

Наши казенные оптимисты, отмѣчая, что наступленіе Каракана развертывается въ Канадѣ медленнѣ, чѣмъ прошлое годнее наступленіе его въ Европѣ, пытались изъ этого сдѣлать выводъ, что сопротивленіе, оказываемое американскими войсками, было упорнѣе сопротивленія, оказанного Европой. Впервые желтой лавинѣ суждено было встрѣтиться съ націей, свободной отъ классовыхъ противорѣчій.

Но эти слѣдующіе четыре мѣсяца и десять дней борьбы съ Караканомъ Америкѣ пришлось испытать большую бѣду и потрясеній, чѣмъ за всю исторію ея существованія. И несмотря на это, по мѣрѣ продвиженія Каракана росла и способность американцевъ къ сопротивленію, рожь ихъ воинскій духъ. Если американцамъ и не удалось простоять передвиженіе Каракана, то во всякомъ случаѣ цѣнью неисчисленного множества жизней удалось замедлить его наступленіе. Караканъ же сталъ вѣжидать въ Монреалѣ.

Въ то время, какъ тысячи военныхъ и гражданскихъ плѣнныхъ подъ присмотромъ желтыхъ надсмотрщиковъ работали надъ восстановленіемъ разрушенныхъ дорогъ и средствъ сообщенія, Караканъ использовалъ переднюю въ его распоряженіе равнину южнѣе стѣ Монреаля и продолжалъ наступать вдоль реки Ришелье.

Передовые отряды желтыхъ уже вторгались въ штаты Нью-Йоркъ и Вермонтъ. Американскія позиціи у Платтбурга не выдержали непріятельского штурма, и Сентъ-Альбансъ и Мильтонъ на берегу Вермонтскаго эзера перешли въ руки непріятеля. Городъ Берлингтонъ въ штатѣ Вермонтъ подвергся ожесточенной воздушной бомбардировкѣ.

Монгольская кавалерія прорвалась въ тылъ и внесла разстройство въ ряды отступавшихъ американскихъ войскъ. Въ ожесточенныхъ бояхъ эта кавалерія попала до послѣдняго человека, но ей удалось задержать прибытие американскихъ подкрепленій въ города Монпелье.

Попрежнему непріятель разрушалъ въ тылу американцевъ железнодорожныя магистрали, — непріятельские летчики бомбардировали не только железнодорожные дороги, но и порты на по-

бережки. Съ фланговъ наступающія войска Каражана обстрѣливались застѣнными въ горныхъ дебряхъ стрѣлками и пулеметчиками. Противъ этихъ имѣльчаковъ Каражанъ выслалъ отряды своей кавалеріи. Дѣйствія непріятельской авиаціи лишали американцевъ возможности сконцентрировать свои войска и собрать ихъ въ болѣе мощную боевую единицу. Горы лишали возможности развернуть боевыя операциі, и война приняла характеръ партизанской войны, воскрешая въ современникахъ воспоминанія о „Кожаномъ Чулкѣ“ и герояхъ Фенимора Купера.

Красный Наполеонъ рѣшилъ перебросить главныя силы на югъ, по ту сторону водного пути, въ свое время прозванного ирокезами и могавками „Военной тропой народовъ.“

Этимъ путемъ въ свое время продвигались лилит Бурбонъ, этимъ же путемъ развертывалось нѣкогда наступленіе англичанъ, когда они полтора столѣтія тому назадъ сдѣлали попытку покорить молодую заокеанскую республику; путь этотъ сталъ для американцевъ чрезвычайно связаннымъ съ именами Старка, Роджерса, Пуинема. На этой дорогѣ пали безчисленныя количества американскихъ, английскихъ, французскихъ, голландскихъ и краснокожихъ воиновъ, и снова повторялась история, — снова по этой дорогѣ спруился потокъ завоевателей, объединившихъ въ своихъ рядахъ представителей всѣхъ расъ мира.

На лѣвомъ флангѣ своего фронта Каражанъ продолжалъ наступленіе. Его оборудованія по послѣднему слову техники береговыхъ укрѣплений могли противостоять любому нападенію моря. Потеря Америкой сѣверныхъ атлантическихъ портовъ, игравшихъ такую большую роль въ мировой торговѣ хлѣбомъ, была болѣзнью воспринята общественностью мнѣніемъ. Несмотря на то, что американскимъ подводнымъ лодкамъ и удалось потопить нѣсколько транспортовъ и крейсеровъ Каражана, безспорными оставалось то обстоятельство, что два дня спустя послѣ занятія портовъ Каражанъ уже получилъ возможность высадить на территорію штата Мэнъ большой десантъ. Построенные по послѣднему слову техники жѣлезо-бетонныя портовыя сооруженія оказались очень прочными, и попытка

американцевъ разрушить ихъ при отступлении потерпѣла неудачу.

На атлантическомъ побережью американцамъ удалось добиться частичныхъ успѣховъ и южнѣе Портленда пристановить наступление противника, но и этотъ частичный успѣхъ не далъ возможности перейти въ контроль-наступленіе. Каражанъ проочно держалъ въ своихъ рукахъ захваченную имъ жѣлезнодорожную линію Портлендъ—Монреаль.

Страданія скверно обученныхъ, терпѣвшихъ недостатокъ въ снаряженіи и боевыхъ припасахъ, американскихъ солдатъ, мужественно пытающихся противостоять наступленію Каражана, не поддаются описанію. Списки павшихъ въ бою подъ Саратогой были настолько ужасны и многочисленны, что правительство въ теченіе ряда мѣсяцевъ не рѣшалось опубликовать ихъ. Во время боевъ подъ Саратогой американцы неожиданно обрѣли двухъ союзниковъ. Вышать снѣгъ, и 3го ноября рѣка Кв. Лаврентія замерзла, — тѣмъ самымъ Каражанъ лишился своей главной водной артеріи, по которой развивалось его наступленіе. А во-вторыхъ, въ тылу его войскъ вспыхнула жестокая эпидемія инфлюензы.

Во всѣхъ щерквяхъ Америки по этому случаю возсыпались благодарственные молитвы.

Но у Каражана въ Европѣ и въ Азіи имѣлись неисчислимые человѣческие резервы, а незамерзающіе въ теченіе всего года порты Галифаксъ и Сентъ-Джонъ давали ему возможность продолжать переброску войскъ на американский континентъ и зимою. Особенное значеніе для Каражана приобрѣла незамерзающая гавань Портлендъ. Но склады Портленда не смогли принять все количество потребнаго для четырехъ-миллионной экспедиціонной арміи Каражана боевого снаряженія.

Когда бой въ сѣверномъ направлѣніи отъ Нью-Йорка нѣсколько утихли, американскія войска заняли позиціи по линіи озера Онтаріо, безчисленнаго множества островковъ на этомъ озерѣ и долины Черной Рѣки—до Гудзона. Въ западной части штата Нью-Йоркъ опорными пунктами американцевъ были Сиракузы, Албаніи и Утика. Города эти подверглись воздушнымъ налетамъ, но линія фронта продолжала находиться къ

съверу отъ этихъ городовъ, и послѣдніе находились въ зонѣ обстрѣла шепрѣтельской артиллериі.

Съвериѣ Бостона позиціи американцевъ подверглись нападку съ фланговъ, и американцы были принуждены поддаться назадъ подъ угрозой обхода. Караканъ отчаянно отдавалъ себѣ отчетъ въ соудающемся положеніи. Онъ усилилъ свои войска флотиліей, находившейся въ Портлендѣ, послами на участокъ фронта у Атлантическаго океана сибирскія части, привыкшія къ морозамъ, и началъ наступленіе, завершившееся въ ночь на Рождество въ 1934 году занятіемъ Бостона.

Америка не могла остановить его наступленія. Генеральныи штабъ въ Вашингтонѣ полагалъ, что гораздо важнѣе защищить Нью-Йоркъ, пожертвовавъ старымъ культурными центромъ, какимъ являлся Бостонъ.

Наступленіе Каракана отъ Монреаля на Саратогу длилось сто тридцать два дня. За этотъ срокъ Караканъ продвинулъ на 320 километровъ.

На долю Америки выпало безрадостное Рождество. Съ трехъ сторонъ шепрѣтель вторгся въ страну — Новая Англія была захвачена, и врагъ угрожалъ промышленному сердцу страны — угольному району Пенсильваніи.

Восемь миллионовъ американцевъ были призваны въ армію. Пять миллионовъ американцевъ находились на канадскомъ фронтѣ. На западѣ, — въ Орегонѣ два миллиона американцевъ пытались остановить желтую лавину, несущуюся съ Тихаго Океана. И на конецъ одинъ миллионъ бойцовъ защищалъ подступы съ суши къ Мексиканскому заливу.

Вскорѣ послѣ Нового Года въ Нью-Йоркѣ приѣхалъ Уайт Доджъ. Явившись ко мнѣ въ „Нью-Вестерн-Отель“, онъ напугалъ меня слѣдующимъ сообщеніемъ:

— Марго находится въ Америкѣ, — сказалъ онъ.

— Откуда вамъ обѣ этомъ извѣстно? — спросилъ я.

— Двѣ недѣли тому назадъ я высадился на ирландскомъ побережкѣ въ Боунтри Бай, гдѣ находится со времени начала похода жена Каракана. Этотъ желтый дьяволъ все еще не желаетъ видѣть своего жену. Лиши обѣщаала ему не беспокоить его при условіи, что онъ позволитъ ей и Марго уѣхать въ Америку. Она просила разрѣшенія отправиться въ Портлендъ,

потому что ее очень беспокоила судьба ея родителей, проживавшихъ гдѣ-то на съверѣ отъ Бостона. Караканъ позволилъ ей отправиться въ Америку. Несмотря на то, что они не пытаются къ ней никакихъ чувствъ, они не могутъ отказать себѣ въ тицеславномъ желаніи позволить ей познакомиться съ его дѣятѣями. Когда я разыскала ихъ, они готовились къ отѣзду. Я подробнейшимъ образомъ описала имъ одинъ изъ пунктовъ на побережкѣ, служащей базой для нашихъ подводныхъ лодокъ, и тамъ мы должны встрѣтиться черезъ пять ночей.

— Но откуда они смогутъ узнать, въ какую ночь вы явитесь за ними? — спросилъ я.

— Въ этомъ вы мнѣ поможете, — отвѣтилъ Доджъ. — Она будетъ въ Портлендѣ принимать сообщенія по радио, и вы приѣхаете къ помощи нашего старого шифра. Въ передаваемыхъ по радио сообщеніяхъ незамѣтно вставьте и наше сообщеніе. Она будетъ стеноографировать всю передачу, а потомъ расшифруетъ ее.

— Уайт, это чертовски опасная затѣя. Если она обнаружится, то вамъ не сдѣлать!

— Я знаю, — сказалъ Доджъ. — Но вотъ уже годъ, какъ она витаетъ между жизнью и смертью. Вѣдь я былъ лишь ея курьеромъ. Сообщенія ея обѣ организаціи англійской промышленности и внутренней политикѣ Каракана были самыми важными сообщеніями, которыхъ Вашингтону удалось получить изъ шепрѣтельского лагеря. Марго отдаетъ себѣ отчетъ въ томъ, какой она подвергается опасности, что она знаетъ, что другого исхода нѣтъ.

Послание Марго, которое мнѣ удалось включить въ разсылаемыя по радио сообщенія, гласило:

„БУХТА ГРЕЯ, ПОЛНОЧЬ, 7 ЯНВАРЯ.“

Въ теченіе слѣдующихъ пяти дней сообщеніе это передавалось ежедневно.

10

Озабоченный всѣмъ происходящимъ, я съ трепетомъ ожидалъ до середины января возвращенія Уайта Доджа въ Нью-

Йоркъ. Получила ли Марго Дениссонъ мое сообщение и удалось ли его опасная авантюра? Удалось ли ему безпрепятственно проникнуть въ тыль шефриательского расположения?

Удалось ли американской подводной лодкѣ незамѣтно пробраться къ побережью, сумѣли ли Уайтъ высадиться на берегъ и затѣмъ снова возвратиться на лодку?

Для того, чтобы хоть нѣсколько забыться, я попытался сть головою уйти въ изученіе положенія на материкѣ. Были ли мы подготовлены къ весеннему возобновлению военныхъ дѣйствій? Не было никакого сомнѣнія въ томъ, что съ наступленіемъ весны Караканъ начнетъ развивать операции на всѣхъ трехъ фронтахъ: и въ Новой Англіи, и на Тихоокеанскомъ побережью, и у Мексиканскаго залива.

На территории Соединенныхъ Штатовъ отныне находились двѣ непріятельскія арміи общей численностью до шести миллионовъ человѣкъ. Однако это обстоятельство особаго вниманія нашихъ южно-американскихъ союзей не привлекло.

Со днія начала войны въ Америкѣ въ распоряженіе Каракана перешли главнѣйшия южно-американскіе порты, какъ-то: Ріо-де-Жанейро, Буэнос-Айресъ, Вальпараисо и рядъ болѣе мелкихъ.

Разрозненныя боевые единицы чилійскаго, аргентинскаго и бразильскаго флотовъ попытались оказать сопротивление флоту Каракана и были разгромлены. Лишь двумъ чилійскимъ крейсерамъ, одному аргентинскому крейсеру и одному бразильскому броненосцу удалось избѣжать печальной участіи остальныхъ судовъ и прорваться въ Мексиканскій заливъ и присоединиться къ флоту Соединенныхъ Штатовъ.

Овладѣвъ южно-американскими портами, Караканъ гарантировалъ себѣ безперебойный подвозъ сырья для нуждъ своей европейской и азиатской промышленности, — особое значение имѣло то обстоятельство, что отныне боливийскій свинецъ находился въ распоряженіи Каракана. Для Соединенныхъ Штатовъ это было тяжелымъ ударомъ.

Южно-американская государства, до сего времени обслуживавшіяся американской промышленностью, теперь принуждены были ввозить рядъ промышленныхъ изделий изъ Европы и прѣдѣломъ подчиниться волѣ Каракана. Сопротивление было

бы безполезнымъ, ибо Караканъ безраздѣльно властвовалъ надъ морями.

Отношенія между Канадой и Соединенными Штатами, на первыхъ порахъ носившія натянутый характеръ въ связи съ происшедшими пограничными инцидентами, наладились: единство интересовъ обоихъ государствъ заставило ихъ сплотиться, несмотря на различіе ихъ политическихъ системъ. Эдуардъ VIII, сынъ покойнаго короля Георга V, въ свое время столь популярный принцъ Уэльскій, послѣ паденія Оттавы переехалъ въ Вашингтонъ. Туда же прибылъ рядъ европейскихъ монарховъ, лишившихся троновъ. Присутствие этихъ коронованныхъ особъ въ Вашингтонѣ было использовано въ цѣляхъ пропаганды и для привлечения въ ряды арміи множества бѣженцевъ изъ Европы, наводнившихъ Америку. Подъ руководствомъ американскаго командования были сформированы англійскіе, французскіе, германскіе и скандинавскіе иностранніе легіоны,увѣнчавшіе себя славой, сражаясь бокъ-обокъ съ американскими войсками.

Но вскорѣ популярности Эдуарда въ Вашингтонѣ пришелъ конецъ. Красное командование опубликовало по радио секретные документы, попавшіеся ему въ руки при занятіи Лондона. Непріятельское сообщеніе гласило:

„Рѣчи бывшаго англійскаго короля и японскаго монарха, созывавшихъ, какъ сообщаетъ американская радиостанція, обращаться къ Америкѣ съ призывомъ воевать противъ Панъевразійскаго Союза, приобрѣтаютъ особую пикантность признакомъ съ секретными документами, обнаруженными въ японскомъ и англійскомъ министерствахъ иностраннѣхъ дѣлъ.

Рѣчь идетъ о копіи секретнаго договора между Великобританіей и Японіей, предусматривающаго возможность войны одной изъ этихъ державъ съ Соединенными Штатами. Въ случаѣ конфликта съ Америкой обѣ договаривающіяся стороны обязуются совмѣстно выступить противъ Америки. Тайный договоръ предусматриваетъ англійское вторженіе въ Америку черезъ Монреаль и высадку японскихъ войскъ на Тихоокеанскомъ побережью. Одновременно съ походомъ черезъ Канаду на Вашингтонъ объединенныя воздушныя силы Японіи и Англіи совершаютъ налетъ на Панамскій каналъ.

Военное въдомство красныхъ заполучило въ свои руки разработанные до мельчайшихъ деталей планы вторженія въ Сосединніи Штаты и проекты уничтоженія американскаго морскаго флота, и Каракану пришлось лишь внести въ эти планы рядъ незначительныхъ измѣненій. Вторженіе въ Соединніи Штаты осуществилось на основѣ военныхъ плановъ обоихъ монарховъ, нынѣ пользующихся гостепримствомъ Вашингтонскаго правительства.»

Наконецъ-то, 15 января моему безпокойству за судьбы Уайта Доджа и Марго Дениссонъ наступилъ конецъ: ко мнѣ, по обыкновенію своему улыбаясь, вошелъ молодой морякъ и сказалъ:

— Все въ порядке! Никто не прослѣдилъ насъ, и я добрался на лодкѣ до берега и засталъ Марго въ условленномъ мѣстѣ. Мы провели вмѣстѣ цѣлый часъ. Она на самомъ дѣлѣ исключительная дѣвушка!

Караканъ промѣстилъ Линъ и Марго въ маленькомъ заброшенномъ коттеджѣ на берегу озера Себаго. Онъ выпрыгнулъ свободно передвигаться и къ ихъ распоряженію имѣется даже небольшой автомобиль. Къ условленному мѣсту она прибыла въ автомобилѣ съ притупленными изъ предосторожности огнями.

Линъ разыскала своихъ родителей въ Салемѣ, въ штатѣ Массачусетсъ и на этой недѣльѣ перѣѣхть къ нимъ вмѣстѣ съ Марго. Я говорилъ съ нею о томъ, чтобы встрѣтиться снова въ одномъ изъ пустынныхъ уголковъ побережья — а именно между Салемомъ и Глоучестеромъ, у такъ называемой Скалы Омаровъ. Въ дѣствѣ я тамъ ловилъ этихъ гигантскихъ раковъ.

— Караканъ уже видѣлъ Марго? — спросилъ я. Меня забоило это обстоятельство, и я хотѣлъ его выяснить для Стида Биннея.

— Хвала Богу, нѣтъ, — отвѣтилъ Доджъ. — Желтый дѣвволъ не видѣлъ ни ее, ни Линъ. Похоже на то, что ему доставляетъ радость терзать свою жену. Вы вѣдь знаете, что прежде разрывать ей прѣѣхать въ Америку, онъ взялъ съ нея слово, что она не станеть безпокоить его въ ставкѣ. Надѣюсь, онъ никогда не увидитъ Марго.

— Но что находитъ тамъ съ ними? Неужели онъ живутъ тамъ въ полномъ одиночество?

— Съ ними тамъ находится вашъ многорѣчивый пріятель полковникъ Бойеръ. Онъ болѣе чѣмъ когда-либо убѣждѣнъ въ успѣхѣ плановъ Каракана. Иногда онъ бываетъ въ ставкѣ и тогда сопровождается верхомъ Каракана на его утренней прогулкѣ. Онъ разскажетъ счѣнъ много любопытнаго о весеннемъ планѣ кампаніи, и Марго все принялъ къ свѣданію и сообщила мнѣ. Еще сегодня вечеромъ я сообщу обо всемъ нашему генеральному штабу.

На долю Нью-Йорка, Балтимора, Вашингтона и Филадельфии выпадутъ ужасные воздушные налеты и бомбардировки. Главный ударъ Караканъ готовить въ западномъ отъ Гудзона направлении. Марго предполагаетъ, что онъ попытается прорвать налѣгъ фронта, прикрывающей каналъ Эри.

Во что бы то ни стало они хотятъ овладѣть рудниками и колодами Пенсильванскаго района. Срокъ начала наступленія еще не опредѣленъ, потому что онъ принужденъ выжидать, пока не вскроется рѣка св. Лаврентія. —

И словно въ подтвержденіе правильности информаціи Марго, въ ту же ночь Филадельфія стала жертвой ужаснаго воздушного налета.

На слѣдующую ночь непріятельскій воздушный флотъ подвергъ трехчасовой бомбардировкѣ Вашингтонъ. Если число человѣческихъ жертвъ и было не особенно велико, то снаряды разрушили рядъ общественныхъ зданій и нанесли большой ущербъ железнодорожному сообщенію. Тутъ же за налетомъ на столицу Соединніи Штатовъ, не подвергавшуюся нападенію со временемъ 1814 года, когда англичане сожгли городъ, послѣдовала приказъ объ эвакуациѣ и перенесеніи столицы въ пятатъ Миссури, въ Сентъ-Луї.

Когда я возвратился черезъ три года послѣ окончанія войны въ Вашингтонъ, я засталъ въ этомъ городѣ, нѣкогда имѣвшемъ 540 тысячъ жителей, всего лишь десять тысячъ обитателей. Вашингтонъ, бывшій исключительно административно-политическимъ центромъ и не имѣвшій ни культурнаго, ни промышленнаго значенія, опустѣлъ и превратился въ маленький городокъ.

Караканъ наѣхалъ днемъ начала весенней кампаніи 21 апреля. На разсвѣтъ 21 апреля 1935 года артиллерія Ка-

хана открыла на протяжении всего фронта сокрушительный артиллерийский огонь, за которым последовала воздушная бомбардировка.

И въ то же самое мгновеніе желтая войска Каракана возобновили штурмъ американскихъ позицій на тихоокеанскомъ побережкѣ. Одновременно съ этимъ на югъ цѣлѣнья войска возобновили попытки пробиться съ суши къ Мексиканскому заливу.

Возобновленіе операций на всѣхъ трехъ фронтахъ военныхъ дѣйствій имѣло своею цѣлью внести смутеніе въ ряды американского командованія и затруднить ему выясненіе того, на какомъ именно изъ этихъ трехъ фронтовъ будетъ наименѣнъ рѣшающій ударъ.

Каракану удалось бы скрыть свои подлинныя намѣренія, если бы Марго Дениссонъ не проникла въ его планы. Предупрежденіе ею американское командование сконцентрировало всѣ свободныя силы на фронтѣ озера Эри, готовясь отразить напоръ монгольского полководца.

Въ теченіе трехъ послѣднихъ зимнихъ мѣсяцевъ американцы лихорадочно работали надъ укрѣпленіемъ своихъ позицій, и опять американский фронтъ являлся послѣднимъ барьеромъ, отдѣлявшимъ наступавшихъ отъ промышленного сердца страны.

Глубокіе подземные коридоры, крытые бетономъ, соединяли четыре линіи укрѣпленій и открывали возможность планомѣрно отступить въ случаѣ необходимости очистить одну изъ оборонительныхъ линій. На этотъ участокъ фронта была переброшена вся артиллерія, которую можно было безъ особыаго ущерба снять съ остальныхъ фронтовъ.

Несмотря на то, что американская авиация подвергалась реорганизаціи, Караканъ все еще сохранялъ за собою преобладаніе въ воздухѣ, и дѣйствія американскихъ летчиковъ ограничивались лишь несениемъ воздушной разведывательной службы, по возможности не входя въ соприкосновеніе съ непріятельскими воздушными силами.

„Чикаго Трибюнъ“ удалось предоставить въ мое распоряженіе аэропланъ, и въ качествѣ летчика ко мнѣ былъ прикомандированъ, по моимъ настояніямъ, мой старый пріятель

Спидъ Бинней, нагодавшій на меня за то, что я своимъ ходатайствомъ повлекъ его отзваніе съ фронта.

Разумѣется, наль аэропланъ, не причисленный къ военной авиаціи, долженъ быть оставаться безоружнымъ. На крыльяхъ нашето аэроплана красовались огромные красные инициалы на зеленомъ полѣ. Разумѣется, мы не были столь наивны, чтобы полагать, что непріятель не осмѣлится изъуваженія къ международнымъ законамъ веденія войны напасть на насъ, но все же оказалось, что непріятельские авіаторы слѣдовали этимъ правиламъ съ поразительной точностью.

Начало весенней кампаний возложило на меня новыя обязанности. Отныне я былъ не только военнымъ корреспондентомъ, но и несъ радиослужбу. Нашъ аэропланъ былъ снабженъ небольшой радиостанціей, и я регулярно посыпалъ по радио сообщенія, принимавшіяся ставкой нашей новоанглійской арміи, во главѣ которой стоялъ Френсисъ Х. Мелликъ.

Радиостанція ставки принимала мои сообщенія, которыхъ я диктовалъ въ микрофонъ, установленный на аэропланѣ, и затѣмъ передавала по всей радиосети страны.

Петти Стенли, стенографистка, работавшая въ бюро отца Спida, слушала мои сообщенія, стеноографировала ихъ и затѣмъ присыпалъ мнѣ копію моего сообщенія для проѣрки. Такъ какъ рѣчь въ сообщеніяхъ шла о военныхъ событияхъ первостепенной важности, то я позволилъ себѣ привести отрывокъ изъ одного моего сообщенія, извинившись за его краткость.

„У микрофона Флойдъ Гибсонъ. Нахожусь на наблюдательномъ аппаратѣ „Чикаго Трибюнъ“, прикомандированномъ къ западному фронту. Мы летимъ на высотѣ трехъ тысячъ метровъ, курсъ взять на западъ отъ Шенандеди. На этой высотѣ очень холодно, и туманъ препятствуетъ наблюденіямъ. Въ горахъ, въ тылу непріятеля еще лежитъ снѣгъ.

Артиллерійская дуэль вогъ уже два дня длится съ неослаѣвающей силой. На востокѣ надъ какимъ-то населеннымъ пунктомъ виднѣется большое дымчатое облако. Это — Мальта. Городъ находится въ рукахъ красныхъ. Южне отъ Мальты большой поясъ.

Огонь неприятельской артиллерии не ослабывает ни на минуту. Повидимому, красные сконцентрировали свои силы именно на этом участке фронта. Дэзз... Вы слышали?... Не знаю, какъ въамъ понравился этотъ звукъ, но во мнѣ онъ никакихъ пріятныхъ чувствъ не вызвалъ. Это пролетѣла граната, выпущенная однимъ изъ американскихъ зенитныхъ орудий. Спидъ Бинней, сидящій у руля аэроплана, утверждаетъ, что она прошумѣла, какъ проносящейся по улицѣ трамвай.

Спидъ заставилъ аэропланъ снизиться, и теперь мы находимся въ предѣлахъ досягаемости для американскихъ орудий. Если мое сообщеніе неожиданно обрѣтется, то это будетъ означать, что одна изъ гранатъ достигла своей цѣли.

Налѣво отъ меня я вижу тонкую полосу канала Эри. Мы летимъ по направлению къ каналу. Спидъ Бинней тщательно сльдить по сторонамъ, не появится ли неприятельской аэропланъ. Нашъ аэропланъ безоруженъ. Мы беремъ курсъ на сѣверъ.

На одномъ изъ участковъ фронта — недалеко отъ американского расположения — вѣдьмются струи дыма и земли. Широкія полосы проволочныхъ загражденій окаймляютъ этотъ участокъ. Я беру бинокль — теперь я смогу разглядѣть, что тамъ происходитъ.

Здѣсь неприятель перешелъ въ наступленіе. Тщетно пытается онъ пробиться сквозь загражденія. Безпрестанно ложатся здѣсь снаряды. Порой дымъ разсѣивается, и картина боя проясняется, чтобы черезъ мгновеніе все снова заволоклась дымомъ.

Мы летимъ назадъ. Спидъ Бинней повернулся и развилъ полную скорость.... Одно мгновеніе... на горизонте показались аэропланы красныхъ, — они приближаются къ намъ справа. Мы спѣшились улетѣть.

Я очень сочталъ, что мнѣ не пришлося дальше наблюдать за сраженiemъ — отсюда я съ трудомъ различаю проволочные загражденія. На нихъ повисли тѣла желтыхъ — наши ребята удержали позиціи. Но желтые повторять атаку. Я знаю, они не откажутся отъ своего замысла — я наблюдалъ за Караканомъ во время боевъ въ Европѣ и знаю — онъ броситъ въ

объятія смерти десятки тысячъ людей, лишь бы достичьнуть намѣченной цѣли.

Мы летимъ надъ Сентъ-Джонсивиллемъ. Кажется, это Сентъ-Джонсивиль, — но онъ весь разрушенъ. Или это Ричмондъ? Надѣюсь, вы можете сльдить за нашимъ полетомъ по картѣ? Мнѣ нѣсколько затруднительно установить наше мѣстонахожденіе — въ воздухѣ это не такъ-то просто. Для того, чтобы ориентироваться, я долженъ смотрѣть на каналъ Эри. Теперь мы взяли курсъ на западъ.

Подъ нами горитъ какой-то городъ — это, если я не ошибаюсь, Миддлевилль. Около лѣса я вижу вспышки неприятельскихъ батарей. Въ Миддлевилль творится нѣчто ужасное. Городъ окутанъ дымомъ и пламенемъ. Одну минуту... Бинней перемѣнилъ курсъ, и я не могу ориентироваться. Я сейчасъ попыталъся установить по картѣ, где именно мы находимся. Теперь мы летимъ на югъ... нѣтъ, на юго-востокъ. Справа отъ себя я вижу исполнительные столбы пламени. Слышили ли вы шумъ моторовъ? Бинней заставляетъ аппаратъ снизиться — мы вынѣгрыываемъ на скорости. Слышили ли вы завываніе вѣтра?

На опушкѣ лѣса подъ нами возведены земляные укрепленія. Я вижу вспышки орудій — это американская артиллерія. Теперь мы находимся въ тылу нашего расположения. Наші батареи въ лѣсу открываютъ частый огонь. Я не могу разобрать, куда онъ стрѣляютъ, да если бы я даже и зналъ это, то все же не было бы вѣрно сообщить объ этомъ.

Мы летимъ на востокъ. Спидъ кивнулъ головой. Совершенно вѣрно, — мы вторично направляемся на фронтъ. Мы пролетаемъ надъ каналомъ — далеко за неприятельскимъ расположениемъ, за горами блеснула узкая полоска воды. Разрѣшите, я взгляну на карту и опредѣлю, где мы находимся. Совершенно вѣрно, эта полоска воды озера Хенклей. Я предложилъ бы съвѣтъ слушателямъ послѣдовать моему примѣру и также взглянуть на карту. Теперь передо мною снова проволочные загражденія... красные... неприятель... подождите... позиція про-рвана... теперь я вижу...“

На этомъ стеноограмма моего сообщенія неожиданно обрывалась. Причиной столь неожиданного перерыва въ моемъ сообщеніи явился рѣзкій толчокъ — нашъ аппаратъ стремитель-

но взялъ въ сторону, чтобы избѣгнуть столкновенія съ непріятельскимъ аэропланомъ, открывшемъ по нашему аэроплану пулеметный огонь.

Послѣ ряда стремительныхъ эволюцій Бинней удалось избавиться отъ преслѣдователя, и мы спаслись улетѣть на югъ.

Впослѣдствіи просматривая спектограммы своихъ сообщеній, я имѣлъ возможность убѣдиться въ томъ, что мои послѣдовавшія послѣ этой фокусчи съ непріятельскими летчиками сообщенія ничѣмъ не отличались отъ предыдущаго — я не утратилъ способности и способности связно излагать происходящее.

Примѣрно, дважды въ недѣлю мы предпринимали полеты надъ непріятельскимъ расположениемъ, и я описывалъ по радио происходящія сраженія. Въ дальнѣйшемъ непріятельские летчики на насъ не нападали, и я изъ этого сдѣлалъ выводъ, что мои сообщенія по радио достигли слуха не только нашихъ станций, но были услышаны и непріятелемъ. Повидимому, штабъ Каракана распорядился не чинить препятствій моей корреспондентской дѣятельности въ воздухѣ.

А я со своей стороны былъ достаточно предусмотрителенъ и въ своихъ сообщеніяхъ не упоминалъ ни о чёмъ, что могло бы имѣть какое-нибудь стратегическое значение для непріятеля.

Тѣмъ же менѣе мы рѣшили не искушать судьбы и при появленіи непріятельскихъ боевыхъ аэроплановъ спѣшили улетѣть въ свое расположение. Май и июнь мѣсяцы явились мѣсяцами однѣнѣжнѣихъ боевъ. Количество извергнутаго непріятельскими батареями металла и взрывчатыхъ веществъ превосходило любыя количества, фигурировавшія во всѣхъ предшествующихъ войнахъ и еракеніяхъ. Воздушныя силы противника безпрерывно разрушали важнѣйшія стратегическія желѣзныя дороги, и тутъ же эти дороги снова возвставались тысячами рабочихъ рукъ, — безчисленное количество инженерныхъ частей было размѣщено вдоль желѣзныхъ дорогъ и шоссе, и тутъ же послѣ того, какъ непріятельскіе аэропланы, завершивъ свое разрушительное дѣло, скрывались за горизонтомъ, наши отряды принимались за возвстановленіе разрушенаго. Въ силу этого сообщеніе съ фронтомъ не прерывалось, что имѣло для насъ огромное значеніе.

Въ некоторыхъ направленіяхъ желтымъ удалось добиться частичныхъ успѣховъ, — такъ, у Уатертоуна имъ удалось продвинуться въ направлении къ каналу Эри, но на флангахъ наши позиции устояли, и подъ перекрестнымъ огнемъ желтымъ смыло пришлось отойти назадъ.

При этомъ американцы понесли большія потери, но убыль у лицуемъ составѣ была все же менѣе, чѣмъ у противника, уложившаго въ этихъ бояхъ сотни тысячъ людей. По мѣрѣ того, какъ наши позиціи оказывали сопротивленіе упорному наступку Каракана, настроенные въ тылу становились все болѣе и болѣе бордымъ.

Американскій фронтъ сталъ устойчивымъ — таранъ Каракана не достигъ своей цѣли. Впослѣдствіи стратеги и тактики объясняли неудачу Каракановскаго плана его честолюбиемъ и самонадѣянностью. Имѣвшіеся въ его распоряженіи коммуникаціонные пути были слишкомъ недостаточны для того, чтобы онъ могъ, прит помошіи ихъ, перебросить на фронтъ все то количество людей и снаряженія, которое было необходимо для его напора.

Въ день празднованія 4 июля населеніе настроилось на оптимистический ладъ. Вмѣстѣ съ Биннеемъ я провелъ этотъ день у его родителей, проживавшихъ въ Сент-Луи, ставшемъ столицей государства.

— У нашего Аль Смита есть еще мозги въ головѣ, — замѣтилъ восторженно старикъ Бинней, — то обстоятельство, что онъ назначилъ бывшаго президента Соединенныхъ Штатовъ Гувера предсѣдателемъ военно-промышленного комитета, очень ловкий политический ходъ. Къ тому же Гуверъ единственный человѣкъ, который въ состояніи реорганизовать нашу промышленность и вывести ее изъ тупика.

Онъ принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы сырье поступало только въ ту отрасль промышленности, которая работаетъ на оборону. Проведенная имъ типизация ускорила темпъ производства и избавила его отъ большого количества совершиенно лишнихъ работъ. Совершенно изумительны его достижения въ дѣлѣ замѣны недостающаго намъ сырья, какъ-то: резины, свинца, никеля — различными веществами.

Что было бы съ нами въ это лѣто, если бы не прове-денаша имть система реорганизаціи, при которой рядъ производствъ изъ крупныхъ промышленныхъ центровъ бытъ перенесены въ сельскія мѣстности, и промышленность такимъ образомъ не была бы децентрализована, если бы система снабженія ея электрической энергией не подверглась бы реорганизаціи? Послѣ очередного воздушного налета, разрушившаго нашу силовую станцію у водопада Ниагара, и Эдисоновскую станцію, намъ пришлось лишь переключить всѣ предпріятія на другія станціи, и притокъ энергии возобновился. Наша промышленность работает усиленнымъ темпомъ и теперь въ нашемъ распоряженіи снова имѣется большое количество аэроплановъ.

— Я что-то не замѣчалъ ихъ на фронтиѣ, — замѣтилъ сынъ.

— Заткни глотку! — прикрикнулъ на него старикъ. — Ты воображаешь, что можешь судить по своему участку обо всемъ, что происходит на фронтахъ. Въ свое время, когда я сражался во Франціи, я воображалъ то же самое. Подожди, не пройдетъ лѣто, какъ всѣ динамомашины на всѣхъ фермахъ и во всѣхъ поселкахъ будутъ работать на оборону, — производить военное снаряженіе, аэропланы, части, однимъ словомъ все, что можетъ потребоваться для веденія войны.

Авиація Караканъ можетъ взорвать Питтсбургъ и Цинциннати, они могутъ разрушить крупные центры, въ которыхъ сконцентрирована наша промышленность, но они не въ состояніи подорвать дѣятельность всей страны. Гуверовская децентрализація промышленности съ превращеніемъ каждой фермы въ небольшую фабричку, работающую на оборону, единственный исходъ для насъ.

Мы изготавливаемъ на различныхъ фермахъ аэропланы, части. Ночью въ глубокомъ тылу изъ этихъ частей собираются моторы и аэропланы, а на утро они вылетаютъ на фронтъ.

Караканъ не можетъ еженощно бомбардировать всѣ фермы. Если его силы разрушатъ какую-нибудь ферму, то тутъ же производство возобновляется на другой фермѣ. Теперь онъ болѣе, чѣмъ когда-либо, сосредоточилъ свое вниманіе на воздушныхъ бомбардировкахъ — мы еще не выполнили Гуверовской про-

граммы, но какъ только намъ удастся ее выполнить, этому жестому дьяволу придется признать, что мы еще живы.

— Ты правъ, отецъ, — замѣтила миссисъ Бинней, — а теперь послушайте, что дѣлаемъ мы, женщины. Мы больше не штопаемъ носковъ и не шьемъ сорочки. Эти времена прошли. Я часто надсмотрщицей на погрузку угля. Въ моемъ распоряженіи имѣется четыреста женщинъ, и мы еженощно погружаемъ триста вагоновъ и двадцать двѣ баржи съ углемъ. Теперь вамъ придется признать, что и мы, женщины, кое-что дѣлали для спасенія страны.

Но оптимизмъ американцевъ былъ нѣсколько чрезмѣръ. Понемногу артиллерийская дуэль на Нью-Йоркскомъ участкѣ фронта ослабѣла, и 20 июля на восточномъ участкѣ фронта около Гудзона Караканъ перешелъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ.

Онъ сосредоточилъ на этомъ участкѣ большія количества полевой артиллеріи — у американцевъ были прекрасныя бетонированныя позиціи, но чувствовался недостатокъ въ артиллеріи. Все, что можно было, американцы перебросили на западный фронтъ, где Караканъ раньше развилъ ожесточенный огонь.

Неожиданное перенесеніе инициативы на восточный участокъ фронта дало ему значительный перевѣсъ въ силахъ. Караканъ повелъ наступленіе на югъ въ двухъ направленияхъ: во-первыхъ, между рекою Гудзонъ и Беркширскими горами, во-вторыхъ, вдоль реки Коннектикутъ. Сосредоточивъ на этихъ двухъ направленияхъ огромныя силы, онъ началъ свое неудержимое наступленіе на Нью-Йоркъ.

Воздушные силы Каракана, не встрѣтивъ сопротивленія, взорвали немногочисленные мосты, перекинутые черезъ Гудзонъ между Албанией и Нью-Йоркомъ, и тѣмъ самымъ затруднили переброску подкреплений съ фронта канала Эри на Нью-Йоркский участокъ фронта.

Теперь всѣ переброски должны были совершаться кружными путемъ черезъ Нью-Йоркъ.

Послѣ ожесточенныхъ пятиднѣвныхъ боевъ Каракану удалось сломить сопротивленіе, и, несмотря на ожесточенный огонь американской полевой артиллеріи, продвинуться впередъ въ направлении на Нью-Йоркъ.

Передовые его отряды достигли важного узлового пункта, заняли станцию Четемъ въ штатѣ Колумбія, продвинулись по дорогѣ на Бостонъ и захватили городъ Гудзонъ.

Въ Коннектикутѣ врагъ занялъ разрушенный до основанія Нортемптонъ, а черезъ недѣлю американцамъ пришлось прекратить тщетное сопротивленіе и оттянуть свои войска къ югу. Теперь не представлялось возможнымъ удержать линію фронта, и все свидѣтельствовало о томъ, что Карабану удастся осуществить свой планъ и достичь конечнаго пункта своего наступленія. Поэтому американское командаованіе приспустило къ эвакуации восточнаго Массачусетса и къ отступленію (пользуясь прибрежными желѣзными дорогами) на Коннектикутъ. Наступленіе было проведено Карабаномъ блестяще, и приходилось воздать должное силѣ, стремительности и неожиданности, съ какими они выполняли свой планъ.

Спиду Биннингу и мнѣ пришло быть свидѣтелями этого ужаснаго отступленія, — мы были свидѣтелями бѣгства на югъ американскихъ женщинъ и дѣтей, на сей разъ то были уже не канадцы, а граждане Соединенныхъ Штатовъ. Дороги были забиты бѣженцами, задыхавшимися въ облакахъ пыли. Какъ на зло, стояли жаркие юльскіе дни, — желѣзныя дороги были разрушены, телефонное и телеграфное сообщеніе прервано — то былъ полный разгромъ.

Несколько тысячъ американскихъ солдатъ и мирныхъ гражданъ, вмѣстѣ съ большимъ количествомъ орудій и военного снаряженія, попали въ руки врага.

Подрывные отряды работали безпрерывно — они взрывали при отступленіи фабрики и склады, поджигали силовые станции, разрушали желѣзодорожныя сооруженія и мосты. Но желтые войска наступали съ такой быстротой, что многое попадало въ ихъ руки и избѣгало уничтоженія. И все же стоимость того, что погибло въ огнѣ, не поддается исчислению.

Флангъ войскъ Карабана, уширавшійся въ море, попыталъ юдь обстрѣльть тяжелой береговой артиллерией, но даже она оказалась бессильной задержать желтую лавину. Однѣ за другимъ пали Путнэмъ, Норвичъ и Нью-Лондонъ. Затѣмъ не-пріятель занялъ Миддлетонъ, Уотербюри сгорѣлъ до тла, а его населеніе тщетно пытались пробраться на югъ — красные от-

ряды обошли городъ и отрезали его отъ американского расположения.

При дальнѣйшемъ продвиженіи Карабана лишилъ Нью-Йоркъ воды, и огромный городъ, ежедневное потребленіе воды котораго выражалось въ четырехъ миллионахъ гектолитровъ, оказался въ ужасномъ положеніи.

Командующій нью-йоркскимъ участкомъ фронта, генералъ Амосъ Грэнди, покончилъ съ собою, и командование перешло къ генералу-майору Арону Розенталью, распорядившемуся приступить къ эвакуации гражданскаго населения.

Несмотря на ожесточенный огонь американскихъ батарей, летчикамъ Карабана все же удалось потопить четыре баржи, перевозившія населеніе. При этомъ погибло нѣсколько тысячъ человѣкъ.

Одна изъ двухтысячфунтовыхъ бомбъ разорвалась передъ отелемъ „Асторія“ и убила солио человѣкъ, толпившихся у освѣщенной витрины, въ которой была выставлена карта военныхъ дѣйствий.

Затѣмъ послѣдовала ожесточенная воздушная бомбардировка, разрушившая рядъ важнейшихъ подземныхъ магистралей.

Центральный паркъ превратился въ лагерь, въ которомъ подъ открытымъ небомъ расположилось огромное число бѣженцевъ. По улицамъ во всѣхъ направленияхъ бѣжали толпы обезумѣвшихъ людей.

И снова американцамъ пришлось отступить — тщетно пытались пробиться на фронтъ переброшенные съ другихъ участковъ резервы, — всѣ дороги были запружены бѣженцами. Большинство дорогъ было загружено автомобильными обломками и испещрено воронками отъ взрывовъ. Полиція при помощи гражданъ пытлась расчистить дороги, но усилия эти были тщетны и терпѣли неудачу подъ напоромъ несметныхъ толпъ бѣженцевъ.

Форты Лонгъ-Исландца развили ураганный огонь по наступавшимъ частямъ Карабана. Двадцатидюймовыя сруда фортовъ Тоттенъ и Шюйлеръ наносили ужаснаго разрушения. Въ пространство низвергались огромныя количества металла и взрывчатыхъ веществъ. Зенитныя сруда подвергали

обстрѣлу каждый показавшійся надъ городомъ непріятельскій аэропланъ.

Но тяжелая артиллериya нью-йоркскихъ укрѣпленій цѣлкомъ предназначалась для обороны города съ моря — противъ наступленія, развертывавшагося съ суши, она была безсильна. Воздушный флотъ Каракаша понесъ огромныя потери, но продолжалъ выполнять свое заданіе и осыпалъ городъ и укрѣпленія бомбами.

Послѣ шестинедѣльного артиллерийскаго боя орудія Фишеръ-Исланда и обсѣхъ форсовъ пришли въ негодность. Въ то время, какъ непріятельская авиація и артиллериya дѣлали свое разрушительное дѣло, непріятельские транспорты занялись очищеніемъ береговыхъ водъ отъ минъ, открывая непріятелю возможность высадить новый десантъ.

Вотъ всегда сквозилась слабость американского воздушного флота. — Только благодаря своему господству въ воздухѣ, Каракашу удалось осуществить во время боевъ высадку новыхъ войскъ. Высадившіяся на островѣ войска тутъ же перенесли въ наступление, продвигаясь въ западномъ направлѣніи.

Теперь американское командование ограничилось лишь арьергардными боями, имѣвшими цѣлью задержать наступление врага и дать возможность укрѣпить слѣдующую линію позицій. Однѣ за другимъ шли форты Джофферсонъ, Смит-тоунъ, Ислинъ, Хенпигтоунъ. Наступленіе желтыхъ проістолилось лишь на линіи Лонгъ-Бичъ на побережья Атлантическаго океана — Гемпстедъ и Миннокла.

Дальнѣйший ходъ событий на материикѣ ознаменовался ожесточенными уличными боями въ Бронксѣ. Американцы защищали каждую пядь земли, — наступающимъ приходилось бросаться въ штыковую атаку, вступать въ рукопашную, осыпать каждый домъ ручными гранатами. По мѣрѣ того, какъ нападающимъ удавалось занять какой-нибудь изъ домовъ квартала, они проламывали стѣны дома и расчищали путь на югъ.

Каждый жилой домъ превратился въ маленькую крѣпость. Соѣднѣе дома бывали заняты воюющими сторонами, — въ одномъ домѣ находились американцы, а въ слѣдующемъ домѣ красные. Стѣна дома служила линіей фронта. Желтые не

останавливались далее передъ тѣмъ, чтобы проламывать стѣны и бросаться въ образовавшуюся брешь въ атаку.

Такъ, сражаясь въ рукопашную, бера домъ за домомъ, желтые добрались до рѣки Гаарлемъ. Это была послѣдняя водная преграда, отдѣлявшая наступавшихъ отъ Нью-Йорка. Городъ небоскребовъ отныне былъ подъ обстрѣломъ непріятельской артиллериї.

Фортъ Шнейдеръ въ теченіе четырехъ недѣль обстрѣливалъ непріятельскія позиціи и, разстрѣливъ всѣ запасы снарядовъ, принужденъ быть сдаться. Прежде чѣмъ сдаться, защитники форта уничтожили свои орудія.

О безпрерывной артиллерийской и газовой дуэли, развернувшейся въ зимнюю кампанию 1935/36 года, написано немало томовъ. Всѣ мосты, вѣдущіе черезъ Гаарлемъ, были взорваны. Остатки американскихъ войскъ были переброшены на другой берегъ ночью — ихъ перевезли на цѣлой флотиліи небольшихъ судовъ.

Защитники Нью-Йорка получали пополненія и снабжались провизіономъ и боевыми снаряженіемъ съ берега Джерсея по желѣзнодорожнымъ туннелямъ, проложеннымъ подъ Гудзономъ и Мангатанномъ. Всѣ попытки непріятеля разрушить эти важнѣйшія артеріи потерпѣли неудачу.

Трехмѣсячная ожесточенная бомбардировка превратила величайший городъ міра въ груду развалинъ — нынѣ фотографы съ разрушенаго города, въ которомъ кое-гдѣ виднѣлись оставы разрушенныхъ небоскребовъ, известны всякому школьнику.

Иногда маѣтъ Биннене удавалось подняться на аэропланъ и сверху полюбоваться развалинами нашего величайшаго города. Отъ острова Мангатанна до рѣки Гаарлемъ виднѣлись лишь груды дымящихся развалинъ.

Узкія расщелины улицъ были заставлены обломками и городъ снова превратился въ скалистый массивъ. Но уровень этого массива не былъ уровнемъ существовавшаго ранѣе города. Чѣмъ выше были зданія этихъ улицъ, тѣмъ выше была груда обломковъ, завалившая мостовую. Кое-гдѣ виднѣлись башни съ черными провалами оконъ, — казалось, что эти башни взды-
173

мали свои головы надъ печальной картиной разрушения и смотрѣли на нее черными и невидящими глазами.

Порой виднѣлись сохранившіеся костики небоскребовъ, вѣздывавшіеся на высоту нѣсколькоъ десятковъ этажей. Обстрѣль не прекращался — непріятель продолжалъ свое разрушительное дѣло, обращая остатки зданій въ груду безформенныхъ обломковъ.

То, что я увидѣлъ, можно было лишь сопоставить съ руинами Ипра, съ тѣмъ, во что они превратились послѣ многомѣсячнаго обстрѣла германцами.

Нью-Йоркъ превратился въ Ипръ огромныхъ размѣровъ. Исчезли всѣ отличительные признаки города: улицы, площади, дома, скверы, — все сравнялось. Различіе заключалось лишь въ слѣдующемъ:

На маленькомъ островѣ Манхаттанна небоскребы струились такжѣ плотно, что на улицахъ не было достаточно мѣста, чтобы принять всѣ огромное количество обломковъ. Поэтому не зданія рушались на мостовую, а уровень улицы постепенно подымался въсюдъ къ зданіямъ.

Примѣрно та же картина открывалась намъ въ Бруклинѣ. Рѣка Гаарлемъ бѣжала между двумя прудами обломковъ. Съ западнаго берега Гудзона американская артиллерія продолжала обстрѣливать непріятеля, лишая его возможности пользоваться подъздѣнными путями и образовавъ завѣсу ураганного огня.

Американскія войска, занявъ позиции вдоль Гудзона отъ Нью-Йорка до Альбани, препятствовали непріятелю переправиться черезъ рѣку. Генералъ Розенталь, принявший на себя командование арміей и оборону Манхаттанна, размѣстился со своимъ штабомъ въ подвалахъ „Эквітебль Трестъ Боулдингъ“.

Въ обломкахъ, завалившихъ улицы, были проложены туннели и подземные ходы. Зданіе освѣщалось электрической энергией, поступавшей съ Джерсейской станціи. Вентиляція проходила по шахтамъ лифтовъ, выведенныхъ до двадцатаго этажа. Подземная желѣзная дорога, очутившаяся теперь глубоко подъ уровнемъ земли, снова была приведена въ дѣйствие и обслуживала штабъ.

Нью-Йоркъ сталъ подземнымъ городомъ, Нью-Йоркъ сталъ американскімъ Верденомъ.

Въ первый день Рождества я вмѣстѣ со Сидомъ Биннемъ совершилъ полетъ надъ развалинами Нью-Йорка и попытался въ микрофонъ сообщить о томъ, какъ выглядѣлъ этотъ подземный городъ. Одновременно я попытался описать непріятельскія позиціи, расположенные къ сѣверу отъ Гаарлема. Для этой цѣли мнѣ пришлося перелетѣть за передовыя линіи Каражановскаго расположения.

Недалеко отъ городка Юнкерсъ въ штатѣ Нью-Йоркѣ нашъ аэропланъ рѣзко рванулся вълево. Я бросилъ быстрый взглядъ на Сидда и увидѣлъ, что онъ безсильно поникъ на свое мѣсто сидѣніи. Непріятельскій аэропланъ началъ на насъ, и мы летѣли внизъ съ головокружительной быстротой.

Я схватился за второе рулевое колесо, и мнѣ удалось выпрямить алтарь. Снизу, стремительно вѣвь, легла ко мнѣ земля.

11

Мнѣ почудилось, что я задыхаюсь. Горло мое пересохло, я не могъ дышать. Съ трудомъ открывъ глаза, я увидѣлъ передъ собою печальнную, блѣдную женщину. На головѣ у нея была косынка сестры милосердія. Она улыбнулась — жалкая улыбка.

— Вѣдь, — прошепталъ я, и она поднесла къ моимъ губамъ стаканъ. Сдѣлавъ нѣсколько глотковъ, я попытался взглянуть на нее.

— Вамъ теперь лучше. Все будетъ хорошо, — сказала она.

Я хотѣлъ спросить ее о томъ, гдѣ я нахожусь, но вмѣсто этого у меня вырвалось:

— Сестра, разскажите, что произошло потомъ? Я знаю лишь, что нашъ аэропланъ рухнулъ внизъ.

— Выѣхъ подстрѣлили рѣтугу расположения красныхъ, — спокойно отвѣтила сидѣлка. — Вы ранены и находитесь въ плену. Вы лежите въ госпиталѣ въ Бостонѣ.

— Съ какихъ поръ?

— Это произошло на Рождество, а на следующий день вас доставили сюда. Вы лежите здесь уже два дня.

— А где Спидъ?

— Кто?

— Мой пичоть, юноша, который лететь вмѣстѣ со мною. Онъ живъ?

— Онъ лежитъ рядомъ съ вами, — отвѣтила она, указавъ на софѣдную кровать. — Но онъ безъ сознанія — проломъ черепа.

— Онъ останется живъ?

— Этого мы не знаемъ. Вы ни о чёмъ не должны спрашивать меня. Постарайтесь уснуть, — тогда вамъ станетъ легче.

Я снова уснула, и, когда по прошествіи десяти часовъ проинулся, почувствовала приливъ сильнѣе и услышала гдѣ-то рядомъ съ собою дикую американскую ругань.

— Поганый китаецъ, косоглазый дьяволъ, — я задамъ тебѣ перцу... теперь тебѣ захотѣлось бѣлыхъ женщинъ... ахъ, ты, желтый горчичный пластырь...

Спидъ Бинней метался въ бреду, и двое сенегальцевъ тщетно пытались удержать его въ постели. Врачъ-китаецъ испрыснула ему успокаивающее средство и обратился ко мнѣ на прекрасномъ английскомъ языкѣ:

— У вашего пріятеля серьезная рана. Помимо того онъ страдаетъ столь распространенной среди васъ, американцевъ, болѣзнью — ненавистью къ цветнымъ расамъ. Постепенно онъ отъ этого избавится, но потребуется нѣсколько лѣтъ воспитательной работы. Только тогда онъ ссвободится отъ предразсудковъ, свойственныхъ вашимъ землякамъ.

Я не склоненъ быть пускаться въ споры. Закрывъ глаза, я задумался надъ своей участіемъ. Итакъ, я былъ плѣнникомъ Каракана.

Въ предыдущие годы, пока военные дѣйствія развертывались въ Европѣ, я не разъ былъ свидѣтелемъ жестокости, съ какой этотъ человѣкъ устранилъ всѣхъ, кто могъ бы оказаться на его пути.

Послѣдний годъ борьбы въ Америкѣ далъ рядъ новыхъ случаевъ жестокосердія этого „палача міра“. На что могъ разсчитывать теперь я, очутившись чѣмъ плѣну у него?

Не найдя отвѣта на этотъ вопросъ, я снова открыть глаза и увидѣлъ передъ собою чье-то склонившееся лицо. Но лицо это было привѣтливо и улыбалось мнѣ:

— Здравствуйте, товарищъ Гиббонсъ, — сказалъ полковникъ Бойеръ, ибо то былъ онъ. — Вотъ видите, блудный сынъ снова возвратился домой. Вотъ уже около двухъ лѣтъ, какъ мы разстались съ вами. Съ тѣхъ поръ прошло немало крови и немало людей обрѣли вѣчный покой. Но мы все продолжаемъ продвигаться впередъ. Добро пожаловать къ намъ!

Я съ удовольствіемъ читалъ ваши сообщенія. Когда я слышалъ ваши корреспонденціи по радио, я вспоминалъ о мѣсяцахъ, прошедшихъ вмѣстѣ въ Европѣ. Вы напѣв врагъ, и я жму вашу руку и говорю вамъ — вы мой другъ.

— Я также очень радъ снова встрѣтиться съ вами, полковникъ. Послѣдніе два года были не изъ легкихъ, — во всякомъ случаѣ Каракану пришлось ту же, чѣмъ онъ предполагалъ. Съ Европой онъ справился въ теченіе одного года, а въ Америкѣ вотъ уже два года какъ онъ борется, и американскія силы все еще не сломлены. Американскія позиціи все еще непоколебимы.

— Не всѣ, — замѣтилъ Бойеръ.

Его слова испугали меня.

— Неужели Нью-Йоркъ палъ? Неужели вы хотите сказать, что замъ удалось форсировать Гаарлемъ?

— Нѣть, нѣть, это еще не произошло, — замѣтилъ улыбаясь Бойеръ, — вы попрежнему удерживаете груду развалинъ на Манхаттанѣ, и ваши войска попрежнему занимаютъ позиціи вдоль канала Эри и озера Онтаріо. Но въ день вашего раненія произошло нѣчто болѣе серьезное.

— Палъ Санть-Франциско?

— Нѣть.

— Напѣв флотъ все еще въ Мексиканскомъ заливе?

— Да. Пока что онъ еще находится тамъ, — отвѣтилъ улыбаясь Бойеръ, — но вотъ уже два дня, какъ медленно продвигавшаяся красная армія достигла своей цѣли и выпала къ

Панамскому каналу. Американскія войска, запиравшія каналъ, почти годъ были лишены связи съ Соединенными Штатами. Наше наступленіе вынудило ихъ прекратить сопротивление, и они отступили въ Колумбію. Передъ тѣмъ, какъ покинуть позиціи, они взорвались шлюзы.

Связь между Атлантическимъ и Тихимъ Океаномъ прервана. Нынѣ оба океана отдѣлены другъ отъ друга. И раздужное земля Карахана побѣдно развивается на всѣмъ побережки отъ Бальбоа до Колона.

Объ этомъ событии я ничего не зналъ. Мне не разъ приходило читать сообщенія изъ зоны канала, въ которыхъ говорилось о геройской оборонѣ американцевъ, во главѣ коихъ стоялъ генераль-майоръ Леонардъ В. Фостеръ.

Но постольку, поскольку американский флотъ былъ заперть въ Мексиканскомъ заливѣ, каналъ утратилъ для Америки свое былое значеніе. Если бы онъ досгтался нынѣшимъ въ руки красныхъ, то тѣмъ самымъ красный флотъ получилъ бы большое превосходство.

— Не думало, чтобы это могло сколько-нибудь измѣнить положеніе, — замѣтилъ я въ отвѣтъ. — Разъ каналь уничтоженъ, то онъ лишеннъ для васъ всякаго значенія. Ваша побѣда сводится къ тому, что вамъ удалось еще однинъ не-большими клочкомъ Центральной Америки.

— Вы ошибаетесь, — услышалъ я въ отвѣтъ. — Портъ Колонъ очищенъ отъ минъ и превращенъ въ нашу основную морскую базу въ Каракольскомъ морѣ. Эта портъ лучше оборудованъ, чѣмъ Тринитадъ, да и ближе къ Юкатану. Тѣмъ самыемъ намъ удалось перенести нашу охрану въ болѣе близкій пунктъ къ вашей тюрьмѣ, потому что Мексиканскій заливъ сталъ для вашего флота ничѣмъ инъмъ, какъ тюрьмой. Помимо того, мы сторожимъ васъ въ Тринитадѣ и на Бермудскихъ островахъ. Теперь вашъ флотъ окончательно парализованъ. Караканъ удовлетворенъ. Замедленіе темпа операций на сѣверныхъ фронтахъ, вызванное зимою, было ему очень непріятно, и теперь онъ компенсировалъ себя на южномъ фронте.

Главнокомандующий слышалъ о томъ, что вы захвачены въ плѣнъ, и выразилъ желаніе увидѣть васъ. Въ данное время они отправились въ инспекціонный поездъ къ нашему флоту въ

Карташское море. Онь повидаетъ вѣсъ тутъ же послѣ своего возвращенія.

— Скажите м'яъ правду, Бойерь, что онъ думаетъ обо мнѣ? Не пора ли мнѣ готовиться къ путешествію на толь свѣтъ?

— Объ этомъ не можетъ быть и рѣчи, мой другъ. Я думалъ, вы лучше знаете нашего команчира. Отъ благоволія къ вашъ. Примѣрно таikъ же, какъ Наполеонъ благоволилъ къ своему Бурдриену, какъ Цезарь под скромными письмами, составлявшими коментарии къ его походамъ. Караканъ васъ очень высоко цѣнилъ и очень хорошаго мнѣнія о вашихъ корреспонденціяхъ.

Отныне вы останетесь у насть, и вамиъ будетъ вмѣнено въ
обязанность писать исторію нашихъ славныхъ походовъ и по-
бѣль.

Нѣть, нѣть, дорогой Гибонъ, вѣсъ не поставятъ къ стѣнѣ! Ни вѣсъ ни Бинненя подобная участъ не ожидаетъ. Но кое-кто дѣйствительно казненъ.

— Господи, кто? — спросилъ я.

— Летчикъ, подстрѣлившій васъ, поплатился за это жизнью. Когда вы два года тому назадъ вылетѣли впервые въ вашемъ снаряженіи отъличительными знаками аэрошлангъ, ему пригодитесь послѣ окончанія войны. Вы напишите его быть дань приказъ, чтобы вамъ не препятствовали въ вашей дѣятельности и не преслѣдовали васъ. Караканъ выразилъ желаніе, чтобы васъ сохранили живымъ и невредимымъ. Вы биографію.

Крепинъ — полякъ, подстрѣлившій вась, пытался въ оправданіи сказать, что онъ не узнавъ вашихъ отличительныхъ знаковъ, что это не спасло его. Непослушаніе и небрежность имѣютъ одинъ и тѣ же послѣдствія. И ему пришлось платиться жизнью. Вотъ и все!

— Минь очень жаль, что это такъ случилось, — отвѣтилъ я, — хоть онъ чуть не отправилъ меня и Спила на топъ скрыть.

Но послушайте, Бойерь, если въ намѣренія вашего генерала входить, чтобы я написалъ его биографію, то мнѣ слѣдовало бы быть болѣе освѣдомленнымъ о немъ. Скажите, онъ все такой же, какимъ былъ, когда я встрѣчался съ нимъ въ Мон-
треа́ль.

сквѣ? Вѣдь я его не видѣлъ уже два года. Онъ не измѣнился?

— Развумѣется, онъ измѣнился, — отвѣтилъ Бойеръ. — Вѣдь ему подвластны Европа, Азія, Африка, Южная Америка, всѣ моря и океаны, большая часть Канады... разумѣется, по добныыи перемѣны не могли не повлечь перемѣны и въ немъ. Онъ продолжаетъ расти и развиваться. Вѣдь онъ все еще очень молодъ — ему всего лишь тридцать пять лѣтъ.

— Въ какомъ отношеніи онъ перемѣнился?

— Прежде всего перемѣна произошла въ слѣдующемъ. Теперь нашему миру понятно, что онъ не является случайнымъ пріпѣтельцемъ и вождемъ. Караканъ больше не сынъ татарки и казачьяго есаула. Фенгъ-Хай, напль величайшій ориенталистъ, занялся родословной нашего вождя и установилъ, что въ его жилахъ течетъ кровь Чинтисъ-Хана. Онъ прямой потомокъ монгольскаго завоевателя. И онъ достоинъ своего предка.

— Мнѣ казалось, что Караканъ не придастъ значенія про исходенію человѣка, что онъ стоитъ за полное равенство.

Бойеръ улыбнулся.

— Это время прошло, давно прошло. Теперь въ Караканѣ пробудилась гордость за своихъ предковъ. Чинтисъ-Ханъ былъ величайшимъ полководцемъ міра. Караканъ слышалъ о немъ еще въ бынность мальчикомъ, когда онъ скакалъ на несѣданной лошади по уральскимъ отрогамъ.

Чинтисъ-Ханъ былъ его идеаломъ еще въ тѣ годы, и неѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что Караканъ готовъ частично присоединить свой успѣхъ тому, что они являются потомкомъ этого величайшаго полководца.

— Для меня все, что вы сообщаете, ново. Вамъ, должно быть, извѣстно, что до сего времени мы объясняли себѣ политику Каракана прежде всего стремленіемъ уничтожить расы. Мы знаемъ, что въ Европѣ онъ спремился какъ можно большиимъ дѣтей отъ бѣлыхъ женщинъ, и склонны были предполагать, что въ Америкѣ онъ будетъ стремиться къ тому же.

— Собственно говоря, у меня нѣть оснований скрывать отъ васъ правду. И не я повиненъ въ томъ, если это задѣваетъ вашу расовую гордость. Да, у него было много бѣлыхъ женщинъ и вся онъ имѣли отъ него дѣтей.

Миссисъ Рандольфъ Рамзей родила ему двухъ сыновей. Она, попрежнему живеть въ Харбогрѣ. Ея мужъ погибъ въ бою подъ Новымъ Брауншвейгомъ. Потомъ его жену была миссисъ Бунзенъ, — вамъ вѣдь знакомо это имя, — она разведенная жена资料ного короля. Она назала своего сына Кеннетъ Караканъ. Они живутъ въ Бангорѣ. Миссисъ Лилианъ Элхартъ изъ Нью-порта родила ему дочь. Всѣхъ не перечислить.

— Неужели американскія женщины добровольно отдались ему? — спросилъ я. — Или онъ сталъ его военныи добѣгчей? Вѣдь онъ не могутъ полюбить его. Противъ этого должна была возвѣстить ихъ кровь. Американскія женщины гордятся чистотою своей крови и знаютъ, какая участь ожидаетъ ихъ дѣтей смѣшанной расы.

— Я такъ и полагалъ, что вѣсь все это удивитъ. Но вы забываете о томъ, что Караканъ отнюдь не простой воинъ. Онъ и не сладострастникъ. Эти женщины принадлежали ему потому, что онъ его любили.

Вспомните о томъ, что первую женщину въ жизни Каракана также была бѣлая женщина, — американка. Вы вѣдь знаете, какъ любила его Линъ.

Я намѣренно выждалъ, пока мой собесѣдникъ называлъ это имя. Теперь я могъ ему задать вопросъ, который готовъ быть сорвавшимъ у меня съ языка съ самаго начала бесѣды.

— Гдѣ находится она въ настоящее время? И при ней ли находится попрежнему Марго?

— Нѣтъ, онъ обѣ вѣтъ уже около года какъ находятся въ Америкѣ. Они живутъ въ Грейстонѣ, недалеко отъ Салема.

— И Караканъ съ тѣхъ поръ больше не встрѣчается съ Линъ?

— Онъ встрѣчался съ нею. Пропой осенью онъ видѣлъ ее, и съ той поры не сколько разъ прѣбѣгалъ къ ней въ Грейстонъ.

— Я радъ за Линъ, — сказалъ я. — Она очень страдала отъ того, что онъ не хотѣлъ ее видѣть. Я радъ тому, что они снова примирились другъ съ другомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, они не помирились, — послѣшилъ заявить Бойеръ. — Они будуть жить попрежнему, какъ жили въ Евро-

тъ, раздѣльно. Дочь простого ирландского эмигранта не можетъ быть подругой великаго Каракана, и онъ это понимаетъ.

Я зналъ, что вы въ хорошихъ съ нею отношеніяхъ, и что поэтому вы стояте на нѣсколько иной точкѣ зрѣнія, чѣмъ я. Но я всецѣло согласенъ съ Караканомъ. Его бракъ былъ цѣлогообразенъ въ первую пору русской революціи. Но эта пора миновала. Этотъ бракъ былъ ошибкой.

— А что съ Марго? — спросилъ я. — Она попрежнему неразлучна съ Линъ? Какъ онѣ коротаютъ время? Видѣть ли ее Караканъ?

— Да, Караканъ не разъ встрѣчался съ нею. Они не разъ совершили втроемъ прогулки верхомъ. Ваша бывшая секретарша очень хороша и прекрасная наездница. Но что стало съ Уайтомъ Доджемъ? Минъ кажется, онъ былъ влюбленъ въ нее.

— Въ этомъ нѣть ничего удивительнаго. Она изумительная женщина.

— Могу вѣстъ поздравить — вамъ суждено увидѣть ее не позже, чѣмъ черезъ часъ. Она прѣѣзжаетъ сюда съ Линъ на автомобильѣ изъ Грейстонна. Я сообщилъ имъ по телефону, что вы и Спидъ находитесь здѣсь. Я оставилъ вѣстъ наединѣ съ ними, чтобы вы могли достойнымъ образомъ отпраздновать эту встречу.

На сособдней койкѣ Спидъ продолжалъ метаться въ бреду. Бойлеръ ушелъ, и я снова уснулъ, но черезъ часъ меня разбудила сидѣлка и сообщила, что меня хотятъ видѣть двѣ дамы.

Сидѣлка привела въ порядокъ мою постель и ночной столикъ, и затѣмъ въ палату вошли Линъ и Марго съ хризантемами въ рукахъ.

Я попытался улыбнуться съ рискомъ сдвинуть наложеній на лицѣ бандажъ и протянуль имъ перевязанную руку.

Мои гости привѣтливо улыбнулись, но, замѣтивъ неподвижно лежавшаго Спida, испугались и притихли.

— Слава Богу, вы живы, — сказала Линъ.

— Онъ выживетъ? — спросила Марго, съ опаской поглядывая на Спida.

— Я убѣжденъ, что онъ поправится, — сказалъ я, пожимая ея руку.

Глаза ея увлажнились слезами, но она сдержала себя. На мгновеніе губы ея задрожали, но потомъ она овладѣла себой.

Обѣ женщины пристыли окolo моей кровати — Марго заняла мѣсто между мною и Спидомъ.

— Когда мы услышали о томъ, что случилось, — сказала Линъ, — я стала молить Бога, чтобы вы оба остались въ живыхъ. Да, я стала молиться Богу, я — атеистка и радикально настроенная Линъ Ларкинъ стала молить Бога. Послѣдніе два года измѣнили во мнѣ многое. Я снова возвратилась къ тому, отъ чего я ушла — къ религіи.

Марго склонилась руки Спida, и губы ея запечатали:

— Спидъ, Спидъ, дорогой мой мальчикъ!

Вѣки Спida дрогнули, и онъ открылъ глаза. Въ нихъ засвѣтилась усталость, недовѣrie, и потомъ все это смѣнилось радостью. Улыбка промелькнула на его израненныx губахъ, и онъ прошепталъ:

— Мегги!

Сознаніе вернулось къ Спиду лишь на одно мгновеніе. Потомъ глаза его снова закрылись, но ровное дыханіе свидѣтельствовало о томъ, что теперь онъ спалъ глубокимъ и здоровымъ сномъ.

У меня не было возможности поговорить съ Марго наединѣ, но меня успокоило то, что я снова увидѣль ее. Прежде чѣмъ покинуть госпиталь, они взяли съ меня слово, что я и Бинненъ какъ только сможемъ покинуть постели, прѣдѣмъ поправляться въ Грейстонъ.

И дѣйствительно, черезъ два днѣя Биннену стало настолько лучше, что мы могли занять мѣста въ санитарномъ автомобилѣ и наѣхать въ виллу, расположеннную на окраинѣ стоявшего на берегу Атлантическаго океана городка Салемъ.

Бинненъ продолжалъ быть прикованнымъ къ постели, а я, по прошествіи нѣсколькихъ днѣй, оправился настолько, что могъ разгуливать при помощи палки.

Въ домѣ находились нѣсколько слугъ американцевъ, но въ большинствѣ своемъ служебный персоналъ состоялъ изъ молчаливыхъ китайцевъ, безмолвно выполнившихъ приказанія жертолицаго дворецкаго. Несмотря на то, что у воротъ стояли

часовые и сады были обнесены высокой стѣнной, мы себя же не чувствовали пленниками. Мы были вынуждены располагать временем по своему усмотрѣнию, и никто не следилъ за нами и не докучалъ намъ. Наша тюремщики были уверены въ томъ, что намъ некуда уѣхать изъ этого дома.

Миллионы солдатъ Каракана, сражавшіеся на этомъ фронте, лишали насъ возможности мечтать о бѣгствѣ по суши. Красный флотъ бдительно следилъ за побережьемъ и водами, и все же въ моей головѣ неустанно рождались различные планы бѣгства. Съ Биннингомъ я не говорилъ обѣ этомъ, — прежде всего ему следовало возстановить свои силы.

Боерь не разъ навѣщалъ насъ въ Грейстонѣ. На третьей недѣльѣ пребыванія въ плену — это было 18 января 1936 года — онъ сообщилъ намъ, что Караканъ возвращается на Востокъ.

— Вотъ человѣкъ, энергія котораго неисчерпаема, — сказала онъ. — Изъ Бостона онъ направился на Бермудскіе острова, оттуда въ Тринидадъ, затѣмъ на Панамскій перешеекъ. Затѣмъ онъ возвратился назадъ въ свою ставку, успѣвъ проинспектировать всѣ три фронта и флотъ. И вы увидите, какія послѣдствія будетъ имѣть его поѣзда. Онъ вдохнулъ въ людей энтузиазмъ, готовность умереть за него. Черезъ недѣлю онъ явится сюда.

Вечеромъ, когда мы сидѣли въ библиотекѣ и грѣлись у камина, я рассказала Линъ о предполагающемся посѣщеніи Каракана.

— Я хочу его видѣть и въ то же время я испытываю страхъ передъ его приѣздомъ, — отвѣтила она. — Я всегда буду принадлежать ему, но онъ болѣе не принадлежитъ мнѣ. За послѣдніе мѣсяцы я замѣтила въ немъ разительную перемѣну. Его необузданная энергія и честолюбіе стремятся ко всемъ новымъ завоеваніямъ. Для него выигранное сраженіе — нечто, что рануло въ прошлое и за что не приходится больше бороться. Воспоминаніемъ обѣ этомъ прошли и являются наши дѣти. Мнѣ кажется, я была первой женщиной въ его жизни и единственной, на которой онъ женился. Теперь онъ хочетъ развестись со мною. Его обуреваетъ его честолюбіе

— Откуда вамъ известно обо всемъ этомъ? — спросила я.

— Хоть онъ мнѣ ничего и не говорилъ обѣ этомъ, но я разгадала его планы. Онъ сильно измѣнился за послѣдніе время. Онъ не признаетъ ничѣй власти кромѣ своей, ничѣй власти, кромѣ его власти. Теперь его можетъ пленить мыслью о династіи, кастрѣ, крови, предкахъ, — всей этой бутафоріей карточныхъ королей.

Для того, чтобы удовлетворить свое честолюбіе, онъ вывелъ свой родъ отъ Чинтизъ-Хана. Если дальше такъ пойдетъ, то скоро мы будемъ свидѣтелями зарожденія новой желтой и цвѣтной аристократіи. Мы снова придемъ къ кастанѣ, къ разграниченню на высокородныхъ и плебеевъ. Онъ все болѣе становится схожимъ съ Наполеономъ, а мнѣ отводится роль Жозефины.

Теперь вамъ понятно, въ какомъ я нахожусь состояніи, и почему надо мнѣ безпрестанно витаетъ опасность. Я не знаю, кто явится моимъ преемницей, — я знаю, что преемницей его не будетъ ни одна изъ женщинъ, до сихъ поръ привлекшихъ его вниманіе. Рано или поздно появится женщина, которая станетъ для него заѣтной цѣлью.

Я не знаю, гдѣ онъ отыщется ее, но я увѣрена, что въ поискахъ за нею онъ переберетъ всю аристократію старого міра, пока не найдетъ какого-нибудь знатнаго рода, достойнаго раздѣлить его славу, славу потомка Чинтизъ-Хана.

И что ужаснѣе всего, этотъ величайший въ мірѣ властелинъ, нынѣ властующий надъ четырьмя пятнадцатью земными шары, повторяетъ ту же ошибку, которую допускали всѣ властелины доселѣ. Онъ утрачиваетъ самообладаніе! Онъ опрокинулъ всѣ троны Европы, изгналъ всѣ династіи, заставилъ всѣхъ монарховъ искать убѣжища въ демократической Америкѣ, а теперь онъ самъ ослѣпленъ этой пышной бутафоріей старого міра и хочетъ связать свою судьбу съ однѣй изъ представительницъ этого міра! Я знаю Каракана! И я знаю, къ чему онъ стремится. —

Мгновеніе мы помолчали, уставившись въ огонь.

— Кто же интересуетъ его? — спросилъ я.

— Этого я не знаю, — отвѣтила Линъ. — Да я и не хочу этого знать. Должно быть, ею будетъ кто-нибудь изъ бостонскаго общества. Я никогда не видѣла ее. Въ послѣдніе мѣ-

сяцы у меня была хоть радость, заключавшаяся въ томъ, что порой онъ пріѣзжалъ ко мнѣ. Онъ пріѣзжалъ ко мнѣ въ со-
провождении нѣсколькихъ офицеровъ штаба, съ которыми вы-
ѣзжалъ обыкновенно на верховья прогулки.

Не разъ и я, и Марго сопровождали его на прогулку. Онъ
радъ слушало побывать въ ея обществѣ и я замѣтила, какимъ
дьявольскимъ блескомъ загораются его глаза при взглядѣ на
нее. И его вниманіе къ ней, ставшей мою лучшей подругой,
все возрастаетъ. —

— А Марго освѣдомлена обѣ этомъ?

— Минѣ кажется, да. Ей очень непріятно это вниманіе,
но она мужественно переноситъ его и не теряетъ самооблада-
нія. Къ ней я питала большие довѣрія, чѣмъ къ кому бы то ни
было, и я твердо рѣшила не допустить, чтобы Караканъ овла-
дѣлъ ею.

И я готова, если понадобится, принести въ жертву свою
жизнь. Не ради моихъ чувствъ къ нему, какъ бы они велики
не были, а изъ любви къ ней. Я люблю ее, словно она была
бы мою родную дочерью, и мнѣ кажется, она питаетъ во мнѣ
то же чувство. —

Караканъ прибылъ въ Грейстонъ. Къ ворогамъ подѣхалъ
десятотъ большихъ штабныхъ автомобилей съраго цвета, и
изъ машинъ вышли стройные высокіе офицеры въ сѣрыхъ, от-
дѣльныхъ мѣхомъ пиджакахъ.

Вечеромъ я ужинала въ обществѣ Каракана и его свиты.
Во главѣ стола сидѣлъ Караканъ, справа отъ него — Марго, а
на противоположномъ концѣ стола — Линъ. Я сидѣла по лѣ-
вой руку отъ краснаго главнокомандующаго, и рядомъ со мною
сидѣлъ Бойеръ.

Караканъ поздоровался со мною кивкомъ головы и не
удостоилъ меня ни словомъ. Онъ не упомянулъ ни о нашей
встрѣчѣ въ Лондонѣ, ни о моей ранѣ, ни о томъ, что я живу
на положеніи пленника въ домѣ его жены.

Но на слѣдующее утро въ восемь часовъ онъ пріягалъ менѣ
въ библиотекѣ, превращенной въ его рабочий кабинетъ. Тѣ-
перь онъ не былъ сдержаннѣмъ и немногословнымъ. На боль-
шомъ столѣ, передъ которыми стоялъ Красный Наполеонъ, бы-
ли разстилены большия карты военныхъ дѣйствій.

Внѣшне онъ остался все тѣмъ же Караканомъ, съ кото-
рымъ я была два года тому назадъ въ Лондонѣ, но все же въ
немъ появилась юе-какая перемѣна. Его личныя свойства
стали явственнѣе, болѣе замѣтными. Онъ болѣе не сдерживалъ
себя.

Бесѣда наша носила характеръ монолога. Онъ говорилъ,
шагая по комнатѣ. При этомъ я замѣтила, что онъ украдкой
разглядываетъ себя въ большомъ зеркаль. Въ движеніяхъ его
сквозила нѣкоторая нарочитость — онъ позиралъ передо
мною.

— Вы были военнымъ корреспондентомъ, — продолжалъ
онъ, — и я очень сожалѣю, что вѣсть подспѣѣли. Я очень
радъ, что вы остались житвы — у меня имѣется для васъ ра-
бота. Я рѣшилъ вамъ поручить написать мою біографію.

Война будетъ закончена этимъ лѣтомъ. Ничто не устоитъ
противъ моего весенн资料а наступленія. Я испытывалъ металлы,
изъ которыхъ отлиты ваши солдаты, и убѣдился въ его достоин-
ствахъ. Поэтому я никогда не пойду съ вами на соглашеніе,
и миръ будетъ заключенъ лишь послѣ моей побѣды. Я продик-
тую вамъ его.

Особенно тяжелыхъ требованій я не выставлю, — Америка
станетъ частью нашего мірового солова, и вашимъ соотечествен-
никамъ придется познакомиться со мною поближе. Эту задачу
я возлагаю на васъ — вы должны ознакомить американцевъ
со мною.

Я читаль ваши статьи обо мнѣ и моей арміи — далеко
не всѣ онъ говорятъ въ мою пользу, но онъ правдивы. Я со-
бралъ всѣ ваши статьи и хочу, чтобы отъ легли въ основу ва-
шей книги обо мнѣ.

Послѣ завоеванія Америки я стану властелиномъ міра.
Тѣмъ самымъ прекратится существование различныхъ госу-
дарствъ, народовъ и классовъ. Я организую міръ такимъ об-
разомъ, что все это станетъ немыслимымъ — тѣмъ самымъ я
дарую міру миръ.

Вместо национальной розни и вражды, на землѣ установ-
ится единство и общность экономическихъ интересовъ. И это
будетъ предвѣстіемъ вѣчнаго мира на землѣ.

Къ этому сводится цѣль моей жизни, и я горжусь ею, — да, я горжусь ею и не считаю нужнымъ скрывать этого.

Вы знаете обо мнѣ очень много — отныне вся моя жизнь должна быть вамъ извѣстна. Быть можетъ, кое-что и ужаснетъ нѣкоторыхъ, но мое рѣшеніе неизмѣнно.

Въ ближайшемъ будущемъ предстоитъ нѣкоторыя измѣненія въ моей личной жизни. Мое положеніе требуетъ, чтобы я избралъ себѣ достойную подругу жизни, которая даровала бы мнѣ наслѣдника — вождя. Поэтому я вынужденъ развестись со своею женой.

— Разрѣшите узнать, когда состоится свадьба? — спросилъ я.

— Послѣ завоеванія Соединенныхъ Штатовъ. Свадьба состоится въ сентябрѣ мѣсяцѣ этого года въ столицѣ вашего государства, въ Сент-Луи. Я намѣреваюсь превратить этотъ городъ въ столицу всего міра.

Я не хочу, чтобы вы писали въ своей книжѣ сентиментальные глупости обо мнѣ, которыхъ могли бы противорѣчить моимъ послѣдующимъ дѣйствіямъ. Прежде всего я хочу, чтобы вы осталась здѣсь и отдохнула.

Я не требую отъ васъ честного слова въ томъ, что вы не сдѣлаете попытку къ бѣгству.

Если бы вы и рѣшили уѣхать, это было бы невозможно. Когда вы поправитесь, я направлю къ вамъ одного изъ офицеровъ моего штаба, и онъ поможетъ вамъ притвориться документами и материалами. Полковникъ Бойеръ будетъ въ вашемъ распоряженіи.

— Если вы разрѣшите мнѣ самому избрать себѣ секретаршу, то я попрошу васъ предоставить въ мое распоряженіе миссъ Марго Денисонъ. Мы давно работаемъ вмѣстѣ, и я привыкъ къ ея работѣ.

— Это невозможно. Я хочу, чтобы она осталась при моей женѣ. Если вамъ что-либо понадобится, то обратитесь къ полковнику. Я постаралось васъ видѣть какъ можно чаще. Всего доброго.

Я отвѣтилъ ему поклонъ, но Караканъ даже не удостоилъ меня отвѣтомъ, и я удалился.

Эта встрѣча напугала меня. Бойеръ былъ правъ, — этотъ человѣкъ совершенно переродился. Онъ думалъ о томъ, чтобы связать свою жизнь съ представительницей аристократіи.

Въ тотъ же вечеръ Караканъ вмѣстѣ со своимъ штабомъ отбылъ въ Бостонъ. Послѣ его отѣзда, Марго и я въ теченіе цѣлаго часа бесѣдовали со Спидомъ, который былъ все еще настолько слабъ, что не покидалъ комнаты.

Мнѣ показалось, что Марго была чѣмъ-то сильно взволнована и съ трудомъ скрывала свое возбужденіе. Чувствуя, что она хочетъ что-то сообщить мнѣ, я сказалъ Спиду, что ему пора лечь въ постель и не злоупотреблять предоставленной ему свободой. Онъ недовольно проворчалъ что-то, упомянувъ о томъ, что онъ лишенъ возможности побывать съ Марго съ глазу на глазъ. Я улыбнулся, а Марго покраснѣла.

— Хорошо, — сказалъ я, — я предоставлю вамъ для бесѣды съ Марго пять минутъ, — и удалился, давъ понять Марго, что буду ожидать ее въ библіотекѣ.

Прошло добрыхъ четверть часа, прежде чѣмъ она появилась въ библіотекѣ. Я прятворился, что не замѣтилъ блеска въ глазахъ и раскраснѣвшихся щекъ и спросилъ ее:

— Вы хотѣли что-то сообщить мнѣ?

— У меня имѣются для васъ свѣдѣнія чрезвычайной важности, — спокойно отвѣтила она. — Мнѣ сообщили это сегодня послѣ обѣда самъ Караканъ. Я осталась съ нимъ наединѣ и мнѣ показалось, что онъ хотѣлъ произвести на меня впечатлѣніе тѣмъ, какою большой силой онъ обладалъ и какъ велико было его влияніе на людей моей расы. Онъ освѣдомился у меня, не угодно ли мнѣ написать ему письмо. Я подчинилась его желанію и сохранила у себя копію этого письма. Вотъ она.

И она подала мнѣ листокъ бумаги. Я прочелъ:

„Верховное командование.

Адмиралу Джозефу Бриксону
Командующему Краснымъ Флотомъ.

Колонъ.

1. Какъ я вамъ уже сказаъ при личной встречѣ въ Колонѣ, — я очень недоволенъ состояніемъ нашаго краснаго флота и нашимъ позиціямъ въ Карабибскомъ морѣ. Личный со-ставъ вашей эскадры страдаетъ старымъ недостаткомъ всѣхъ британскихъ моряковъ — избыткомъ осторожности. Результатомъ этого является бездѣйствіе подчиненнаго вамъ флота и скучность достигнутыхъ за два года результатовъ.

2. Эта британская тактика въ свое время имѣла своимъ слѣдствиемъ то, что превосходящія силы англійского флота не могли сдѣлать въ Ютландскомъ сраженіи значительно болѣе слабыя силы германскаго флота. Для подвластныхъ мнѣ сол-датъ существуетъ лишь одна тактика, и эта тактика — наступ-леніе. Вы должны твердо помнить, что матросы и флотъ имѣ-ютъ для меня не большую цѣнность, чѣмъ мои арміи.

3. На сѣверъ отъ стоянки вашего флота, въ Мексикан-скомъ заливѣ укрылся уступающій намъ по численности аме-риканский флотъ. Находящіяся въ вашемъ распоряженіи силы едва ли не вдвое превосходятъ непріятельскую. Я не потерплю, чтобы мой флотъ быть обреченъ на бездѣйствіе, и если вы не измѣните своей тактики, то я принужденъ буду измѣнить коман-дование флотомъ.

4. Въ серединѣ апрѣля мои арміи переходятъ въ насту-леніе на всѣхъ трехъ фронтахъ. Одновременно съ этимъ пред-писываютъ вамъ атаковать въ Мексиканскомъ заливѣ непріятель-скій флотъ. Вы должны пробиться сквозь минные загражденія и проникнуть въ заливъ. Предоставляю вамъ для выполненія этого заданія двѣ недѣли срока. Немедленно же приступите къ выполнению моего предписанія и постарайтесь забыть объ устарѣвшихъ традиціяхъ англійского флота. Я предпочитаю одержать морскую победу, чѣмъ располагать бездѣйствующимъ флотомъ. Побѣды одерживаетъ тотъ, кто рискуетъ, а не тотъ, кто слишкомъ остороженъ.

Карахранъ.“

Я сложилъ письмо и возвратилъ его Марго.

— Это сообщеніе чрезвычайной важности, — сказалъ я.
— Оно предвѣщаетъ полное измѣненіе морской тактики Ка-ра-

хана. Какъ бы намъ сообщить объ этомъ нашему коман-данию?

— Есть только одна возможность: Уйти Доджъ.

— Но какъ намъ узнать, когда онъ явится сюда? Вѣдь мы теперь лишены возможности сноситься съ нимъ.

— На всякий случай мы условились съ нимъ, — замѣ-тила она, — что если съ вами что-нибудь случится, то Квинъ Райанъ приметъ на себя сообщеніе по радио. Нашъ аппаратъ останется будеть всегда установленъ на вашу волну.

— Но если Уайту удастся пробраться къ намъ, вы долж-ны будете бѣжать съ нами. Я не могу васъ оставить у Ка-рахана.

— Я буду рада возможности бѣжать съ вами, — отвѣ-тила она. — Его взгляды навѣаютъ на меня ужасъ. Онъ ни-чего не сказалъ мнѣ, и я убѣждена, что онъ не примѣнитъ ко-мѣ насилия, но онъ пытается все болѣе и болѣе приблизить меня къ себѣ. Вотъ и сегодняшнее письмо было напечѣтъ инымъ, какъ желаніемъ воздѣйствовать на меня своею мощью. Но я все же останусь съ Линъ. Я не могу покинуть ее. Я выполню свой долгъ до конца и останусь съ нею.

На слѣдующее утро Бойеръ включилъ громкоговоритель, и мы услышали голосъ Квинъ Райана, описывавшаго артилле-рійскую дуэль на Гаарлемскомъ фронѣ и воздушные бои въ районѣ Утики въ штатѣ Нью-Йоркъ. Потомъ я услышала ин-дѣйское наименованіе Кеноша, за которымъ послѣдовало сооб-щеніе о происходившемъ въ этой местности.

Кеноша — было вашимъ ключомъ, и въ послѣдовав-шемъ сообщеніи таилось и тайное сообщеніе, адресованное намъ въ шифрованномъ видѣ.

Я взглянула на Марго и замѣтила, что она разсѣянно чер-тила карандашомъ на бѣлой скатерти стенографические знаки. Мгновеніе она внимательно смотрѣла на нихъ и затѣмъ нѣ-сколькими штрихами превратила ихъ въ забавную карикатуру. Бойеръ, не понимавший того, что происходило, изумленно сль-дилъ за ея движеніями и восхищался ея способностями.

Послѣ обѣда Марго посвятила насть въ содержаніе полу-ченного сообщенія.

— Подводная лодка Уайта прибудет къ Скалы Омаровъ на третью ночь.

Въ указанную ночь я вмѣстъ со все еще не оправившимся отъ раненій Спидомъ, отправился на берегъ и разыскалъ Уайта, — до послѣдней минуты я опасался, что Спидъ запротестуетъ противъ намѣренія Марго остаться при Линнъ. Я не зналъ, что именно сказала она ему на прощанье, но во всякомъ случаѣ ей удалось убѣдить его въ томъ, что она должна была остаться.

Съ тяжелымъ сердцемъ переплыли мы на подводную лодку, и тутъ же посль того, какъ мы спустились въ шею, лодка попружила и взяла курсъ къ ньюджерсейскому берегу.

12

1 февраля съ письмомъ Каракана въ карманѣ я прибылъ въ Сентъ-Луи. Это письмо должно было решить судьбы войны.

Этотъ документъ представляется для насъ огромную цѣнность, — замѣтилъ адмиралъ Уентвортъ, начальникъ морского штаба. — Любое количество золота не въ состояніи оплатить вашей услуги, мистеръ Гиббонсъ.

— Это не моя заслуга, — прошепталъ я заявить въ отвѣтъ, — въ тылу непріятеля находится смѣлая дѣвушка — англичанка, которой ежеминутно угрожаетъ смерть, а быть можетъ и нечто еще худшее. Если бы не она, это письмо не попало бы въ руки.

И я рассказалъ о томъ, какъ это письмо попало къ Марго Дениссонъ, какъ она вручила его мнѣ, и какъ Уайтъ Доджъ явился за мною на своей подводной лодкѣ и высадилъ меня на берегъ въ Атлантику-Сити.

Зная, что письмо Каракана предвѣщаетъ въ прѣдущемъ столкновеніи двухъ флотовъ, я позволилъ себѣ освѣдомиться у адмирала о нѣкоторыхъ деталяхъ.

— Я желалъ бы въ случаѣ, если произойдетъ морское сраженіе, сопроводить американскій флотъ въ качествѣ корреспондента, но такъ какъ до сихъ поръ мнѣ приходилось лишь наблюдать за сухопутными операциами, то я совершенно не

освѣдомленъ въ морскихъ дѣлахъ. Я бытъ бы очень вамъ благодаренъ, если бы вы откомандировали ко мнѣ кого-либо изъ офицеровъ вашего штаба, могущаго информировать меня по нѣкоторымъ вопросамъ.

Адмиралъ удовлетворилъ мою просьбу, и я познакомился съ капитаномъ Блинкомъ Руссельемъ, однимъ изъ лучшихъ моряковъ нашего подводного флота. Капитанъ посвятилъ меня въ рядъ вопросовъ, представлявшихъ для меня интересъ.

„Чикаго Триблонъ“ такъ же, какъ и раньше, предоставило въ мое распоряженіе аэропланъ, и оправившись отъ раны Спидъ Блиннъ снова сталъ моимъ пилотомъ. Четыре дня спустя посль моего прибытія въ Сентъ-Луи, Рессель, Спидъ и я вылетѣли по направлению къ Мексиканскому заливу для ознакомленія съ нашимъ флотомъ.

Мы побывали въ Тампа, Менсиколѣ, Новомъ-Орлеанѣ, Тампико, Веракруцѣ, а затѣмъ провели два часа въ штабѣ командования американскими „Дарданеллами“ — у полуострова Юкатанъ.

Затѣмъ мы полетѣли на сѣверо-западъ, миновали минные загражденія залива и спустились въ Гаваннѣ на островѣ Куба.

Во время полета капитанъ Рессель инструктировалъ меня о состояніи нашихъ морскихъ силъ.

— Вы столь же неосвѣдомлены въ этомъ вопросѣ, — говорили они, — какъ и большинство американцевъ. Положеніе наше не изъ блестящихъ. Краинный флотъ въ Карабибскомъ морѣ насчитываетъ тридцать одну боевую единицу противъ нашихъ шестнадцати боевыхъ единицъ. Они превосходятъ насъ не только численностью, но и мощью своей артиллерии, и скрѣостью.

Помимо того наше флотъ страдаетъ еще отъ одного недостатка. Всѣ наши базы расположены на тихоокеанскомъ и атлантическомъ побережьяхъ — превосходство противника въ воздухѣ не даетъ намъ возможности удерживать эти пункты. Стратиграфическое положеніе вынуждило насъ отступить въ Мексиканский заливъ, который отнюдь не оборудованъ для стоянки столь большого флота. Намъ пришлось слышно строить огромные плоскіе доки. —

«Красный Наполеонъ»

13

193

— Минъ представляется наше положеніе совершенно безнадежнымъ, — сказалъ я. — Что можемъ мы предпринять при такомъ перевѣсѣ противника?

— Для насъ существуетъ только одинъ шансъ. Во-первыхъ, мы оборудовали наши оборонительныя сооруженія по послѣднему слову техники. Постоянныя пререканія между военнымъ и морскимъ министерствомъ канули въ вѣчность — въ этомъ заслуга президента Смита. Департаментъ авиации выдѣленъ изъ обоихъ министерствъ и превращенъ въ самостоятельную организацію. Все дѣло нашей обороны на супрѣ, на морѣ и на воздухѣ сосредоточено въ кабинетѣ министровъ въ одномъ лишь въ Майтлендѣ Дауниссонѣ.

— А что стало съ военнымъ министромъ Уоллесомъ?

— Они подали въ отставку и отставка его принята, хоть обѣ это мѣсто шублинки еще не известно.

— Это меня радуетъ, — воскликнулъ я, — онъ назвалъ меня предателемъ и желтымъ журналистомъ. Это было два года тому наездъ послѣ моего возвращенія изъ Европы, когда правительство заинтересовалось моими сообщеніями о Караканѣ. Уоллесъ утверждалъ, что мои сообщенія — сенсационный вздоръ, итогающій въ руку противника.

— Еще болѣе важнымъ, чѣмъ эта организація, является то, что въ настоящее время мы снова располагаемъ воздушнымъ флотомъ. Всѣ уже два мѣсяца, какъ Гуверу удалось развить наши производственные силы настолько, что мы выполнляемъ нашу программу полностью. У насъ теперь большие аэропланы, чѣмъ летчики, и мы въ спѣшномъ порядкѣ готовимъ новые кадры авиаціи. До послѣдняго времени нашъ воздушный флотъ бездѣствовалъ.

Армія настаивала на томъ, чтобы воздушный флотъ былъ введенъ въ бой весною, когда начнется оживленіе на фронтахъ. А морское командование пожелало, чтобы наши воздушныя силы согласовали свои дѣйствія съ нимъ, потому что, пока непріятельский флотъ блокируетъ берега, побѣда надъ арміями Каракана немыслима.

— Я вижу, что снова у насъ пререкаются. И какъ разрѣшился этотъ спорный вопросъ?

— Споры разрѣшились благодаря письму, полученному отъ

Марго Дауниссонъ. Статья-секретарь Дауниссонъ выдѣлилъ авіацію въ самостоятельную единицу и далъ ей заданіе выступить вмѣстѣ съ нашимъ морскимъ флотомъ.

— Я не могу понять, какая существуетъ связь между письмомъ Марго и подобнымъ разрешениемъ вопроса.

— Связь эта очевидна. Теперь мы освѣдомлены о томъ, чго намъ слѣдуетъ ожидать отъ адмирала Брикстона, командующаго флотомъ Каракана. Намъ известно его прошлое. Мы знаемъ, что въ Ютландскомъ бою, когда онъ командовалъ однѣмъ изъ англійскихъ истребителей, ему было вынесено по-приданіе за недостатокъ инициативы. Однимъ словомъ, эта чловѣкъ всегда страдалъ отъ переизбытка осторожности.

Теперь ему суждено было выслушать замѣчаніе Каракана, обвинявшаго его въ томъ же. Наша конфрѣ-развѣдка тщательно выяснила общій обликъ и психологію каждого изъ непріятельскихъ командующихъ.

Для насъ эти свѣдѣнія имѣютъ неменьшее значеніе, чѣмъ свѣдѣнія о боевомъ вооруженіи непріятельскихъ судовъ. На основаніи этихъ свѣдѣній мы можемъ предположить, какъ непріятельскіе военачальники будутъ дѣйствовать въ томъ или иномъ положеніи. Мы знаемъ, что они предпримутъ, и знаемъ, что намъ слѣдуетъ предпринять. Наші свѣдѣнія о Брикстонѣ — первый нашъ козырь въ этой игрѣ, а второй наші козырь — это нашъ воздушный флотъ. На эти два козыря мы поставимъ все.

Кромѣ того къ нашей выгодѣ говорятъ и то обстоятельство, что Караканъ солдатъ, а не морякъ. У первого Наполеона было то же самое уязвимое мѣсто.

Для меня послѣдніе дни февраля, проведенные на Кубѣ, были вполнѣ особаго смысла и значенія. Безпрерывно шли приготовленія къ величайшей битвѣ эпохи. По ночамъ транспорты доставляли въ Гавану безчисленныя подкрепленія, которыя направлялись въ восточную часть острова и размѣщались въ Санть-Яго и Санть-Фуего.

Острова Гаити, Доминика и Порто-Рико были оставлены безъ вниманія. Несмотря на то, что гарнизонъ этихъ острововъ былъ малочисленъ, а оборонительныя сооруженія соответствовали требованіямъ современной техники, островамъ этимъ

не было удълено вниманія, таъжъ какъ было ясно, что Каражанъ не склоненъ развивать своего наступленія въ Вест-Индіи. При желаніи онъ могъ бы давно захватить эти острова, но не считалъ нужнымъ распылять своего вниманія.

Самой опасной для нась позиціей Каражана являлся островъ Ямайка, служившій въ 1814 году англичанамъ для подготовки нападенія на Новый Орлеанъ. Ямайка угрожала Панамскому каналу и для Каражанскоаг моря имѣла пріимѣніе то же значеніе, что Пиблралтаръ для Средиземнаго моря.

Цѣлью американскихъ операций являлся захватъ этого острова.

Сотни плантаций табака и сахарного тростника превратились въ замаскированные аэропромты, на которыхъ были спрятаны аэропланы, боевое снаряженіе и припасы.

Верховное командование въ этой операции было поручено генералу-майору Сенфорду.

Переброска флота и армій, заранѣе обсужденная объединеннымъ штабомъ всѣхъ силъ, началась 29 февраля. Со всѣхъ сторонъ — изъ Кей-Веста, Тампа, Пенсаколы, Гальвестона, Тампико и Веракруца вышли наши суда, направляясь къ Юкатанскому полуострову.

На слѣдующую ночь воздушный флотъ Соединенныхъ Штатовъ, состоявший нынѣ изъ двухсотъ эскадръ и 3600 воздушныхъ боевыхъ единицъ, вылетѣлъ на острова Куба и Гаити.

Несмѣтное число аэроплановъ неслось въ Гавану. Ночной перелетъ проходилъ на очень большой высотѣ и прежде чѣмъ наступить разсвѣту, воздушный флотъ достигъ цѣли свое-го путешесвія. Въ теченіе одной ночи всѣ сахарные и табачные плантации были сожжены и превратились въ аэропромты. Тысячи рабочихъ привели ихъ въ порядокъ и приготовили для приема воздушныхъ эскадръ. Тутъ же послѣ того, какъ воздушные силы американцевъ снизились, мѣсто ихъ стоянки было замаскировано.

Командующій воздушными силами, адмиралъ Рамзай смо-гъ въ тотъ же день довести до свѣдѣнія правительства, что весь воздушный флотъ благополучно прибылъ на новое мѣсто сто-

янки, и что, повидимому, операция эта осталась для противника незамѣченной.

Въ ночь на 1 февраля группа быстрогоходныхъ пароходовъ, подъ прикрытиемъ ночныхъ темноты, вышла въ плаваніе и, обогнувъ мысъ Капъ-Андроніо, прибыла подъ прикрытиемъ береговой полосы на островъ Панто.

Американские минные истребители продолжали крейсиро-вать въ береговыхъ водахъ, тщательно слѣдя за тѣмъ, чтобы подводные лодки противника не помѣшили переброскѣ. Мин-ныхъ истребителей поддерживали американские летчики, кру-жившіе надъ островомъ. День 2 марта прошелъ спокойно. Непріятель не обнаружилъ американскихъ силъ.

Послѣ обѣда американские транспорты подъ конвоемъ флота понеслись полными ходомъ къ сѣверному берегу Ямайки.

Незадолго до наступленія сумерекъ въ путь пустилась вторая флотилия съ транспортами, на которые было погру-жено большое количество солдатъ.

А въ ночь на третью марта, за два часа до разсвѣта, американский воздушный флотъ поднялся въ воздухъ съ шестидесяти различныхъ аэропромтовъ и также взять курсъ на Ямайку. Часомъ ранѣе въ томъ же направлении вылетѣли аэропланы, размѣщеніе на Гаити.

Я, въ сопровожденіи капитана Ресселя и Спода, поднялся на аэропланѣ „Чикаго Трибюнъ“ и послѣдовалъ за нашими воздушными силами съ тѣмъ, чтобы сопровождать ихъ въ первыи воздушный бой.

Битва при Ясаикѣ началась на разсвѣтѣ въ ночь на 4 марта. Подъ прикрытиемъ ураганного огня, развитаго нашей сур-довой артиллерией и воздушными флагами, наши десантныя суда продвинулись къ берегу, намѣтивъ себѣ цѣлью два важ-ныхъ стратегическихъ пункта на восточномъ и западномъ побережьяхъ острова. И Монтего-Бай и Анното-Бай соединялись желѣзной дорогой съ Кингстономъ, и отъ устья ихъ про-движений зависѣло очень многое.

Съ высоты аэроплана мы наблюдали за операциями на-шего флота и видѣли, какъ наши суда, остановившись въ двад-цати пяти километровъ отъ берега, открыли ураганный огонь по выпущеннымъ пунктамъ побережья.

Береговыя сооружения красныхъ, снабженныхъ $7\frac{1}{2}$, 15 и 20-санитметровыми орудиями, были сметены нашимъ огнемъ. Однако высадка была затруднена тѣмъ, что вдоль всего побережья непріятель заставилъ въ песокъ съ пулеметами и эти пулеметные гнѣзда щѣяли смерть и разрушеніе, нанося нашимъ войскамъ большой уронъ.

На помощь нашимъ войскамъ пришли снизившіеся аэропланы, въ свою очередь подвергшіе береговыя позиціи красныхъ пулеметному обстрѣлу. Наши аэропланы, пролетая на высотѣ 150 метровъ, неслись со скоростью 250 километровъ въ часъ, и во многихъ пунктахъ вынудили противника къ молчанию.

Примѣрно то же самое происходило и въ Монтего-Баѣ. Въ обсихъ пунктахъ нашимъ войскамъ удалось захватить железнодорожную линію. Отступающій противникъ продолжалъ нести большія потери, и наши летчики вносили въ его ряды смятіе.

Въ сумеркахъ наши, превосходящія непріятеля, воздушныя силы появились надъ пятью аэродромами красныхъ, имѣвшимися на островѣ Ямайка, ибросили большое количество бомбъ. Эта бомбардировка уничтожила непріятельскіе аэропланы. Склады боевыхъ припасовъ взлетѣли на воздухъ, кое-гдѣ начался пожаръ. Нѣкоторымъ краснымъ летчикамъ удалось подняться на воздухъ, но они были юблены нашими боевыми аэропланами.

Взять курсъ на югъ къ Кингстону, мы замѣтили, что рядъ аэродромовъ попали въ руки нашихъ отрядовъ — теперь на аэродромахъ красовались американскіе аэропланы. Адмираль Рамзай внесъ въ авиаціонное дѣло важное новшество — онъ не только уничтожилъ непріятельскія авиаціонныя силы, но и перебросилъ на непріятельскіе аэродромы множество американскихъ аэроплановъ, высадившихъ десантъ. Этого десанта предназначался для охраны аэродромовъ.

— Вотъ тамъ находится Кингстонъ, — воскликнулъ Блинкъ Рессель.

Надъ городомъ рвались снаряды, свидѣтельствовавшіе о томъ, что береговыя батареи еще не были приведены въ боѣгодность.

Пролетая надъ укрѣпленными позиціями Порт-Рояля,

наші флотъ подвергся ожесточенному обстрѣлу изъ зенитныхъ орудій. Американскіе мощные аэропланы круто снизились ибросили въ стоявшія на рейдѣ подводные лодки множество бомбъ.

Три подводныхъ лодки быстро погрузились въ воду. Въ плавучемъ докѣ стоялъ броненосный крейсеръ, въ которомъ мы опознали тортугальскій крейсеръ „Васко де Гама“. Экипажъ крейсера открылъ огонь по нашимъ аэропланамъ и вынудилъ двухъ нашихъ легчиковъ снизиться. Удачное попаданіе пробило брюю крейсера ниже кильватерной линіи, и онъ сталъ медленно опускаться въ воду.

Къ четыремъ часамъ дня городъ Кингстонъ превратился въ груду дымящихъ развалинъ. Лишь одиночные выстrelы свидѣтельствовали о томъ, что кое-гдѣ непріятель продолжаетъ оказывать сопротивленіе.

Американскіе моряки заняли вокзалъ и вторглись въ городъ.

Непріятній генералъ Линкольнъ Уильберфорсъ, командовавший войсками непріятеля, былъ вынужденъ сдаться со всѣмъ своимъ штабомъ, а къ вечеру въ портъ прибыли первые американскіе транспорты и приступили къ выгрузкѣ притасовъ и боевого снаряженія. То была первая значительная победа американского оружія. Наші новый воздушный флотъ, получившій въ этой операции свое боевое крещеніе, показалъ себя самой лучшей сторонѣ и явился въ этомъ сраженіи рѣшальною силой.

Впервые со временіи начала войны звѣздное знамя снова взвилось тамъ, где еще недавно развѣвалось радужное знамя Караканга. У краснаго Наполеона удалось вырвать свыше 12 тысячъ километровъ территории.

Вскорѣ послѣ того, какъ моряки вошли въ портъ, Блинней снизилъ аппаратъ, и мы смогли присутствовать на импровизированномъ торжествѣ, состоявшемся на рыночной площади.

Въ своемъ сообщеніи я подробно описалъ восторгъ, охватившій присутствовавшихъ, когда звѣздное американское знамя поднялось ввысь и взвилось на флагштокѣ.

Но меня ожидало разочарованіе. Цензура запретила мое сообщеніе, и капитанъ Рессель объяснилъ мнѣ, почему сооб-

щеніе о первомъ одержанномъ успѣхѣ должно было быть скрыто отъ миллионоў американцевъ, трепетно ожидающихъ въстѣ съ фронта.

— Дѣло въ томъ, что напѣть успѣхъ многимъ обязаиъ тому, что мы действовали рѣшительно и заставили красныхъ врасплохъ. Они не предполагали, что мы рѣшимся напасть на нихъ. Особенно важнымъ было для насъ въ самомъ начаѣ нападенія разрушить красные радио-станціи на Ямайкѣ. Я надѣюсь, что напѣть замыселъ удалился и что связь съ главными распложеніемъ красныхъ была прервана. Уилберфорсъ въ послѣдній разъ сносился съ главными штабомъ лишь утромъ и въ первомъ своемъ днѣсении врядъ ли могъ сообщить что-нибудь о начавшемся нападеніи. Мы надѣемся, что красному флоту ничего не известно о захватѣ нами Ямайки. Въ нашихъ интересахъ, чтобы Караканы полагали, что его войска все еще занимаютъ островъ Ямайку и оказываются нами сопротивленіе. Ксичечно, ужасно, что намъ приходится скрывать сообщеніе об этой пробѣдѣ отъ нашихъ соотечественниковъ, но сперва намъ слѣдуетъ добиться болѣе ощущительныхъ результатовъ.

— Гдѣ-то тамъ вдали, — продолжалъ онъ, указывая на море, — погруженные въ мракъ, находятся наши флоты и флотъ противника... Тщетно пытаются они напасть другъ друга и войти въ соприкосновеніе. Отъ ихъ маневровъ можетъ зависѣть исходъ войны. Мы взяли Ямайку, — теперь передъ нами новая задача — мы должны удержать ее. Гдѣ-то на сѣверѣ отъ Колоніи находится красный флотъ, величайшая изъ существовавшихъ на протяженіи всей истории Армадъ. Она выступить противъ насъ. Единственное, что насть отдалиться отъ напрѣятельскаго флота, — это наши морскія силы. Отъ маневровъ флотовъ зависитъ все.

Впослѣдствіи удалось установить, что надежды нашего
войсководства на то, что непріятель не успѣть сообщить вер-
ховному командованію о нашемъ стремительномъ нападеніи,
были обоснованы.

Иеронимъ Пиктъ, членъ военнаго корреспондентъ, находившійся на Ямайкѣ, пишетъ на 221 страницѣ своей книги слѣдующее:

Результат сражения и исход войны повисли на Волске.

Генераль Уильберфорсъ сообщилъ о высадкѣ непріятельскихъ войскъ въ Монтго-Баѣ и Аннто-Баѣ, но перевѣсь амѣриканцевъ въ воздухъ было настолько велико, что къ моменту развигтія наступленія врага на Кингстонъ на островѣ Ямайка не оказалось ни одной радиостанціи, которая уцѣльла бы подъ обстрѣломъ противника. Генераль Уильберфорсъ попытался сообщить въ ставку о происходящемъ, используя радиостанціи стоявшихъ на рейдѣ судовъ, но атмосфера была настолько загита радиоволнами противника и разрядами, что его донесенія не достигли цѣли. Американцы потопили всѣ находящіяся на рейдѣ суда, и даже подводнымъ лодкамъ не удалось укрыться отъ обстрѣла противника.

Наша воздушная сила смогла противостоять происходящему силам противника лишь в течение двух часов. Однажды из аэропланов, слегка поврежденный на разбеге, поднялся послать объект в воздух и попытался доставить в штаб донесение Уильберфорса о происшедшем и требование о помощи. Этот аэроплан однажды не вернулся к месту своего назначения. Быть ли он сбит противником, или же потерпел аварию — осталось неизвестным. (Судьба Ямайки Иерусалима Пика. Изд. Кинг и Гаррисон Смит, Нью-Йорк, цена 12,50 долларов.)

На утро мы должны были снова пуститься въ путь. Ближкъ Рессель возвратился въ отель лишь поздно вечеромъ, принеся съ собою множество новостей о предстоящемъ походѣ американского флота на Ямайку. Въ эту ночь они воздать должное ямайскому рому.

На разъѣздѣ мы вылетѣли на юго-востокъ. При этомъ мы были свидѣтелями прибытія на островъ новыхъ воздушныхъ аэроплановъ, лѣгавшихъ на высотѣ двухъ съ половиною тысячъ метровъ, и черезъ часъ очутились надъ какой-то эскадрой.

Капитаны Рейссель опознали въ судахъ второй атлантической эскадры нашего флота.

— Вотъ тамъ виднѣется „Калифорнія“, — сказалъ синь. — Это флагманское судно — Адмираль Бантлингъ, — далъ четьре дредноута, четьре крейсера, отрядъ истребителей, дивизионъ подводныхъ лодокъ. И, наконецъ, позади эскадры пло- вущая авиационная база. Если замъ понашобится пополнить

зашась бензина, мы спустимся на нее. Я знакомъ съ ея капитаномъ.

— Моя резервуары полны, — отвѣтилъ Спидъ.

— Тамъ виднѣется „Ореонъ“, — продолжалъ своимъ общежитиемъ Рессель. — Это флагманское судно всего нашего флота — на шесть адмираль Кеннеди. Тамъ, въ сѣрой бронированной башнѣ, находится мозгъ, рѣшающей сегодня судьбу дяди Сами.

Вмѣстѣ съ флотиліей военныхъ аэроплановъ, образовавшими въ небѣ журавлинный клинъ, мы легли на юго-востокъ. Стоялъ чудесный безоблачный день, и Карибское море, озаренное лучами солнца, блестѣло подъ нами ослѣпительной синевой. Всювѣрь послѣ полуодна на горизонте показались дымки, и нашъ авиационный отрядъ поднялся еще выше, не перемѣнившись направленія.

— Должно быть, это третья наша эскадра подъ командой адмирала Кестера. Флагманский корабль — „Техасъ“. Въ составѣ эскадры входили линейные корабли: „Пенсильванія“, „Аризона“ и „Нью-Йоркъ“. За ними слѣдуетъ дивизіонъ крейсеровъ, въ составѣ котораго входятъ: „Гальвестонъ“, „Чаттануага“, „Денверъ“. Эта эскадра, подкрученная дивизіономъ истребителей и подводныхъ лодокъ, составляетъ самостоятельную боевую единицу. Къ ней причислена и плавучая авиа-база „Джонъ Роджерсъ“, подъ командованіемъ капитана Уатсонъ. Мы спустимся къ немъ и ознакомимся съ тѣмъ, что произошло за послѣдніе часы.

Капитанъ Уатсонъ принялъ насъ, на капитанскомъ мостику, увидѣвъ его, я вспомнилъ о веселыхъ часахъ, проведенныхъ въ его обществѣ въ 1928 году въ Вашингтонѣ. Въ тѣ времена онъ командовалъ авиа-базой въ Анакостіа. Онъ не перемѣнился — я увидѣлъ передъ собою все тотъ же вздернутый носъ, привѣтливые глаза, услышалъ все тотъ же радостный голосъ. Онъ сердечно поклалъ мнѣ руку.

— Мы ожидаемъ, что бой начнется еще сегодня, — сказалъ онъ, — хотѣлъ бы я знать, гдѣ плаваютъ суды Каракаша. Мы все время идемъ полнымъ ходомъ и до сихъ поръ не обнаружили присутствія его флота. Ни одна подводная лодка не попадалась намъ на пути. Мы думали, что встрѣтимъ

его эскадру, стационарировавшую въ Венецуельскомъ заливѣ, но и ея не оказалось.

Капитанъ Рессель и я сѣли за столъ въ обществѣ капитана Уатсонъ, тогда какъ Бинней раздѣлилъ трапезу офицеровъ. Около часу мы покинули базу и полетѣли на юго-западъ.

Въ три часа мы замѣтили на горизонте первую американскую эскадру — она взяла курсъ на юго-востокъ.

Капитанъ Рессель любезно сообщилъ мнѣ, что эскадра эта плыветъ подъ флагомъ адмирала Аткинса и состоитъ изъ слѣдующихъ линейныхъ кораблей: „Западная Виргинія“, „Теннесіи“, „Мерилендъ“, „Колорадо“.

Передъ дредноутами плыли четыре крейсера: „Солнечное озеро“, „Честеръ“, „Чикаго“ и „Пенсакола“. На послѣднемъ развѣвался флагъ коннаго адмирала Бернса.

За эскадрой слѣдовали истребители, подводные лодки и авиа-база „Лентгей“.

Мы легли за нашимъ авиаціоннымъ отрядомъ на югъ, но не могли угоняться за ними. Минувавъ линію истребителей, шедшихъ впереди эскадры, мы увидѣли примѣрно въ 15 километрахъ перисьюны и башни подводныхъ лодокъ. Намъ показалось, что лодки эти идутъ съ толо же быстротой, съ которой шла эскадра.

На изѣкоторое время мы потеряли изъ виду нашу авиаціонный отрядъ, но мы не измѣнили курса, разсчитывая, что наѣмъ „Джонъ Роджерсъ“ выйдетъ на развѣдку въ юго-западномъ направлении.

Его предположеніе оправдалось, и, когда мы снова увидѣли нашъ отрядъ, то оказалось, что девять нашихъ аэроплановъ вступили въ упорный воздушный бой съ семью непріятельскими аэропланами. Воздушное сраженіе длилось двадцать минутъ, и въ наѣмъ погибло шесть непріятельскихъ аппаратовъ и два нашихъ лётчика.

Подводные лодки эскадры адмирала Аткинса должны были находиться гдѣ-то поблизости, но, насколько хватало глазъ, ихъ не было видно.

Въ то мгновеніе, когда первый американский аэропланъ былъ сбитъ противникомъ и рухнулъ внизъ, Бинней заставилъ

шашь аэропланъ круго снизиться. Въ ушахъ зашибель вѣтеръ — мы стремительно неслись внизъ, къ сырой точкѣ, виднѣвшейся на поверхности моря. Бинней описалъ нѣсколько спиралей, и мы спустились на воду въ нѣсколькохъ десяткахъ метровъ отъ подстрѣленнаго аэроплана.

Въ то мгновеніе, когда мы приблизились къ нему, аэропланъ медленно стала погружаться въ воду. Я стоялъ въ дверяхъ католы вооружившись спасательнымъ кругомъ. Но наши старания были тщетны. Прикрытленный ремнями къ своему сидѣнію, пилотъ былъ мертвъ. Спустившись на его аппаратъ, Рессель снялъ что-то съ левой руки летчика, сунулъ этотъ предметъ въ ротъ и отспѣшилъ назадъ. Очнувшись снова среди чащи, онъ выпнуль изо рта тоненьку серебрянную пластинку, висѣвшую на цѣпочкѣ, и сказалъ:

— Бѣднаго мертвъ, — три пули попали ему въ голову. Вотъ его отличительный жетонъ, — мы его перенесемъ въ его отрѣдъ. Умеръ смертью летчика и обрѣлъ могилу моряка...

— Вниманіе, — воскликнулъ Бинней, — вотъ еще кто-то падаетъ.

Снова заработали наши мощные моторы, и мы понеслись по водѣ. Прежде чѣмъ второй американскій аэропланъ коснулся воды, мы успѣли развить полную скорость. Въ послѣднее мгновеніе машина выпрямилась и затѣмъ рухнула нѣколько въ воду. Въ то мгновеніе, когда хвостъ машины взметнулся въ послѣдний разъ, изъ аэроплана выплыло чѣ-то тѣло.

— Вотъ онъ! — вскричалъ Бинней, круго поворачивая аппаратъ вѣтру. Еще нѣсколько секундъ, и Рессель, глубоко перегнувшись, схватилъ летчика за шиворотъ и съ моей помощью втащилъ его въ нашъ аппаратъ.

Летчикъ не быть раненъ, — онъ потерпѣлъ лишь сознаніе и вскорѣ пришелъ въ себя. Лишь съ трудомъ смогъ онъ сообразить, что произошло, и тѣмъ онъ находится.

Неожиданно въ пятнадцати метрахъ отъ нашего аэроплана поднялся въѣзъ большої воцѣнной столбы. Въ то мгновеніе, когда водянная масса снова рухнула въ море, мы услышали вѣтъ второй гранаты.

— Намъ надо покорѣе убраться отсюда, — воскликнулъ Бинней, и нашъ аппаратъ снова взмылъ вверхъ.

И безпрестанно мѣняя направление, мы понеслись на сѣверъ.

— Насъ обстрѣляла непріятельская подводная лодка, — сказалъ Рессель. — Возьми они на десятокъ сантиметровъ лѣвые, и мы прощались бы съ жизнью. Должно быть, это не единственная непріятельская подводная лодка въ этихъ водахъ. Должно быть, за ними слѣдуетъ и весь непріятельский флотъ. По моимъ расчетамъ, флотъ Каракана взять курсъ на сѣверъ отъ Колонна. Если это такъ, то наше флотъ стремится къ одному и тому же пункту и намъ пора убраться отсюда.

Мы взяли курсъ на сѣверо-востокъ, потому что Рессель предположилъ, что въ этомъ направлении мы направляемся на передовыя силы третьей американской эскадры.

Нынѣ мы знаемъ то, о чѣмъ тогда и не подозревали. Въ то мгновеніе, когда мы легли на сѣверо-востокъ, стремясь отыскать наши морскія силы, красный флотъ встрѣтился съ нашей эскадрой и вступилъ въ бой.

Этотъ историтический мигъ, съ котораго началась первая стадія морскаго сраженія въ заливѣ Уиндовордъ, былъ 4 марта 1936 года въ 4 часа сорокъ пять минутъ пополудни.

Передовыя силы краснаго флота находились въ это мгновеніе на триста восемьдесятъ километровъ южнѣе Ямайки.

На противѣ дути, образованной флотомъ Каракана, стояла первая американскія эскадра. Курсъ ея быть юго-востокъ. Непосредственно на югъ, у Гаваны находилась третья американскія эскадра. Нѣсколько дальше на сѣверъ, между обѣими эскадрами, находился главнокомандующій американскими морскими силами со второй эскадрой и некоторыми вспомогательными боевыми единицами.

Американскія морскія силы такимъ образомъ образовывали три угла неравносторон资料的 triangle. По мѣрѣ того, какъ онѣ поддвигались на югъ, основаніе этого треугольника уменьшалось.

Все это разъяснило мигъ во время полета капитанъ Рессель. Намъ повстрѣчался авиационный отрядъ, летѣвший на востокъ, и мы присоединились къ нему.

Подъ нами на спокойной морской глади не было видно ни

одного дымка. А черезъ чашь это спокойное море превратилось въ адъ.

На нашъ отрядъ ринулся отрядъ непріятеля, состоявший изъ сорока аэроплановъ. Въ этомъ ужасномъ воздушномъ сраженіи на каждого американскаго пилота приходилось по два нападавшихъ на него аэроплана красныхъ. Въ первыя же пять минутъ боя были сбиты четыре наши машины, — у непріятеля было подбитъ только одинъ гидропланъ.

Въ то время, какъ Бинней снижалъ нашъ тяжелый аппаратъ, чтобы вывести настъ изъ зоны боя, какой-то непріятельскій гидропланъ попытался сбить настъ. Градъ пуль изрѣшилъ обшивку нашей каюты. Одна изъ пуль разбила альти-метръ какъ-разъ въ то мгновеніе, когда я смотрѣлъ на него. Спасенный нами пилотъ былъ убитъ пулей наповалъ.

— Пробить резервуаръ съ бензиномъ, — воскликнулъ на-приженію работавшій Бинней и сдѣлалъ еще одну попытку ускользнуть изъ-подъ пулеметнаго обстрѣла. Тяжелый запахъ бензина наполнилъ каюту.

— Мы снижаемся, — предупредилъ меня Бинней, и въ то мгновеніе, когда аппаратъ нашъ коснулся воды, въ лѣвомъ моторѣ вспыхнула покарть.

Бинней и я попыгались заглушить пламя противопожар-ными приспособленіями, а уцѣлѣвшіе три американскихъ аэроплана, преслѣдуемые десяткомъ непріятельскихъ аэроплановъ, понеслись на сѣверъ.

— Съ отнемъ не справишься, — сказалъ Рессель, — все смочено бензиномъ. Мы должны сбросить моторъ въ море и срѣзать крылья. Летать наша машина больше не можетъ; быть можетъ, она продержится на водѣ.

И мы ожесточеннно принялись освобождать оставть аппарата отъ тяжелаго мотора и отъ плоскостей крыльевъ. Биннею удалось разорвать прикреплявшіе моторъ тросы, и моторъ рухнулъ въ воду, взмешнувъ стомбъ пара.

— Славная исторія, — сказалъ Рессель, когда намъ уда-лось освободиться отъ загорѣвшихъ плоскостей.

Ни воды, ни провіанта, ни ключка ткани, изъ которой мож-но было бы соорудить парусъ. И мы обречены сидѣть въ та-

комъ положеніи и бездѣйствовать, въ то время, какъ тамъ разы-гryvается величайшее въ мірѣ морское сраженіе.

— Больше ни за что не полечу безъ пулемета, — подо-садовалъ Бинней. — Вотъ уже второй аэропланъ погибаетъ подо мною. И все это потому, что мнѣ остается запищаться противъ пулеметовъ воздушными пицѣлумиями. Славный счетецъ предъявлю я „Чикаго Трибюнъ“.

Быстро спустились сумерки — наступила ночь.

13

Въ то время, какъ мы безпомощно плыли сквозь ночь по Карабибскому морю, мысли мои возвращались къ февралю 1917 года. Я вспомнилъ о памятной мнѣ ночи, когда я плылъ въ лодкѣ, спасвшись посль гибели „Лаконіи“, потопленной герман-скими подводными лодками.

Съ той поры прошло двадцать лѣтъ, и ничто не измѣнилось на земномъ шарѣ; покрежнему человѣчество рѣшило свои споры-при помощи оружія и войны. Все еще люди убивали другъ друга. Какъ странно, что мысли о мирѣ приходятся на умъ именно тогда, когда чувствуешь приближеніе смерти.

Издали изъ ночныхъ мрака доносился грохотъ орудийной канонады — мы не могли определить, съ какой стороны онъ доносится. Блинкъ Рессель снова ожидался.

— Господи, они дерутся и, кажется, бой приближается къ намъ, — сказалъ онъ. — Мнѣ кажется, битва разверты-вается въ нашеѣ направлениѣ. У насъ есть надежда, малень-кая надежда на то, что настъ выудятъ изъ воды.

— Теперь мы не только слышали ревъ канонады, но и видѣли далѣко на черномъ горизонѣ вспышки орудий.

— Тамъ дѣло пошло всерьезъ, — сказалъ Бинней. — Вотъ только не пойму, какъ это они ухитряются разглядѣть другъ друга въ такую темень.

Потомъ мы услышали, какъ мимо настъ съ ужаснымъ воемъ пронеслось какое-то чудовище. То былъ минный истребитель, чуть не протаранившій нашу хрупкую скорлупу. Нашъ линчен-ный управліенія кузовъ гидроплана заплысалъ на гѣнныхъ вол-

нахъ, образовавшихся посль истребителя. Мы закричали изо всѣхъ силъ, но нашъ крикъ не былъ услышанъ.

Бинта приближалась къ намъ — справа и слѣва отъ насъ премѣли орудія, надъ нами съ воемъ проносились снаряды. Нѣкоторые изъ нихъ рухнули въ воду недалеко отъ насъ, обдавъ насъ водяными брызгами. Ужасный взрывъ справа чуть не оглушилъ насъ. Вокругъ насъ стало светло, какъ днѣмъ.

— Господи, что это? — вскричалъ Биннъ.

— Что-то серьезное произошло. Должно быть, мина взорвала какое-нибудь судно, — пояснилъ Рессель. — Будемъ надѣяться, не наше.

Мимо насъ проносились истребители. На разстояніи двадцати метровъ стѣ наѣтъ я видѣлъ, какъ однѣ изъ истребителей начали погружаться въ воду. До насъ доносились крики его команды, прыгавшей въ воду. Непроизвольно мы окликнули некоторыхъ изъ нихъ и помогли имъ взобраться къ намъ.

То были моряки съ американскаго истребителя D 201, принадлежащаго къ третьей эскадрѣ второй флотилии, состоявшей подъ командованіемъ вице-адмирала Хельтигана. Недалеко отъ насъ второй истребитель подбирая оставшихся въ живыхъ моряковъ. Мы окликнули его и насъ подобрали — мы очутились на борту истребителя „Уоррингтон“.

Въ какимъ способомъ судьба перебросила насъ въ самую гущу ужаснаго морскаго сраженія, разыгравшагося въ ночи съ 4-го на 5-ое марта, вточеслѣдствіи называемаго „Второй фазой сраженія въ заливѣ Уиндуортъ“.

Рессель и я направились къ капитану Хеннену на капитанскій мостикъ. Быстро, которую развивалъ истребитель, казалась сквозной Содроганіе паровыхъ колесъ и машинъ, несшагающіе на всѣхъ парахъ судна было невыносимо. Обмынявшись съ поглощеннымъ ходомъ боя капитаномъ нѣсколькоими словами, Рессель объяснилъ мнѣ слѣдующее:

— При группѣ нашего флота, повстрѣчавшейся съ нами сего-дня, отходя отъ сѣвера для того, чтобы сконцентрироваться. Красный флотъ предстѣдуется нашимъ силамъ. Наши истребители нападаютъ на него. Сегодня мы будемъ свидѣтелями прозывныхъ событий.

— Но я не могу понять, почему нашъ флотъ разбитъ на

три отдѣльныхъ группы, — замѣтилъ я. — Почему мы не сосредоточили свои силы? Мнѣ казалось, что азбучное требование морской тактики заключается въ наиболѣе полномъ сосредоточеніи всѣхъ силъ.

— Не мы одни поражены нашими дѣйствіями. Не менѣе поражены были и противникъ, когда онъ сегодня натолкнулся на востокѣ на одну изъ нашихъ эскадръ, а потомъ въ отрѣстахъ двадцати километровъ на западѣ встрѣтилъ вторую нашу эскадру. Непрѣятельское командование предположило, что ему удалось разорвать наши силы, и попыталось вбить клинъ между нашими двумя эскадрами. При выполненіи этой операции они натолкнулись въ центрѣ на основные силы нашего флота.

Нашъ планъ имѣлъ цѣлый рядъ преимуществъ.

Во первыхъ: каждая изъ нашихъ эскадръ располагаетъ полной независимостью и свободой маневрированія. Мы имѣемъ возможность въ случаѣ столкновенія ввести въ бой все потребныя намъ силы.

Во вторыхъ: при подобномъ расположении силъ мы можемъ въ полной мѣрѣ использовать скорость нашихъ истребителей, крейсеровъ и гидроiplanovъ.

Въ третьихъ: мы увеличиваемъ эффектъ полезнаго дѣйствія нашихъ подводныхъ лодокъ.

Въ четвертыхъ: каждая изъ отдѣльно взятыхъ эскадръ имѣетъ возможность вступить въ бой и поддержать соединенную эскадру, на которую напали превосходящія ею силы противника. Короче говоря, нашъ планъ даетъ намъ возможность легче сконцентрировать наши силы и дѣлаетъ ихъ болѣе подвижными.

— А ты чѣмъ заключается непрѣятельская система? — спросилъ я.

— Они пользуются старой англійской тактикой, примѣнявшейся еще во времена Нельсона. Боевые суда объединены въ одинъ отрядъ, крейсера въ другой, истребители въ третий. Подобное единство силъ очень благопрѣятно въ стадіи боя, но сильно затрудняетъ маневрированіе.

Поясненія Ресселя представляли для меня большой инте-

ресь, ио еще большій интересъ представляли для меня развертывавшіяся передо мною событія.

Послѣдующіе часы превратились для меня въ какой-то чудовищный сонъ, сокращенный изъ несущихся на всѣхъ парахъ судовъ, грохочущихъ орудій, взрывовъ, смерти и разрушенія.

Ночное сраженіе, разыгравшееся въ Карабасскомъ морѣ между нашимъ флотомъ и преслѣдовавшимъ его флотомъ Каракана, описано въ рядѣ трудовъ. И всѣ историки принуждены воздать должное талантамъ адмирала Кеннеди, не переставшаго тревожить непріятеля, бросая ему настѣрѣчу свои легкія суда и уводя крупныя боевые единицы къ условленному пункту, на которомъ должно было произойти объединеніе всѣхъ морскихъ силъ для грядущаго большого боя.

Результаты ночного сраженія лишь разы подтвердили, насколько правильнъ былъ его планъ сраженія. При атакахъ на громады непріятельского флота нашихъ истребителей нѣсколько десятковъ послѣднихъ погибло, и то днѣю прошли тысячи нашихъ моряковъ. Однакъ некоторымъ нашимъ истребителямъ удалось прорвать завѣсу непріятельскихъ истребителей и подорвать три непріятельскихъ дредноута.

Какъ минъ штурмъ стало извѣстно, выполненіе этой задачи облегчила хитрость, привнесенная однимъ изъ нашихъ офицеровъ.

Оба флота пользовались установленными свѣтовыми сигналами, такъ, какъ это принято и въ сухопутныхъ частяхъ. Сигналы эти служатъ для опознанія своихъ судовъ, и состоять изъ чередующихся вспышекъ свѣта, соотвѣтствующихъ знакамъ азбуки Морзе.

Одинъ изъ красныхъ истребителей, повстрѣчавшись съ американскимъ истребителемъ, далъ свѣтовой сигналъ, который былъ замѣченъ и записанъ американскимъ офицеромъ. Американскому истребителю удалось въ темнотѣ проискользнуть незамѣченнымъ и, когда онъ повстрѣчался съ другимъ непріятельскимъ судномъ, онъ использовалъ непріятельский сигналъ и красное судно отвѣтило на сигналъ.

Капитанъ американского истребителя сообщилъ по радио объ условленномъ сигнальномъ командующему флотомъ, который въ свою очередь сообщилъ о немъ остальнымъ боевымъ единицамъ.

Благодаря этому, въ теченіе ночи нашимъ истребителямъ удалось нѣсколько разъ обмануть бдительность непріятеля, прорвавшись за линію истребителей красныхъ и выпустивъ свои мины въ непріятельские дредноуты.

Одновременно ночное сраженіе имѣло цѣлью сократить численность непріятельского флота. И действительно, непріятельский флотъ, вышедший въ походъ въ составѣ тридцати одного дредноута, на слѣдующій день насчитывалъ двадцать восемь дредноутовъ.

Помимо ряда истребителей, американский флотъ потерялъ лишь одинъ линейный корабль, отдѣлившійся отъ остальныхъ судовъ своего типа и испытанный непріятельскими истребителями. Въ три часа утра онъ былъ подорванъ минами и потонулъ.

Какъ впослѣдствіи выяснилось, въ ночномъ сраженіи непріятель потерялъ дредноуты „Айронъ Дьюкъ“, „Рояль Северенъ“ и „Марна“.

Нашъ флагманскій корабль на разсвѣтѣ, не умѣряя склонности, достигъ расположения основныхъ силъ американского флота, только что закончившаго концентрацію своихъ силъ и развернувшагося въ боевую колонну.

Хеній приблизился къ флагманскому дредноуту „Орегонъ“ и просигнализировалъ флагштокомъ, что я, Спіцъ Бинней и Рессель находимся на борту „Оуртменъ“ и просимъ разрѣшенія перейти на дредноутъ. Тутъ же намъ были брошены чалки и веревочные лѣстницы, и мы взобрались на палубу дредноута.

Съ наступленiemъ дня на югъ мы услышали канонаду. Рессель объяснилъ мнѣ, что красный флотъ проходилъ насквозьностью и что онъ нагнать настъ. Такъ началась единственная въ истории человѣчества битва въ заливѣ Уиндвортъ.

— Наші крейсеры пригрываютъ тыль, — продолжалъ Рессель. — Они вонзятъ теперь въ соприкасновеніе съ высланными впередъ крейсерами противника. Непріятельский флотъ медленно продвигается на востокъ и приближается къ намъ. Это значитъ, что онъ займетъ позицію между нами и восточнымъ берегомъ Ямайки. Мы находимся въ настоящую минуту примѣрно въ семидесяти пяти километрахъ на востокъ отъ мыса Морана и направляемся къ проливу Уиндвортъ.

Американский флот разстянулся длинной кильватерной колонной — между судами были интервалы въ 450 метровъ.

На западѣ красный флотъ построился примѣрно такими же образомъ. Вылетѣвшіе на развѣдку аэропланы сообщали, что онъ находится примѣрно въ тридцати километрахъ отъ нашего флота. Обѣ стороны выслали на развѣдку аэропланы, и въ воздухъ завизжалось сраженіе. Рессель переговорить по телефону съ дежурнымъ офицеромъ и ушибаясь замѣтилъ мнѣ:

— Мы перехватили непріятельскія радиограммы. Бригадъ попробовалъ отъ краснаго верховного командованія, чтобы всѣ имѣющіяся на островѣ воздушныя силы были двинуты въ помощь флоту.

Теперь вѣдь шонягти, почему для насъ было такъ важно скрыть паденіе Ямайки? Вы видите, какое значеніе для насъ имѣеть это обстоятельство?

Бригадъ не подозрываетъ, что островъ находится въ нашихъ рукахъ, и продолжаетъ разничивать на поддержку воздушную флота, расположеннаго на островѣ. Онъ не знаетъ, что аэродромы острова находятся въ распоряженіи нашего флота и его ожидаютъ пріятельский сюрпризъ.

Оба флота не мѣняли курса, и красный флотъ медленно приближался къ нашему. Къ семи часамъ мы были примѣрно въ двадцати пяти километрахъ восточнѣ мыса Моргана.

Рессель повелъ меня на вышку „Орегона“, но даже въ сильный бинокль я не былъ въ состояніи разглядѣть очертанія приближающейся съ запада непріятельской эскадры.

Несмотря на большое разстояніе, я все же отчетливо слышалъ грохотъ орудійной канонады, это премѣли орудія на крейсерахъ, вступившихъ въ бой съ непріятельскими крейсерами. Прощелъ еще одинъ часъ — теперь непріятельский флотъ расположился параллельной къ американскому флоту линіей. Ровно въ восемь часовъ запрохотали тяжелыя орудія красныхъ дредноутовъ.

Рессель покраснѣлъ:

— Насъ раздѣляетъ разстояніе въ 25 тысячъ метровъ — они стрѣляютъ, стоящіе въ воздушными наблюдателями. Недо-

леть! — сказалъ онъ, указывая на взмывшій передъ нами исполнинскій столбъ воды.

Въ отвѣтъ на огонь непріятеля запрохотали наши орудія. Огонь нашихъ пушекъ сосредоточился на головномъ кораблѣ красныхъ. Съ какимъ результатомъ работала наша артиллерія, я не зналъ, — я даже былъ лишенъ возможности разглядѣть цѣль, по которой они стрѣляли. Сорокаантиметровыя орудія „Орегона“ подымали ужасный реевъ, и я почувствовалъ, что начинало глохнуть. Я испытывалъ дикую головную боль.

Выстрѣлы сотрясали огромное судно, и при каждомъ раскатѣ нацѣ отбрасывало назадъ. Огромные клубы дыма вздымались изъ орудій и окруживали судно непроницаемымъ облачкомъ. Къ счастью, вѣтеръ перемѣнилъ направление и подулъ съ сѣверо-востока, относя дымъ въ сторону.

— Старина Кеннеди отлично выбралъ время и место, — крикнулъ мнѣ на ухо Рессель. — Вотъ видите, за нами вѣходитъ солнце, — оно будетъ слѣпить глаза противнику.

Мнѣ казалось, что обстрѣль небезрезультатенъ и что обѣ стороны не потерпѣли урона. Между линіями дредноутовъ находились колонны крейсеровъ и истребителей, подвергавшихся обстрѣлу на болѣе короткой дистанціи.

— Смотрите, — закричалъ Рессель, — теперь вы можете видѣть, что они приближаются. Они сокращаютъ дистанцію между нами. Господи, воздушный флотъ...

И онъ поспѣшилъ къ телефонному аппарату, въ ожиданіи получить дополнительныя свѣдѣнія, а я сталъ разматывать въ бинокль непріятельскія суда, пытаясь своею фантазіей дополнить происходящее на разстояніи двадцати четырехъ километровъ отъ меня. Единственное, что я увидѣлъ, — были вспышки огня среди клубовъ дыма.

Неожиданно мы услышали изъ отдаленія отчаянный грохотъ, за которымъ послѣдовала ожесточенная артиллерийская битва.

Лишь впослѣдствіи Рессель объяснилъ мнѣ, что произошло въ это мгновеніе.

Флотилія американскихъ подводныхъ лодокъ неожиданно вынырнула въ расположеніи непріятельского флота и атаковала съ фланга колонну дредноутовъ Каракана. Непріятельский

флотъ, очутившись въ неопредѣленной близости ѿ этими сигарообразными машинами смерти, поспѣшилъ перестроиться и повернулъ направо. Одновременно съ выполнениемъ этого маневра, на непріятельскомъ флотѣ, съ большой высоты, ринулись эскадры нашихъ аэроплановъ, поднявшихся съ аэродромовъ Ямайки. Навстрѣчу нашимъ воздушнымъ судамъ вылетѣли красные пикирующие, находившіеся на малыхъ авіо-базахъ, и бросились въ бой съ нашими авіаціонными силами. Тѣмъ съмѣмъ они хотѣли прикрыть свой флотъ отъ нападенія сверху. Непріятельский флотъ, перестроивъ колонну, не могъ использовать немедленно для борьбы съ пикирующими свои зенитныя орудія. Къ тому же число непріятельскихъ аэроплановъ значительно уступало въ численности нашимъ воздушнымъ эскадрамъ, привѣшившимъ съ Ямайки.

Результатомъ этого двойного — воздушного и подводнаго — нападенія явилось то, что уже въ первыя минуты красный былъ нанесенъ существенный уронъ: два дредноута Каракана — „Уарспайт“ и „Родней“ — были потоплены, а бывшій итальянскій линейный корабль „Кавур“ выведенъ изъ строя. Въ послѣдовавшіе затѣмъ часы наши гидропланы потопили и этотъ дредноутъ.

— Стало еще тремя дредноутами менѣе у непріятеля, — сказалъ Рессель. — Положеніе наше улучшается. Теперь мы имѣемъ пятнадцать нашихъ дредноутовъ противъ двадцати пяти непріятельскихъ.

Теперь и непріятельские снаряды стали ложиться въ неопредѣленномъ соображеніи съ „Оргешомъ“ и другими нашими дредноутами. Наши орудія усилили обстрѣлъ. Непріятель доился изъсѣльскихъ попаданий, и адмиралъ Кеннеди отдалъ распоряженіе неминуемо курить съ тѣмъ, чтобы измѣнить дистанцію, отдѣлявшую настъ отъ непріятеля. Но непріятель, превосходившій настъ скоростью, вскорѣ снова сумѣлъ приблизиться и сократилъ разстояніе между обѣими эскадрами. Не задолго до восьми часовъ одинъ изъ непріятельскихъ снарядовъ попалъ въ башню дредноута „Оклагома“ и причинилъ большія разрушенія.

Дредноутъ лишился способности маневрировать и на всѣхъ

парахъ понесся на вѣтрѣчу непріятельскому флоту, вырвавшись изъ линіи расположения нашего флота.

Когда этотъ безумный маневръ, явившійся слѣдствіемъ прекращенія рулевого механизма, бытъ замѣченъ непріятелемъ, на „Оклагомѣ“ бытъ сосредоточенъ огонь двѣнадцати дредноутовъ, и вскорѣ съ нашимъ дредноутомъ было покончено.

Раздался оглушительный взрывъ, и „Оклагома“ стала погружаться въ воду.

Теперь адмиралъ Кеннеди выслалъ впередъ флотилію истребителей, создавшихъ передъ нашими флотомъ дымовую завѣсу. Подъ ея прикрытиемъ наша флотъ рѣзко повернула на право, и колонна нашихъ дредноутовъ свернулась.

Непріятель превосходилъ настъ силой своей артиллеріи и быстротою хода — нашему флоту было не подъ силу принять бой на такомъ большомъ участкѣ. Закончивъ маневръ, адмиралъ снова приказалъ флоту сдѣлать поворотъ въ девяносто падусовъ, и флотъ взялъ прежній курсъ.

Наступилъ полдень. Бой продолжалъ развертываться въ сѣверномъ направлѣніи, и теперь американскія колонны были примѣрно въ шестицѣсяти пяти километрахъ отъ побережья Кубы.

Красный флотъ находился сѣвернѣе нашего флота и преграждалъ путь къ Кубѣ. Разстояніе между обѣими флотами сократилось, и я получила возможность наблюдать въ бинокль за всѣми перипетіями боя.

Теперь насталъ моментъ, когда непріятельскому флоту долженъ бытъ нанесенъ второй ударъ. Дивизіонъ подводныхъ лодокъ подъ командой вице-адмирала Томаса бросился съ сѣвера въ атаку на непріятельский флотъ и послѣ того, какъ непріятельский флотъ перестроился и повернулся на сѣверъ, въ бой бытъ брошена второй авіаціонный отрядъ американцевъ. Свѣжія авіаціонные силы американцевъ прибыли съ полей Кубы, съ Санть-Яго и Гуатано-Бай. Затѣмъ американскій флотъ съ ужасающей силой сосредоточилъ орудійный огонь на первомъ дредноутѣ колонны краснаго флота и...

— Еще одинъ! — закричалъ Рессель. — Еще одинъ потопленъ! Это „Мальборо“. Мы подбили еще нѣсколько судовъ. Взглядите на лѣвый флангъ — тамъ одинъ дредноутъ

лишить способности маневрировать. Это „Энд“ — съ нимъ покончено. А тотъ, что въ огнѣ — „Королева Елизавета“.

Но этимъ не ограничились число непріятельскихъ судовъ, выведенныхъ изъ боя. Наші орудія подбили еще одинъ дредноутъ.

Словно кирпичи, выпали наши гидроiplаны надъ непріятельскими судами, довершая разрушение и осыпая ихъ бомбами.

Къ часу дня адмиралъ Брикстонъ въ результаѣ совмѣстнаго нападенія нашихъ воздушныхъ силъ, флота и подводныхъ лодокъ, потерявъ шесть крупныхъ боевыхъ единицъ.

Наши гидроiplаны спустили дымовую завѣсу, подъ прикрытиемъ которой адмиралъ Кеннеди прервала столь славно разыгравшееся для настѣ сраженіе и взяла прежній курсъ.

Теперь соотношеніе основныхъ боевыхъ единицъ обоихъ флотовъ составляло девятнадцать къ четырнадцати, причемъ наши перешли въ воздухъ не возбуждалъ сомнѣній, такъ какъ теперь наши силы почти уравнялись. Адмиралъ Кеннеди оказался въ состояніи возобновить артиллерийскую дузль, и оба флота возобновили обстрѣлъ на разстояніи двадцати съ небольшимъ километровъ.

Мы превосходили непріятеля качествомъ нашей воздушной разведки, и Рессель безпрестанно утѣрялъ меня, что наше орудійный огонь оказывается болѣе ускользящимъ, чѣмъ непріятельский.

— Господи, что это за сраженіе? — вскричалъ онъ. — Вы замѣтили послѣднія попаданія? Еще двѣ непріятельскія посудины потоплены — бывшій нѣмецкій корабль „Фонъ Тирпицъ“ и японское судно „Мутсу“. Собственно, оба этихъ судна входили въ составъ крейсерской эскадры, но Брикстону пришлося ихъ вызвать на помощь.

Всюорѣ однакож радость Ресселя была омрачена. Американскій флотъ потерпѣлъ второй тяжелый уронъ за этотъ день.

Сосредоточенный огонь непріятельскихъ орудій вывелъ изъ строя нашъ дредноутъ „Невада“, и, несмотря на то, что наши стрѣбители попытались вывести его изъ зоны боя и укрыть за дымовой завѣсой, непріятельские аэропланы и подводные лодки довершили свое дѣло и потопили дредноутъ.

Несмотря на то, что скорость обоихъ флотовъ, въ резуль-

татѣ артиллерийской дузли, снизилась, красный флотъ приближался къ нашей колоннѣ настолько, что адмиралъ Кеннеди, во избѣженіе того, чтобы наша колонна была разрѣзана на двое, отдалъ приказъ перенѣтить курсъ и погнать на югъ.

Убѣжденный въ перенѣтіи нашей артиллерии, адмиралъ отдалъ приказъ возобновить артиллерийскую дузль. Близился вечеръ — бой безпрерывно шелъ съ разсвѣта. Въ результатѣ маневровъ нашего флота, солнце снова садилось у нашихъ каникуловъ за спину.

Теперь тринадцати американскимъ единицамъ противостояли семнадцать непріятельскихъ единицъ. Слѣдующій часъ довершилъ уничтоженіе остатковъ непріятельского воздушного флота. Наши летчики сосредоточили всѣ свои силы на непріятельскомъ воздушномъ флотѣ, и вскорѣ остатки его были разгромлены.

Бинней, наблюдавший за боемъ въ обществѣ одного изъ офицеровъ авіаціи, находившихся на „Орегонѣ“, возбужденно крикнулъ мнѣ:

— Нашенецъ-то у меня имѣется аэропланъ, вооруженный пулеметомъ! Капитанъ Рессель, идите сюда — мы сейчасъ полетимъ.

Черезъ пять минутъ мы были въ бронированной каюте аэроплана и взмыли въ высоту. Прежде чѣмъ намъ удалось достичь желательной высоты, намъ пришлось вступить въ бой съ японскимъ летчикомъ, и Бинней сбилъ его.

Достигнувъ высоты пятисотъ метровъ, мы стали наблюдать за послѣдней фазой этого рѣшающаго морскаго сраженія. Теперь красный флотъ находился на разстояніи пятнадцати километровъ отъ загадочной конечности острова Гами.

Американскій флотъ расположился въ пятнадцати километрахъ на юго-востокѣ отъ маленькаго островка Навасса Исландіи. Къ съду своему, я долженъ признаться, что только тогда я узналъ о томъ, что этотъ островокъ принадлежалъ Соединеннымъ Штатамъ.

Таково было расположеніе обоихъ флотовъ, когда адмиралъ Кеннеди приступилъ къ осуществленію своего рѣшающаго замысла. Новая группа подводныхъ лодокъ атаковала тѣснѣмый непріятельский флотъ съ восточнаго фланга, и одновременно

въ бой ринулись съѣзжія воздушныя силы, спрятанныя на островѣ Галили.

И снась въоздушнѣя и морскія силы своими соглассованными дѣйствіями нанесли противнику жестокій уронь. Въ то время, какъ краеній флотъ маиневрировалъ, чтобы избѣгнуть минной атаки, наши аэропланы слизились и открыли бомбардировку. Поддерживая воздушную и подводную атаку, наши орудія развили ураганный огонь, извергая на непріятельскій флотъ огромныя массы металла и взрывчатыхъ веществъ.

Рессель, не отходившій отъ меня ни на шагъ, безостановочно продолжалъ говорить:

— „Бенбоу“ выведенъ изъ боя. Въ прошломъ это — флагманскій корабль великобританской эскадры линейныхъ кораблей. Рядомъ съ нимъ „Ревенгъ“. Посудина со сбитыми мачтами не что иное, какъ „Сомма“ — флагманскій корабль французского флота. Тотъ, что тонетъ, — „Юлій Цезарь“ изъ итальянскаго флота. Тамъ на горизонтѣ сейчасъ взлетѣть на воздухъ „Нагато“, а рядомъ, охваченный огнемъ, „Того“. Оба принадлежали къ восьмому японскому дивизіону. Нѣкогда они были гордостью японскаго императсрскаго флота. Мнѣ кажется, что „Нагато“ былъ флагманскимъ кораблемъ адмирала Ото, штурмомъ Брикстонъ передавающимъ командование крейсерской эскадрой.

Вотъ каковъ былъ успѣхъ, достигнутый адмираломъ Кеннеди въ этомъ сраженіи. Потери, нанесенные непріятельскими крейсерскими эскадрами и дивизіонами болѣе мелкихъ единицъ, были еще многочисленнѣе. Остатки потерпѣнаго краснаго флота направились на югъ, пытаясь найти спасеніе въ бѣгствѣ. Но Кеннеди не собирался закончить сраженіе. Теперь у насъ было тридцать линейныхъ кораблей противъ непріятельскихъ одиннадцати, и мы находились въ перевѣсѣ.

Кеннеди приблизился со своимъ флотомъ къ колоннѣ непріятельскихъ дредноутовъ, и въ сумеркахъ началась послѣдняя артиллерийская дуэль.

На наше счастье, сѣверо-восточный вѣтеръ отгонялъ въ сторону облака дыма, что давало намъ возможность безпрепятственно наблюдать за всѣми стадіями сраженія, развернувшагося въ рядъ единоборствъ отдѣльныхъ дредноутовъ. Какъ намъ

удалось установить, адмираль Брикстонъ далъ со своего флагманскаго дредноута „Нельсонъ“, понесшаго большія поврежденія, приказъ къ отступленію, поручивъ подводнымъ лодкамъ и истребителямъ прикрыть его.

Въ первый часъ преисподнаго нашъ флотъ натолкнулся на флотилию непріятельскихъ подводныхъ лодокъ, вынырнувшихъ съ юга. Позднѣе ихъ появление было совершенно неожиданно, и мы стали испытывать опасенія, что въ послѣднее мгновеніе побѣда можетъ быть вырвана изъ нашихъ рукъ.

Два большихъ нашихъ дредноута — „Идаго“ подъ флагомъ контр-адмирала Атвуда и „Западная Виргинія“ — были потоплены. Къ счастью, остальнымъ судамъ удалось подобрать часть команды тонущихъ кораблей. Эта потеря омрачила торжество нашего флота.

Адмираль Кеннеди собралъ свои боевые силы и повелъ ихъ въ погоню за отступавшимъ флотомъ Брикстона.

Бинней спустился рядомъ съ „Орелономъ“, и насы подняли на бортъ.

Я едва успѣвалъ выхвачивать изъ пищущей машины листки со свѣтлыми сообщеніями. — Бинней туже подхватывалъ ихъ и несся къ радио-аппарату передавать ихъ дальше. Безпрерывное возбужденіе и большое количество поглощенаго то время работы кофе скакало на моихъ нервахъ, и я, совершенно обезсилѣвъ, упалъ въ кресло и забылся. Продвинувшійся далеко впередъ армія Краснаго Наполеона все еще повторяли американскую территорію, но флотъ Каракана, обезпечивавшій ему владычество надъ морями, былъ уничтоженъ. Близился разсвѣтъ — разсвѣтъ, несшій намъ побѣду.

— Господи, чу и сообщеніе! — кричалъ Бинней. — Надѣюсь, радиостанція передастъ его дальше. Я готовъ отдать все, лишь бы быть съ Марго въ мгновеніе, когда она узнаетъ о томъ, что произошло. Господи, что-то будетъ?

Я былъ настолько обезсилѣнъ, что не быть въ состояніи устоять его отвѣтомъ. Я тѣ могъ думать, я испытала лишь одно желаніе — спать, спать, спать.

Морское сражение в г. проливе Уиндуорта было самым значительным событием этого исторического 1936 года.

Многочисленные армии Красного Наполеона, (четыре миллиона людей, находившихся на границе фронта, два миллиона в Вашингтоне, Орегоне и Британской Колумбии и два миллиона на мексиканском фронте и в Панаме) — были переброшены вгл. на морским путем.

Уничтожение неприятельского флота открывало нашему флоту, до сих порь защерпому в Мексиканском заливе, свободу действий. Наши уцелевшие дредноуты, крейсера-истребители и подводные лодки получили возможность свободно маневрировать в море. Отныне мы властвовали над морями и могли прервать важнейшую коммуникационную линию Каракана, нуждавшуюся в беспрестанном подвозе своих сил и припасов из Европы.

После того, как американский флот удалось довершить разгром сил адмирала Брикстона, наши суда блокировали порты Каракана в Атлантическом и Тихом океанах. „Бермуда“ и „Тринидад“, послав утраты флота, сдались и были превращены в американские морские базы.

Наш флот направился к берегам Европы и Америки и произвел перед юртами материиков, захваченных Караканом, внушительные демонстрации. Эти демонстрации, свидетельствовавшие о том, что не есть, враждебные Каракану народы сломлены, послужили сигналом к ряду действий, повлекших за собой развал огромного политического и административного механизма, созданного Караканом на руинах покоренных им государств.

1934 и 1933 годы ознаменовались невероятным напряжением въехъ сил, поднявших подъ власть Каракана. Его победы доставались покоренным им странам дорогой ценою. Подавляющее большинство флота всего мира было реквизировано для нужд его армии и служило для переброски его войск в Америку. Это обстоятельство нанесло большой ущерб морской торговли всѣх стран. Особенно сильно это сказалось на снабжении населения тѣми предметами потребления, которые

одновременно являлись предметами потребления безчисленных армий Каракана. Кое-гдѣ жестокія линенія, чудовищные налоги и реквизиціи вызвали недовольство, выразившееся въ открытомъ возмущеніи, что свидѣтельствовало о томъ, что духъ въ покоренныхъ странахъ нынѣ далеко не тотъ, какимъ онъ былъ въ начальѣ эры Каракана.

Упорное сопротивление Америки, противорѣчившее объединению Каракана сломить Соединенные Штаты въ теченіе одного года, и гибель его морскихъ силъ вызвали большое смятеніе въ тылу.

Несколько иное настроение царило въ его арміяхъ. Тамъ, среди его чернокожихъ и желтыхъ частей, равно какъ и среди изоммунистическихъ-настроенныхъ бѣлыхъ частей, распредѣлялись летучки, отпечатанные на множествѣ различныхъ языковъ,

Они гласили:

„Товарищи, мы находимся въ чужой странѣ, оторванные отъ нашихъ семей и нашей родины. Морское сообщеніе въ нашемъ тылу прервано. Передъ нами бѣлья капиталистическая армія, задавшися цѣлью добиться нашего уничтоженія. Океанъ больше не принадлежитъ намъ. Для насъ существуетъ лишь одинъ исходъ: сломить претендующаго намъ дальнѣйшее продвиженіе впередъ пропагандиста и захватить всю страну.

Еще одно послѣднее рѣшительное напряженіе, и мыувѣляемъ наше дѣло победой!“

Духъ американскихъ армий воспрянулъ. Цѣлою большого напряженія тылу удалось добиться новыхъ результатовъ, отрывъ репордныхъ, на промышленномъ фронте. Бывшій президент Гувер сумѣлъ добиться результата, которые явились для всѣхъ полной неожиданностью. Все это было достигнуто, потому что отныне наша промышленность была децентрализована, что давало возможность каждому приложить максимумъ усилий и одновременно дѣлало ее неуязвимой для налетовъ непріятельскихъ воздушныхъ силъ.

Теперь наши фронтовые войска уже болѣе не являлись скоплениемъ необученныхъ и скверно подготовленныхъ новобранцевъ. Два года тяжелой борьбы, стоявшіе американскимъ арміямъ двухъ миллиардовъ человѣческихъ жизней, оказались для нашихъ солдатъ отличнейшей школой. Теперь у насъ подъ

ружьемъ находилось девять миллионовъ человѣкъ. — изъ этого количества пять миллионовъ было на ново-англійскомъ фронтѣ, простиравшемся отъ озера Эри, Альбани на западъ къ Гудзону и Нью-Йорку.

Наши войска больше не испытывали недостатка въ боевыхъ припасахъ и гв. снаряженіи — наша величайшая армія была снабжена въ достаточной степени всѣмъ необходимымъ, а теперь къ ней присоединилась и поддержка нашихъ, численно возросшихъ воздушныхъ силъ.

Американский воздушный флотъ, такъ славно поработавший во время рѣшающаго морскаго сраженія, гв. день разгрома флота Каракана въ Карабискомъ морѣ, вылетѣлъ на сѣверъ. Новые легчики и аэропланы пополнили убыль, проишедшую за время сраженія.

Отнынѣ мы владѣли морями, — теперь оставалось лишь рѣшить въ бою, кому владѣть воздушными сферами. Въ первой половинѣ марта обѣ арміи окончательно готовились къ начальному вѣсеннему кампанию.

Американский воздушный флотъ приступилъ къ активными операциямъ 17 марта. Цѣлью нашей атаки былъ Бостонъ, съвѣшій не только важнымъ стратегическимъ центромъ и мыстомъ нахожденія Каракана и его штаба, но одновременно и значительнейшей базой непріятельского воздушного флота.

Операциими нашего воздушного флота руководилъ лично адмиралъ Рамзай. Флагманскимъ кораблемъ воздушного флота былъ очень быстроходный и легкій наблюдательный аэропланъ.

Краснымъ воздушнымъ флотомъ, состоявшимъ изъ 7000 аэроплановъ, командовалъ красный адмиралъ Де Лонгъ.

Нашъ воздушный флотъ состоялъ изъ четырехсотъ эскадръ, — въ каждой эскадрѣ было восемнадцать аэроплановъ. Итого, нашъ флотъ насчитывалъ 7200 аэроплановъ. Эта огромнѣйшая армада была размѣщена на аэродромахъ Мериленда, Делавера, Нью-Джерсея, Пенсильвании и Нью-Йорка.

17 марта, вскорѣ послѣ захода солнца, все это огромное количество аэроплановъ сосредоточилось въ районѣ Филадельфіи. Нашъ воздушный силы направились къ морю и, исчезнувъ изъ виду, взяли курсъ на сѣверо-востокъ.

Нѣсколькими часами позднѣе нашъ флотъ неожиданно появился надъ Бостономъ. Онъ летѣть съ Атлантическаго океана. И снова на землю низринулся ураганный ливень, несшій смерть и разрушеніе. Непріятельскія зенитныя орудія открыли ожесточенную пальбу, но никто изъ непріятельскихъ легчииковъ не рискнулъ вступить въ бой съ нашими силами. Высланная адмираломъ Рамзаемъ воздушная разведка сообщила, что окрестные аэродромы покинуты непріятелемъ и что поблизости не видно ни одного непріятельского аэроплана. Это странное исчезновеніе непріятельскихъ воздушныхъ силъ разъяснилось въ часъ днія, когда адмираломъ Рамзаемъ было получено слѣдующее сообщеніе по радио:

„Подавляющія силы непріятельского воздушного флота въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ аэроплановъ надъ Буффало Точка Промышленная часть города уничтожена Точка Ніагарская силовая станция разрушена Точка Зенитная батарея приведены въ бездѣствие Точка.“

Рамзай тутъ же отдалъ по радио приказъ командирамъ своихъ воздушныхъ отрядовъ, и нашъ флотъ понесся на западъ къ штату Массачусетсъ. Примѣро въ то же время непріятельский воздушный флотъ, довершивъ свое разрушительное дѣло надъ Буффало, взялъ курсъ на востокъ и направился въ обратный путь.

Около четырехъ часовъ дня оба воздушныхъ флота встрѣтились. Встрѣча произошла въ районѣ Альбани въ штатѣ Нью-Йоркъ. У обоихъ воздушныхъ флотовъ были очень ограниченные запасы боевого снаряженія. Непріятельскій флотъ не успѣлъ ихъ возобновить послѣ налета на Буффало, а нашъ флотъ, пролетая надъ Массачусетсомъ, по приказу адмирала, выбросилъ все лишнее для того, чтобы облегчить полетъ.

У большинства аэроплановъ оба флота резервуары были пусты. Позади былъ безпрерывный десятичасовой полетъ. Особенно далеко опѣли своихъ операционныхъ базъ, находившихся въ Бостонѣ, забрались красные легчики. Внизу подъ ними тысячи людей съ трепетомъ сльзили за исходомъ воздуш-

наго боя. Множество машин было сбито; большинство изъ нихъ было объято пламенемъ. Приказъ Рамзая гласилъ: сражаться до последняго патрона и до послѣдней капли бензина. Воздушный бой развернулся на огромномъ протяженіи и на различной высотѣ — некоторые изъ воздушныхъ судовъ забрались на высоту семи тысячъ метровъ.

Вскорѣ посль пяти часовъ дня американцы припѣль на помощь холмидный восточный вѣтеръ, и постепенно линія воздушного боя стала отходить на западъ. Нѣкоторые изъ аэроплановъ, за отсутствиемъ бензина, принуждены были снижаться. Теперь бой шелъ надъ расположениемъ американскихъ войскъ, что несомнѣнно составляло для Рамзая нѣкоторое преимущество. Напѣтъ воздушный флотъ находился въ сѣверномъ и восточномъ направлѣніи отъ непріятельского флота. По мѣрѣ того, какъ бой переносился на востокъ, наступали сумерки.

Объ стороны начали снижаться. Сотни аэроплановъ, вынужденныхъ снижаться въ темнотѣ, погибли. Непріятельские летчики, оказавшись вынужденными снизиться въ районѣ нашего расположения, тутъ же были захвачены въ пленъ нашими солдатами или гражданами. Нѣкоторые изъ летчиковъ попытались изѣбѣгнуть этой участки и спрягаться. Такъ, одному изъ желтыхъ летчиковъ, спустившимся въ районѣ Куперстоуна, удалось засѣрѣлить какого-то автомобилиста, пополнить запасъ бензина и снова подняться.

Воздушный бой не далъ опредѣленнаго результата, но все же американцы удались достичь нѣкоторыхъ результатовъ. Две трети непріятельского воздушного флота были сбиты или вынуждены спуститься на американской территории. Мы потеряли въ этомъ бою около двухъ тысячъ машинъ.

Благодаря этому бою намъ удалось первого апрѣля 1936 года перейти въ рѣшительное наступление, имѣя на своей сторонѣ подавляющей перевѣсъ воздушныхъ силъ.

Нашему наступленію предшествовалъ сокрушительный артиллерийскій огонь на всѣмъ протяженіи фронта отъ канала Эри до Гаарлема.

Посль двухдневной артиллерийской подготовки наша прѣхота прорвала проволочное загражденіе въ районѣ Альбани, и уже первый день боя принесъ намъ результаты. Посль ожек-

сточенныхъ рукопашныхъ боевъ намъ удалось вытѣснить непріятеля изъ Уиттерфорда и Трои.

Въ этихъ бояхъ оказались и преимущества нашихъ новыхъ Рикенбакеровскихъ танковъ, развивающихъ значительную большую скорость, чѣмъ непріятельскіе танки Фомсхолла.

Танки уничтожали проволочные загражденія и сметали непріятеля, пытавшагося прѣстать въ продвиженіе впереди. Эти машины, благодаря своей быстротѣ и подвижности, оказались рѣшающей силой боя.

Наша пѣхота занимала одну линію окоповъ за другой. Ея наступленіе, поддержанное танками, поддерживалось низко летавшими аэропланами.

Первая недѣля наступленія нанесла американскимъ войскамъ большой ущербъ, убыль въ составѣ была очень велика, но достигнутые, несмотря на ожесточенное сопротивленіе, успѣхи оправдывали эту убыль. Въ теченіе недѣли нашимъ войскамъ удались прорваться на сорокъ километровъ, и теперь линія фронта достигла границы Нью-Йорка и Массачусетса. Рядъ городковъ и поселеній перешли въ наши руки.

Попытка Каракана перейти въ контрь-наступленіе на линію флангъ потерпѣла неудачу — наши воздушные силы нанесли противнику большой уронъ.

Биннен и я ежедневно наблюдали за развертывающимися боевыми вылетающими на разведку. Нашей базой стала теперь Альбани, находившаяся отныне въ силу продвиженія нашихъ частей въ досягаемости орудій непріятеля. Изъ Альбани я посыпалъ свои сообщенія, и напѣтъ аэропланъ попрежнему былъ украшенъ отличительными инициалами на зеленомъ поѣзѣ. Но теперь мы не были безоружными. На напѣтъ аэропланѣ спереди имѣлись два пулемета, а сзади — третій пулеметъ, которыемъ управлять я. Въ крайнемъ случаѣ нашъ аппаратъ могъ поднять четырехъ пассажировъ.

15 апрѣля армія генерала Меллена, при помощи танковъ, прорвала себѣ путь къ Гринфильду въ Коннектикуту, и этимъ закончилась стадія нашего наступленія, наименованная историками „Битва на Беркширскихъ горахъ“.

Караканъ оказалъ на линіи рѣкъ Коннектикутъ ожесточенное сопротивленіе.

Генералъ Зубровъ, командовавший непріятельскими силами на этомъ участкѣ фронта, былъ отстраненъ отъ должности и казненъ. Отныне командование на этомъ участкѣ перенялъ лично Каракашъ, перенесшій свою ставку въ Уорчестеръ.

Но американский паровой молотъ, приведенный въ движение, невозможно было остановить. Наши силы продолжали наступать и, прорвавъ непріятельскую линію у Коннектикута, продвинулись настолько въ этотъ прорывъ, что подъ огнемъ нашихъ силь непріятель принужденъ былъ очистить нѣкоторые опорные пункты.

Нашъ перевѣсъ въ воздухѣ теперь былъ неоспоримъ. Денно и нощно въ воздухѣ шли ожесточенные бои — наша воздушная разведка непрерывно корректировала работу нашей артиллеріи. Непріятельская артиллерія, лишенная поддержки въ воздухѣ, стала сдавать.

И тогда наступило начало конца — отступление красныхъ на южномъ участкѣ фронта. Желтая войска, удруженіе позиціи противъ разрушенного острова Манхаттанъ на рѣкѣ Гаарлемъ, начали отступление. На первыхъ порахъ отступление проводилось планомъ и прикрывалось арьергардными боями, — но послѣ того нашимъ войскамъ удалось переправиться черезъ рѣку Гудзонъ и войти въ со-прикосновеніе съ противникомъ, отступление которого начало принимать характеръ безпорядочнаго бѣгства. Все болѣе и болѣе людей отбивалось отъ непріятельскихъ частей и сдавалось въ плѣнъ. Дороги на Гарфортъ, Нью-Гафенъ и Фолль-Риверъ были забиты бѣглецами. Сотни тысячъ солдатъ непріятельской арміи пытались при помощи различныхъ транспортныхъ средствъ попасть въ Бостонъ, прежде чѣмъ войска генерала Меллена займутъ фланговыемъ движениемъ городъ. Сопротивленіе красныхъ войскъ было сломлено, и оно превратилось въ бѣгство. Пятидесятитысячный отрядъ, занимавшій Лонгъ-Исландъ, сдался безъ сопротивленія. Застрявшие на забитыхъ дорогахъ и лишенные возможности продвинуться въ какую бы то ни было сторону, непріятельские отряды несли отчаянныя потери, подвергаясь обстрѣлу нашихъ летчиковъ. Въ концѣ концовъ, они принуждены были сдаться, просигнализировавъ

объ этомъ при помощи большихъ бѣлыхъ плитъ, которыми они выложили на землю слова: „Мы сдаемся“.

Наши войска заняли Уорчестеръ, затѣмъ Фичбургъ — разгромъ начался.

Въ разгарѣ этихъ сенсаціонныхъ событий я получилъ изъ Бостона шифрованную радиограмму. Уайтъ Доджъ сообщилъ мнѣ, что Марго Дениссонъ въ условленный часъ не явилась на свиданіе къ Скалѣ Омаровъ.

Его подводная лодка крейсировала вдоль берега въ течение трехъ ночей подрядъ, но Марго на условленномъ мѣстѣ не оказалось. Уайтъ опасался, что произошла какая-нибудь бѣда, воспрепятствовавшая ей прийти на берегъ. Я посовѣтовался со Спидомъ, и мы приняли быстрое решеніе.

— Я могу спуститься недалеко отъ Грейстона, — предложилъ Бинней. — Я знаю тамъ поблизости небольшую лужайку, расположенную въ укромномъ мѣстѣ и невидимую съ дороги.

За часъ до разсвѣта мы покинули Альбани и полетѣли на востокъ.

— Если этотъ желтый дьяволъ осмѣлится коснуться Марго, я вырву ему печеньку, — кричалъ Спидъ.

Меня беспокоила не только мысль о Караканѣ. Я съ ужасомъ думалъ о дикихъ ордахъ, отступавшихъ на сѣверъ и утратившихъ свою прежнюю дисциплину. Внѣ зависимости отъ исхода боя, будь побѣда или пораженіе — бѣлые женщины всегда были желанной добычей для войскъ Краснаго Наполеона.

Во время полета я прочистилъ и привелъ въ порядокъ наше оружіе. Мы отлично сознавали, какой мы подвергались опасности и какая насы ожидала участъ, если бы мы были захвачены въ плѣнъ въ тылу непріятельского расположения, но игра стоила свѣчи. Во мнѣ продолжало жить убѣжденіе, что намъ удастся похитить Марго изъ Грейстона и вмѣстѣ съ нею спастись бѣгствомъ на аэропланѣ.

Пролетая надъ Бостономъ, мы видѣли, что улицы забиты охваченными ужасомъ человѣческими массами. Приближаясь къ берегу, я вспомнилъ о томъ, что недалеко отъ него должна была стаціонировать подводная лодка Доджа и

мысленно раздѣлилъ его опасенія за судьбу любимой дѣвушки.

За Салемомъ Бинней снизилъ аппаратъ, и мы полетѣли надъ столъ знакомой намъ дорогой.

— Она должно быть находится тамъ, — сказалъ Бинней, указывая на дымокъ, виднѣвшійся вдали. Менѣе чѣмъ черезъ минуту мы были уже надъ этимъ пунктомъ.

— Вотъ сторожка привратника, — воскликнулъ я. — Но куда дѣвался домъ? — и дѣйствительно, къ вящшему своему удивленію я увидѣлъ подъ собою груду дымящихся развалинъ, обуглившихся стѣнъ и черныхъ зияющихъ отверстій оконъ.

— Онъ скрылся, — вскричалъ Бинней, кружась надъ развалинами, нѣкогда бывшими домомъ, въ которомъ Караканъ содержалъ въ плѣну свою жену и англійскую дѣвушку, смыслии которой мы въ значительной мѣрѣ были обязаны нашими успѣхами на фронѣ.

Бинней выругался.

— Какой негодай! Сжегъ домъ!.. Но куда дѣвалась Марго? Мы должны спуститься и поискать ее!

— Это не имѣть смысла, — сказалъ я, — здѣсь все разрушено. А если она осталась въ домѣ, то теперь слишкомъ поздно искать ее. У насъ одна надежда — мы должны во что бы то ни стало отыскать Каракана. То обстоятельство, что онъ разрушилъ Грейстонъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ собрался бѣжать. Но куда онъ скрылся?

— У него имѣется только одна возможность, — сказалъ Бинней. — Суша запружена его разбитой арміей, воздухъ въ нашемъ распоряженіи, — онъ могъ бѣжать лишь морскимъ путемъ.

— Господи, какіе мы идіоты! — вырвалось у меня. — Онъ бѣжалъ не морскимъ путемъ, а подводнымъ. Мы совершили упугтили изъ виду „Звѣзду Азіи“. Совершенно вѣрно. Мы забыли о его большой подводной лодкѣ. Марго мнѣ въ свое время рассказала о ней. Эта лодка всегда стояла въ маленькой бухтѣ Манчестера. Бухта находится въ пятнадцати километрахъ отсюда. Мы должны немедленно же отправиться туда. Въ этомъ послѣдній нашъ шансъ.

Мы понеслись съ предѣльной скоростью къ названному пункту, а я продолжалъ вспоминать нѣкоторыя детали, сообщенные мнѣ Марго объ этой подводной яхтѣ краснаго диктатора. Я спросилъ ее, почему Доджъ Уайтъ своевременно не уничтожилъ эту лодку, но она отвѣтила мнѣ, что Доджъ Уайтъ намѣренно не предпринималъ ничего въ районѣ Грейстона, чтобы не возбудить подозрѣній Каракана и не навлечь его вниманія на лодку, крейсировавшую въ береговыхъ водахъ.

Уайтъ опасался всего, что могло въ какой-нибудь мѣрѣ ухудшить положеніе Марго.

— Намъ не везетъ, — воскликнулъ Спидъ, — мы находимся надъ бухтой и воды ея чисты. Лодка ушла отсюда.

— Полетимъ назадъ по направленію къ Лонгъ-Исланду, — дадимъ знать нашимъ дозорнымъ судамъ, — предложилъ я.

— Слишкомъ поздно, — печально замѣтилъ Спидъ. — Должно быть, въ настоящее время онъ уже находится на пути въ Галифаксъ. Но онъ не останется подъ водою — онъ захочетъ выиграть время и вынырнетъ на поверхность воды. Быть можетъ, намъ удалось бы обнаружить его мѣстонахожденіе — въ этомъ кроется наша послѣдняя возможность, и я не хочу оставить ее неиспользованной.

Я согласился съ нимъ, но напомнилъ ему, что мы вотъ уже нѣсколько часовъ находимся въ пути, и что, должно быть, наши запасы бензина въ изрядной степени израсходованы. Въ отвѣтъ на мое замѣченіе Спидъ пожалъ плечами. Мнѣ показалось, что я понялъ обуревавшія его чувства. Какой во всемъ этомъ былъ смыслъ, если ему суждено было на вѣки утратить любимую дѣвушку?

Мы полетѣли на сѣверъ, внимательно осматривая водную поверхность. Увы, мы не обнаружили ни „Звѣзды Азіи“, ни какого-нибудь иного судна. Вдали, въ районѣ, где крейсировала американская эскадра, — врядъ ли смогъ бы онъ оказаться. Я надѣялся, что если не суждено будетъ снизиться, то какая-нибудь изъ нашихъ подводныхъ лодокъ,

— быть может подводная лодка Уайта Доджа, — подберет насъ.

— Тамъ вдали какъ будто бы виднѣется рыбачья лодка, — вырвалось у Спидъ.

И дѣйствительно, въ указанномъ имъ направлениі я увидѣлъ маленькое пятно, походившее на рыбачью лодку.

— Это лодка, — сказалъ я, — я теперь ее разглядѣлъ. Должно быть, это спасательная лодка, смытая волной съ палубы, или оторвавшаяся отъ пристани.

— Кто-то въ ней находится, — продолжалъ Спидъ. — Мы спустимся и выяснимъ, что тамъ происходит. Быть можетъ, тѣ, что въ лодкѣ, видѣли „Звѣзду Азіи“.

Мы летѣли теперь надъ самой водой. Въ бинокль я разглядѣлъ, что въ лодкѣ находилась какая-то женщина. Женщина замѣтила насъ и стала махать намъ платкомъ. Всего лишь какіе-нибудь десять метровъ отдѣляли насъ отъ нея, и мы узнали ее. То была Линъ Караканъ.

— Гдѣ Марго? — крикнулъ Спидъ, выключивъ моторъ.

Я схватилъ Линъ и втащилъ ее къ намъ.

— Въ подводной лодкѣ, — прошептала она. — Въ „Звѣздѣ Азіи“. Онъ взялъ ее съ собою. Меня онъ высадилъ въ лодку.

— Какъ давно это произошло?

— Приблизительно часъ тому назадъ.

— Куда плывутъ они?

— Я не знаю. Должно быть на Галифаксъ, чтобы пополнить тамъ запасы бензина, и потомъ въ Англію.

— Мы должны быть очень бдительными, — сказалъ Спидъ, снова включая моторъ. — Теперь мы напали на вѣрный слѣдъ. И если намъ хватитъ бензину, то мы догонимъ ихъ. — Потомъ онъ спросилъ Линъ: — Онъ ее... онъ... что-нибудь позволилъ себѣ по отношенію къ ней?

— Нѣтъ, Спидъ. По крайней мѣрѣ, пока я была съ сѣми. Но онъ вѣнчалъ себя отъ ярости. Я никогда еще не видѣла его въ такомъ состояніи. Онъ приписываетъ свое пораженіе измѣнѣ.

И Линъ рассказала мнѣ, что Караканъ подъ вечеръ прибылъ съ нѣсколькими офицерами своего штаба въ Грей-

стонъ. Онъ принудилъ Марго и ее занять мѣста въ его автомобиляхъ, удалилъ всѣхъ изъ дома и затѣмъ взорвалъ домъ на воздухъ. Какъ Спидъ и предполагалъ, онъ покѣхалъ въ Манчестеръ, пересѣлъ съ женщинами и полковникомъ Бойеромъ на „Звѣзду Азіи“ и вышелъ въ море.

— Онъ боится блокады, — пояснилъ мнѣ Линъ, — и плыветъ подъ водою. Но два или три раза онъ подымался на поверхность воды, чтобы произвести наблюденія. Въ послѣдній разъ онъ оторвалъ меня отъ Марго и заставилъ подняться на мостикъ лодки. Меня посадили въ маленькую лодку и покинули.

Когда подводная лодка отошла отъ моей лодки, онъ крикнулъ мнѣ:

— Ступай обратно и скажи своимъ сородичамъ, что я скоро вернусь, и тогда владычеству бѣлыхъ настанетъ конецъ.

Мы неслись съ предѣльной быстротой. Спидъ внимательно осматривалъ разстилавшуюся подъ нами водную гладь, а я не сводилъ глазъ съ горизонта. Линъ сидѣла спиной къ носу аэроплана и безучастно смотрѣла вдали.

Неожиданно она сказала:

— Я увидѣла облачко дыма.

Я повернулся и крикнулъ Спиду:

— Скорѣе перемѣнить курсъ! Я не знаю, что тамъ, но во всякомъ случаѣ намъ слѣдуетъ выяснить, что тамъ происходитъ.

— Это подводная лодка, — пояснилъ Спидъ. — Но не „Звѣзда Азіи“. Я бы отличилъ ее по надводной части. Эта лодка американской стройки. Должно быть, изъ нашего класса „В“. Но куда они стрѣляютъ? Я не вижу ихъ цѣли.

— Я вижу, вижу... — вскричалъ я. — Тамъ вдали виднѣется вторая подводная лодка. Она находится прибѣжно на разстояніи километра. Линъ, взгляните въ бинокль! Вы ее не узнаете?

Линъ поднесла къ глазамъ бинокль.

— Я ничего не вижу... нѣтъ, нѣтъ, теперь я вижу...

Но я право не знаю... да, да, это „Звѣзда Азіи“. Это Ка-
раханъ!

Спидъ услышалъ ея слова, и мы понеслись къ лодкамъ. Онъ снизилъ аппаратъ, и нашъ аэропланъ заскользилъ въ воздухѣ. Теперь я разглядѣлъ въ бинокль, что обѣ подводныхъ лодки обмѣнивались выстрѣлами изъ установленныхъ на ихъ башенкахъ орудіяхъ. То былъ своеобразный бой.

Обѣ лодки, или хотя бы одна изъ нихъ, была настолько повреждена, что не могла погрузиться въ воду. Въ противномъ случаѣ она не приняла бы этого странного боя. Нашъ аэропланъ несся съ неимовѣрной скоростью.

— Медленнѣе, Спидъ, — крикнулъ я, — плоскости не выдержатъ! — Но онъ не обратилъ вниманія на мое предостереженіе, и я, затаивъ дыханіе, почувствовалъ, что мы коснулись воды. Нашъ аэропланъ опустился на воду какъ разъ между обѣими лодками.

— Что вы дѣлаете, Спидъ? — закричалъ я. — Мы очутимся между двухъ огней.

Не успѣлъ я договорить, какъ на американской подводной лодкѣ прогремѣлъ выстрѣлъ. Нашъ снарядъ сбилъ орудіе на башенкѣ „Сердца Азіи“. Я взглянулъ на нашихъ моряковъ, такъ отлично пристрѣлявшихъ къ непріятелю, и замѣтилъ, что они собирались продолжать обстрѣлъ. Болѣе всего меня порадовала бѣлая надпись на башенкѣ нашей лодки „В-4“. То была лодка Уайта Доджа.

— Это Уайтъ Доджъ! — крикнулъ я.

— Онъ убьетъ Марго, если будетъ продолжать обстрѣлъ, — отвѣтилъ Спидъ, несясь навстрѣчу жерлу пушки.

Мы увидѣли, какъ орудійная прислуга зарядила орудіе. Кто-то въ синемъ мундирѣ оторвалъ отъ глазъ бинокль и досадливо махнулъ рукой, чтобы мы очистили поле дѣйствія. Я узналъ Доджа.

— Ради Бога, прекратите стрѣльбу, — проревѣлъ Спидъ, прикрывая плоскостями своего аэроплана непріятельскую подводную лодку.

— Вы потопите лодку! — крикнулъ я. — Тамъ находиться Караканъ.

— Надѣюсь, мнѣ удастся потопить его, — донеслось въ отвѣтъ. — Убирайтесь съ дороги! — и обратившись къ своимъ канонирамъ, онъ добавилъ:

— Вы должны попасть въ корпусъ лодки. Бросьте бить по башнѣ. Мы должны потопить ее.

— Идіотъ, да вѣдь съ нимъ въ лодкѣ находится Марго! — воскликнулъ я. — Вы убьете ее.

— Прекратить огонь! — скомандовалъ Уайтъ Доджъ, внезапно поблѣдѣвъ. — Господи, мы уже дважды попали въ нихъ. Она лишена способности передвигаться, и орудіе ея сбито. Будемъ надѣяться, она не утонетъ.

И онъ озабоченно сталъ разглядывать непріятельскую лодку въ бинокль. Я послѣдовалъ его примеру и увидѣлъ, что изъ носовой части лодки поднялось облако дыма, заволокшее лодку.

— Она горитъ, — крикнулъ кто-то изъ матросовъ.

— Не отходить отъ орудія! — скомандовалъ Доджъ. — Это что-то другое. Это не пожаръ, а дымовая бомба. Онъ что-то хочетъ предпринять.

— Примите на бортъ Линъ. Мы посмотримъ, что тамъ происходитъ, — крикнулъ я и помогъ Линъ перейти на подводную лодку.

Въ то же мгновеніе что-то взметнулось надъ облакомъ и взмыло вверхъ.

— Это аэропланъ, — крикнулъ Бинней. — Онъ думаетъ, что ему удастся удрачить отъ насъ. Но онъ принадлежитъ мнѣ! — и содрогаясь всѣмъ корпусомъ, нашъ аэропланъ бросился въ погоню за аэропланомъ непріятеля.

Спидъ поднялся быстрѣе, чѣмъ его противникъ, и вскорѣ мы очутились надъ нимъ. Мы приближались къ непріятельскому аэроплану, и я замѣтилъ, что Спидъ готовится къ бою.

Вскорѣ нашъ аэропланъ настолько приблизился къ непріятельскому, что я смогъ разглядѣть, что у всѣхъ трехъ пассажировъ аэроплана на спинѣ были надѣты парашюты.

Порой непріятельский летчикъ боязливо оглядывался и стремительно мѣнялъ курсъ, пытаясь уйти отъ нашего преслѣдованія. Потомъ я замѣтилъ, что находившійся на

хорь аэроплана пулеметъ направился на насъ — разстояніе, раздѣлявшее оба аэроплана, было слишкомъ велико для того, чтобы обстрѣлъ могъ дать какіе-нибудь результаты.

Завидѣвъ склонившееся надъ пулеметомъ желтое лицо, я понялъ, что то былъ Караканъ.

— Готовься! — крикнулъ Спидъ. — Начинаемъ!

И Спидъ круто повернулъ машину носомъ внизъ и навѣль на непріятеля пулеметы. Его пальцы легли на затворы орудій.

Караканъ открылъ обстрѣлъ первый. Градъ пуль пронизалъ деревянный кузовъ нашего гидроплана, — я увидѣлъ, какъ Марго, занимавшая второе сидѣніе въ непріятельскомъ аэропланѣ, повернулась къ намъ.

— Господи, я чуть не застрѣлилъ ее, — прошепталъ Спидъ и поспѣшилъ вывести нашъ аэропланъ изъ предѣловъ досягаемости каракановскихъ пулеметовъ.

— Теперь я не смогу осмѣлиться стрѣлять по его аэроплану. Я боюсь убить ее. Господи, какое все это свинство!

Караканъ замѣтилъ, что мы неожиданно прекратили нападеніе, и догадался, что было причиной нашей внезапной перемѣны тактики.

Мы продолжали кружить спиралями надъ его аппаратомъ. Спидъ пытался уйти отъ огня каракановскихъ пулеметовъ, не осмѣливаясь отвѣтить на его обстрѣлъ.

И тогда произошло нечто неожиданное: дѣвушка, научившаяся подъ руководствомъ Спida летать, приступила къ дѣйствіямъ.

Караканъ былъ поглощенъ пулеметомъ. Спереди пилотъ цѣликомъ ушелъ въ управление машиной. Дѣвушка улучила мгновеніе и, вскочивъ на сидѣніе, ринулась черезъ бортъ. Черезъ мгновеніе надъ нею расправился парашютъ, и она медленно стала опускаться къ водѣ.

— Вотъ молодецъ! — гордо вырвалось у Спida, и онъ непроизвольно перемѣнилъ курсъ, послѣдовавъ внизъ за парашютомъ.

Караканъ настъ болѣе не интересовалъ. Мы хотѣли во что бы то ни стало спасти дѣвушку.

И тогда произошло нечто ужасное. Аэропланъ Ка-

хана также смѣнилъ курсъ, и дуло пулемета направилось на кусокъ шелка, на которомъ повисла жизнь Марго.

— Господи! — прорычалъ Бинней и направилъ свой аэропланъ на аэропланъ противника. Теперь заговорили его пулеметы, и непріятельскій аэропланъ пронизалъ градъ пуль. Аэропланъ дрогнулъ и полетѣлъ внизъ. Караканъ тщетно пытался освободиться изъ пулеметной ленты, въ которой онъ запутался въ моментъ сильного толчка.

Нѣсколькими минутами спустя мы спустились на воду рядомъ съ Марго и втащили ее къ намъ. Она была блѣдна, но невредима. Спидъ заключилъ ее въ свои объятья.

Затѣмъ мы полетѣли къ останкамъ краснаго аэроплана. Аэропланъ безпомощно покачивался на водѣ. На переднемъ сидѣніи видѣлось бездыханное тѣло пилота. Караканъ неподвижно поникъ на своемъ сидѣніи. При паденіи онъ ударился о пулеметъ и голова его была окровавлена.

— Онъ живъ еще, — крикнулъ я, спрыснувъ его лицо водою.

Когда Караканъ пришелъ въ себя, мы перетащили его въ свою машину. Я посадилъ его рядомъ съ собою, и Спидъ снова поднялся на воздухъ. Вскорѣ мы увидѣли вдали „Звѣзду Азіи“, на которой теперь развѣвалось звѣздное знамя, и нашу подводную лодку „В 4“.

Американскіе матросы помогли намъ перейти на бортъ захваченной подводной лодки. Когда Доджъ увидѣлъ Каракана, онъ шепнулъ мнѣ, что Линъ заболѣла, и что ее пришлося уложить въ постель.

Увидѣвъ, что Спидъ обнимаетъ Марго, онъ поблѣднѣлъ и прерывающимся голосомъ спросилъ:

— Что это значитъ?

И прежде чѣмъ ему дали отвѣтъ, онъ направился къ счастливому сопернику и протянулъ ему руку:

— Вы выиграли, Спидъ. Мнѣ остается лишь пожелать вамъ счастья.

Неожиданно мы услышали громкие возгласы и ура. Оглянувшись мы увидѣли, что команда развѣсила разноцвѣтные флаги. Къ намъ приблизился одинъ изъ офицеровъ и сказалъ:

— Война окончена. Мы только что получили следующее сообщение по радио:

„Начальникъ генерального штаба Красныхъ въ Новой Англіи генералъ Болиновъ сдался точка прибылъ подъ защитой бѣлого флага на американскія позиціи точка ведеть переговоры о заключеніи перемирія точка Караканъ бѣжалъ“.

Боже, какая сенсациѣ! Вся американская и непріятельская армія тщетно разыскиваетъ Каракана, а я его захватилъ въ плѣнъ!

Черезъ нѣсколько минутъ по эфиру понеслись первыя слова моей радио-корреспонденціи. Корреспонденція была помѣчена заголовкомъ:

„На борту подводной лодки Каракана „Звѣзда Азіи“.

Мы взяли курсъ на Нью-Йоркъ и черезъ полчаса повстрѣчались со сторожевыми судами нашей эскадры. Со всѣхъ сторонъ къ намъ неслись суда, — насы засыпали по радио сообщеніями — радио-телеграфистъ не успѣвалъ принимать все то, что сообщалось намъ.

Насъ подняли на бортъ крейсера „Миннеаполисъ“, и всю ночь напролѣтъ я продолжалъ посыпать свои сообщенія о проишшедшемъ. На утро мы получили предписание направиться въ Норфорлькъ. Нью-Йоркъ былъ превращенъ въ груду развалинъ, и пройти въ гавань было невозможно — доступъ въ нее былъ прегражденъ минами.

Нынѣ всѣмъ извѣстно, что населеніе Норфорлька было настолько возбуждено противъ желтаго диктатора, провозгласившаго лозунгъ „Побѣждай и плодись!“, что перевести его въ городъ оказалось невозможнымъ. Мы стали въ порту на якорь, а Караканъ былъ переданъ группѣ штабныхъ офицеровъ подъ начальствомъ генерала Смита.

Въ свою очередь мы перешли на дредноутъ „Орегонъ“, и красный диктаторъ былъ доставленъ на Бермудскіе острова, где онъ и доживаетъ свой вѣкъ въ изгнаніи.

Нынѣ всѣ фазы, которыми завершилась война, извѣстны любому школьнику. Всѣ знаютъ о послѣдовавшей послѣ плененія Каракана сдачѣ непріятельскихъ войскъ въ Цен-

тральной Америкѣ и на сѣверо-западномъ фронтѣ. Въ Вѣнѣ, Лондонѣ, Парижѣ и Берлинѣ вспыхнули контрреволюціи — образованная Караканомъ федерація распалась и перестала существовать.

Мнѣ нечего рассказывать о томъ, что Европа снова восстановила прежній порядокъ, образовавъ единое государство, названное „Соединенными Штатами Европы“. Также излишне говорить о томъ, что для отправки желтыхъ полчищъ изъ Америки на родину потребовалось восемнадцать мѣсяцевъ срока, и что для осуществленія этой задачи пришлось прибѣгнуть къ услугамъ всего мірового флота.

Для сотенъ тысячъ каракановскихъ солдатъ бѣлой расы подобный исходъ войны оказался благомъ. Интенсивная колонизаціонная политика Америки снабдила ихъ тѣмъ, чего они тщетно добивались всю свою жизнь, — она дала имъ землю. Нынѣ бывшіе солдаты каракановской арміи — трудолюбивые колонисты и пionеры новыхъ Штатовъ, вошедшихъ въ составъ Соединенныхъ Штатовъ. Они населяютъ Манитобу, Саскатчеванъ, Альберту (ранѣе бывшую Канадой,) Ванкуверъ (въ прошломъ Британская Колумбія). Канада вошла въ американскую федерацію по волѣ всенародного голосования, состоявшагося въ ноябрѣ 1937 года.

Политическое объединеніе обѣихъ странъ, послѣ того, какъ Европа также объединилась въ единое государство, стало наступной необходимостью.

Столицей всеамериканской федераціи остался Санть-Луи, и нынѣ американское звѣздное знамя развѣвается отъ полярного круга до границы Мексики.

Прежнія англійскія базы — Ямайка, Тринітадъ и Бермудскіе острова — болѣе не принадлежать Европѣ. Британскій Гондурасъ и три Гвіаны вошли въ составъ южноамериканскихъ республикъ Гватемалы, Венецуэлы и Бразиліи.

Недавно меня навѣстили въ Нью-Йоркѣ Марго и Бинней. Марго нынѣ является членомъ конгресса отъ штата Саскатчеванъ.

Линъ послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ первой горячки поправилась и уѣхала за своими дѣтьми въ Россію. Сей-

часъ она вмѣстѣ со своими дѣтьми живетъ у своихъ родителей въ Бостонѣ.

Полковникъ Бойеръ послѣдовалъ за своимъ вождемъ въ изгнаніе и живетъ на Бермудскихъ островахъ. При составленіи этой книги онъ былъ мнѣ очень полезенъ рядомъ свѣдѣній и указаній.

Караканъ боленъ. Теперь 1941 годъ, и ему минуло сорокъ одинъ годъ. Я часто гуляю съ нимъ по острову, и порой мы выѣзжаемъ съ нимъ на прогулку верхомъ. Но чаще всего мы вмѣстѣ отдыхаемъ на террасѣ его дома. Передъ нимъ обычно лежитъ карта Карабискаго моря — моря, въ которое закатилась его счастливая звѣзда.

Я являюсь на этомъ островѣ представителемъ всей мировой прессы и бесѣдую съ нимъ отъ ея лица. Его отношеніе ко мнѣ ни въ какой степени не измѣнилось. Онъ все еще продолжаетъ чувствовать себя диктаторомъ мира. Его армія распущена, флотъ его погибъ, его воздушныя силы уничтожены, государства его болѣе не существуетъ, но даже годы изгнанія и униженія не сломили краснаго Наполеона.

Для меня онъ всегда останется символомъ упрямой воли, непреклоннаго мужества, стальной рѣшимости и азиатской жестокости. Онъ ведетъ обширную корреспонденцію, проходящую черезъ цензуру генерала Смита. Цензура эта сообщаетъ мнѣ содержаніе писемъ, адресованныхъ бывшему властителю мира. Ему пишутъ бѣлые женщины, которымъ выпадалъ на долю удѣль принадлежать ему — въ этихъ письмахъ сообщаются ему свѣдѣнія о его многочисленныхъ дѣтьяхъ, рожденныхъ бѣлыми матерями, но въ жилахъ которыхъ течетъ монгольская кровь Каракана.

— Я не менѣе горжусь своей желтой кожей, чѣмъ вы свою бѣлой, — сказалъ онъ мнѣ какъ-то. — Кто смѣеть утверждать, что гладкіе волосы лучше курчавыхъ волосъ, и что одна форма черепной коробки лучше другой? Вы, бѣлые, все еще болтаете о высшей своей цивилизаціи. И вы забываете, что было время, когда желтая и коричневая расы дали цивилизацию, превосходившую вашу цивилизацию. Желтолицые люди строили пирамиды, изобрѣли порохъ и

бумагу, заложили основаніе для многихъ наукъ, создали медицину, хирургію, астрономію, математику. Все это они создали еще въ тѣ времена, когда вы, бѣлые, бродили по Европѣ, кутаясь въ звѣринные шкуры и питаясь сырьемъ мясомъ. Вы меня проклинаете за то, что я искалъ общенія съ бѣлыми женщинами и провозгласилъ уничтоженіе расы. Вы меня осудили за то, что я приказалъ моимъ войскамъ побѣждать и плодиться.

— Мнѣ нечего оправдываться передъ вами. Въ томъ, къ чему я стремился, кроется будущее міра. Рѣшительные и непреклонные мужчины существовали и до меня. Нѣкоторымъ изъ нихъ удалось осуществить свою цѣль; другимъ выпало на долю лишь посѣять сѣмена грядущихъ всходовъ. Мнѣ суждено было ограничиться вторымъ. Есть только одно средство для улучшенія міра — это средство — сила. Моя ошибка заключалась въ томъ, что я не сумѣлъ оказаться на морѣ болѣе сильнымъ. Я горжусь своею жизнью и сдѣяніями, я горжусь тѣмъ, что въ моихъ жилахъ течетъ кровь Чингизъ-Хана. Должно быть, мнѣ суждено будетъ умереть пѣнникомъ подъ надзоромъ Смита, но я останусь жить въ памяти людей не только какъ завоеватель, но и какъ борецъ за будущее человѣчества.

— Войны, сраженія, борьба — все это этапы на пути прогресса. Войны похоронили старые предразсудки міра — національныя, религіозныя, сословныя и классовыя преимущества. Но одинъ предразсудокъ продолжаетъ жить — это расовой предразсудокъ и расовая привилегія.

— Сравнительно небольшое число бѣлыхъ людей не можетъ вѣчно порабощать своихъ цвѣтныхъ братьевъ. Вы, американцы, продолжаете вѣрить въ чистоту расы, вы продолжаете возносить арийство. И вы пытаетесь властствовать надъ міромъ. Вы захватываете себѣ лучшія страны міра. Чего ради вы устанавливаете намъ, цвѣтнымъ расамъ, преграды? Я вамъ скажу, почему вы это дѣлаете: вы боитесь насъ, страшитесь нашей силы. Въ Соединенныхъ Штатахъ есть лишь одна цвѣтная раса, для которой вы не устанавливаете различій. Въ жилахъ вице-президента Кертиса течетъ кровь индѣйца. Миссисъ Вудро Вильсонъ также

гордилась своимъ индѣйскимъ происхожденiemъ. Почему вы признаете этихъ людей людьми, если все сводится къ вопросу крови?

— Почему? Я дамъ вамъ отвѣтъ на этотъ вопросъ. Вы не боитесь больше индѣйцевъ. Вы побѣдили ихъ — ихъ племена разсѣяны, воины ихъ разоружены, ихъ жены принадлежать вамъ. Вы превратили индѣйцевъ въ зоологические экспонаты, заставляете ихъ пополнять ряды фокусниковъ, продавцовъ ковровъ, заклинателей змѣй. Но ваше отношеніе къ желтымъ и чернымъ совсѣмъ иное — вы ихъ боитесь.

— Я говорю вамъ это потому, что я желаю, чтобы вы написали объ этомъ. Для вашего бѣлага слуха эти слова звучать ужасно, но я хочу, чтобы вы выслушали меня, потому что будетъ день и придетъ пора разрѣшить и эту задачу. Ненависть между расами должна исчезнуть.

— Заповѣди вашего Господа, завѣты вашей вѣры, законы вашихъ правительствъ, основные принципы вашей биологии — все это говоритъ о томъ, что люди всѣхъ расъ принадлежать къ одной семье. И все это ложь и лицемѣріе. Я признаю лишь одну расу — и эта раса — человѣчество.

Карахану не суждено покинуть пустынныи островъ. Для него не наступить дни возвращенія съ Эльбы. Красный Наполеонъ не доживеть до своихъ „ста дней“.

Онъ отлично знаетъ, что на всемъ земномъ шарѣ живо воспоминаніе о понесенныхыхъ потеряхъ, о миллионахъ принесенныхыхъ въ жертву жизней и несмѣтныхъ богатствахъ, развѣянныхъ войною. Онъ знаетъ, что онъ не можетъ разсчитывать на то, что ему когда-либо удастся снова прийти къ власти.

Но онъ продолжаетъ вѣрить, что посѣянныя имъ сѣмена недовольства дадутъ пышные всходы, и что придетъ день, когда множество людей смѣшанныхъ расъ, унаслѣдовавшихъ его кровь, отомстять за него.

Конецъ

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.